

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск тридцать девятый)
М., 2009, 288 стр.

Ответственные редакторы: А.О. Филоник, М.Р. Арунова

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-209-5
ISBN

ISBN 978 5-89394-209-5
ISBN

Москва
2009

© Институт Востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

Авад Зауль О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ ПАЛЕСТИНСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	5
И.М.Батыршин ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОНДЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ	26
И.С.Берг ИНВЕСТИЦИИ ФРГ В СТРАНЫ АРАБСКОГО МИРА	50
Г.В.Горицкая ИСЛАМИСТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В МАРОККО	72
И.В.Жмуйда ИНОСТРАННАЯ ПОМОЩЬ ПАКИСТАНУ: ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ	87
Ю.В.Зинькина НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОПТСКОЙ ОБЩИНЫ ЕГИПТА В XX в.	105
Л.П.Зудина ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ТУНИСЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ....	122
Э.О.Касаев КАТАР: СОСТОЯНИЕ ТЭК И ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА ..	130
Г.Г.Косач АРАБСКИЙ МИР: ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРУКТУРА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГИОНА	153
А.И.Куприн ПРОФСОЮЗЫ И ГОСУДАРСТВО В АЛЖИРЕ	177
А.Б.Подцероб РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР – ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	194

А.И.Пылев ВОПРОСЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА РОССИИ И ИРАНА	204
О.И.Трофимова НЕФТЕГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЙЕМЕНА	221
Яков Файтельсон (заменить) ПОЧЕМУ ПАЛЕСТИНЦЫ ПРОТИВЯТСЯ СОЗДАНИЮ ПАЛЕСТИНСКОГО ГОСУДАРСТВА	229
С. Кожеуров, Алек Д. Эпштейн ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ ВТОРОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Б. НЕТАНИЯХУ НА ПАЛЕСТИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	246

Авад Зауль

О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ ПАЛЕСТИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Процесс конституционного развития Палестины до настоящего времени не завершен и находится на стадии рассмотрения и общественного обсуждения третьего, наиболее полного проекта постоянной конституции. Первым значимым итогом палестинского конституционного процесса был принятый в 1997 г. Основной закон, который был одобрен бывшим главой Палестинской национальной администрации Я. Арафатом в 2002 г. и который стал правовым фундаментом деятельности ПНА, своеобразной моделью будущей государственности.

В последующие годы значительно активизировалась дискуссия по проекту новой конституции, появилось даже несколько ее вариантов, за каждым из которых стояли определенные политические группировки со своим видением новой палестинской государственности. И, наконец, в марте 2003 г. на суд палестинской и международной общественности был представлен третий проект палестинской конституции, в который были внесены некоторые изменения. В окончательном виде он был опубликован с поправками 14 мая 2003 г. Проект был разработан Палестинским Конституционным Комитетом, созданным Я. Арафатом в ноябре 1999 года. В его состав вошли: д-р Набиль Шаат – министр планирования и международного сотрудничества, председатель Конституционного Комитета;

д-р Ахмад Мубарак Аль-Халиди – профессор конституционного права в Университете Аль-Нажах, заместитель председателя Комитета;

д-р Али Хашан – декан Юридического колледжа при Университете Аль-Кудс;

д-р Халид Эрикат – генеральный директор министерства планирования и международного сотрудничества;

д-р Ахмад Абу Халбиех – декан отдела аспирантуры в Исламском Университете;

д-р Камаль Аль-Астал – председатель Департамента политических наук в Университете Аль-Азхар;

д-р Хайри Хасан – член Юридического комитета Палестинского Национального Совета;

г-н Мохаммад Сбих – Генеральный секретарь Центрального комитета ООП, Представитель Палестины в Лиге Арабских Государств;

г-н Махмуд Аль-Ажрами – генеральный директор министерства планирования и международного сотрудничества.

Предполагается, что этот проект будет основой для будущей палестинской государственности.

Законодательная власть

Государство Палестина по проекту конституции является парламентарной республикой, что подтверждается принципом формирования правительства и способами взаимоотношений парламента и правительства¹.

Проект конституции ставит на первое место в системе государственных органов Совет Представителей – высший орган государственной власти. Устанавливаются основные функции этого органа – исключительное право принимать законы, определять общую политику государства, одобрять государственный бюджет, подготовленный Советом Министров, и осуществлять парламентский контроль над исполнительной властью (статья 65).

Совет Представителей представляет народ Палестины и состоит из 150 депутатов, избираемых на основе конституции и избирательного законодательства. Общие требования к кандидатам в депутаты устанавливаются конституцией и указанным законодательством. Проект конституции лишь требует, чтобы кандидат в депутаты был палестинцем по рождению, а избранный член Совета Представителей не должен иметь никакого другого гражданства, кроме палестинского. Это означает, что отказ от иностранного гражданства возможен после избрания в состав Совета Представителей. Других требований (возрастных, оседлости, грамотности и т.д.) проект конституции не устанавливает, относя это к последующему избирательному законодательству, что является определенным недостатком данных конституционных положений, поскольку формирование де-

путатского корпуса, а на основе его и состава правительства логичнее осуществлять на конституционных условиях.

Члены Совета Представителей избираются сроком на 5 лет и могут быть переизбраны. А срок полномочий самого Совета Представителей может быть продлен только в случае крайней необходимости и на основании специального закона, принятого большинством в 2/3 голосов членов Совета Представителей. До вступления в должность члены Совета Представителей дают конституционную клятву, текст которой содержится в проекте конституции.

На первом заседании ежегодной сессии Совет Представителей избирает спикера, двух его заместителей и генерального секретаря. Эти лица не могут занимать посты министров или какие-либо другие правительственные должности, хотя члены Совета Представителей могут занимать правительственный пост при условии, что их общее число в Совете Министров не должно превышать половину общего числа министров. Последнее положение выглядит несколько необычно для парламентарной республики, поскольку, как правило, для такой формы правления характерно совмещение постов депутатов и министров или полностью всего состава правительства, или его подавляющего большинства, что дает достаточную устойчивость правительству и позволяет членам правительства активно влиять на законодательный процесс.

Очередная сессия Совета Представителей открывается президентом Палестины в присутствии спикера или одного из его заместителей и при кворуме в 2/3 общего состава членов Совета. Обычные заседания действительны в присутствии спикера или его заместителей и абсолютного большинства его членов.

Совет представителей проводит две ежегодные сессии по 4 месяца продолжительностью каждая – одна начинается в первую неделю марта, вторая – в первую неделю сентября. Сессия созывается по распоряжению спикера. Внеочередная сессия может быть созвана президентом Палестины по согласованию с премьер-министром или по требованию не менее 1/3 состава Совета Представителей. Сессия созывается в случае возникновения такой необходимости.

Проект конституции закрепляет право досрочного отзыва депутата, который перестал отвечать обязательным требованиям, предъявляемым депутатам. Отзыв осуществляется ре-

шением Совета Представителей при положительном голосовании 2/3 общего состава Совета. Досрочный отзыв депутатов составом парламента вообще нехарактерен для демократических государств, поэтому такая норма проекта конституции фактически отбрасывает принцип т.н. «свободного» мандата и фактически ставит любого депутата в зависимость от депутатского корпуса, тем более основания досрочного отзыва проектом конституции сформулированы в довольно общей форме. Обычно для демократических парламента нехарактерна практика досрочного отзыва депутата, что соответствует принципу его независимости как от избирателей, так и от исполнительной власти и предохраняет депутатов от возможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Кроме того, такой статус депутатов гарантирует свободную деятельность оппозиционных парламентских фракций.

В случае возникновения депутатской вакансии в избирательном округе проводятся дополнительные выборы, если вакансия появилась не позднее, чем за 6 месяцев до окончания срока полномочий Совета Представителей. Заседания Совета Представителей являются открытыми. Проект конституции не предусматривает возможности проведения закрытых заседаний, но устанавливается норма, которая предусматривает право спикера с согласия большинства присутствующих депутатов давать согласие на видеосъемку заседания (статья 75), что также необычно для новейших конституций. Совет Представителей принимает собственный регламент работы в форме отдельного закона.

Проект конституции устанавливает субъекты права законодательной инициативы, в качестве которых выступают президент страны, премьер-министр, спикер Совета Представителей, группа депутатов в количестве не менее 5 человек. Интересно отметить, что законодательная инициатива депутатов может носить только коллективный характер, отдельные депутаты, равно как и отдельные министры, правом законодательной инициативы не обладают, что в принципе снижает эффективность работы любого парламента, поскольку ограничивает круг субъектов законотворчества. Причем законопроект, отклоненный на текущей сессии, не может быть повторно на ней рассмотрен, если инициатива его повторного рассмотрения не будет поддержана большинством в 2/3 Совета.

Решения и резолюции Совета Представителей, включая одобрение законопроектов и проекта государственного бюджета

та, принимаются простым большинством присутствующих членов Совета. Совет Представителей должен одобрить международные договоры и соглашения, заключаемые правительством, которые вступают в силу после подписания их президентом и публикации в официальном издании.

Принятый Советом Представителей закон передается для одобрения его президентом страны в течение 30 дней и опубликования. В случае отказа президента подписать принятый закон он должен быть возвращен в течение этого срока в Совет Представителей, который может преодолеть вето президента положительным голосованием в 2/3 голосов его членов, и в этом случае президент обязан подписать принятый закон. Если в течение указанного срока президент не подпишет закон и не вернет его в Совет Представителей со своими возражениями, закон автоматически вступает в силу и должен быть опубликован в официальном издании.

Осуществляя функцию контроля над деятельностью правительства, Совет Представителей может создавать специальные комиссии по расследованию или поручать одному из своих постоянных комитетов выявлять недостатки и ошибки в деятельности правительства и передавать результаты своих расследований в Совет Представителей, который правомочен принимать по ним соответствующие решения. Депутаты имеют право задавать вопросы премьер-министру и другим членам правительства и получать ответ в порядке, предусмотренном регламентом Совета.

Любой член Совета Представителей имеет право письменного запроса в адрес премьер-министра, его заместителей или отдельных министров по вопросам их компетенции. Обсуждение ответа на запрос депутата должно проводиться не ранее недельного срока с момента представления запроса. При необходимости этот срок может быть сокращен Советом Представителей.

После обсуждения ответа на запрос группа депутатов в количестве не менее 10 человек может предложить вынести порицание премьер-министру, министру или другому должностному лицу, к которому был обращен запрос, или вынести вотум недоверия тем же самым лицам. В любом случае голосование по принятию такого решения может иметь место не ранее чем через 3 дня после его внесения. Решение о вотуме недоверия премьер-министру, всему составу правительства

или отдельному министру может быть принято абсолютным большинством от общего числа членов Совета Представителей (статья 86). Если указанное большинство либо более чем 1/3 состава Совета министров одобряют вотум недоверия премьер-министру, правительство обязано уйти в отставку. В этом случае премьер-министр и кабинет продолжают исполнять свои обязанности до тех пор, пока не будет сформировано новое правительство. Если Совет Представителей выражает вотум недоверия отдельному министру, он обязан уйти в отставку. В данном случае устанавливается коллективная ответственность всего Совета министров и индивидуальная ответственность членов кабинета за свою деятельность.

В случае необходимости президент может поставить перед премьер-министром вопрос о роспуске Совета Представителей. Если за это проголосует более 2/3 всего состава Совета министров, президент объявляет о роспуске Совета Представителей. Правительство назначает всеобщие выборы в Совет Представителей, которые должны состояться не позднее 60 дней со дня роспуска Совета Представителей на основе избирательного законодательства. При этом необходимо отметить, что Совет Представителей не может быть распущен в первый год своей деятельности и в условиях чрезвычайного положения, введенного в соответствии с конституционными нормами. В обычных условиях правительство назначает очередные выборы в Совет Представителей не позднее 60 дней до истечения срока полномочий предыдущего состава Совета.

Одно из важнейших полномочий Совета Представителей – выдвижение обвинений против президента страны в государственной измене, нарушении конституции или совершении уголовного преступления (статья 90). Такое предложение может быть выдвинуто не менее чем 1/3 всего состава Совета Представителей. Окончательное решение об обвинении президента может быть принято 2/3 голосов всего состава Совета Представителей. В этом случае президент немедленно прекращает исполнение своих полномочий и предстает перед Конституционным судом. Таким образом, в процессе отстранения президента от должности участвует законодательный орган и Конституционный суд. Статья 119 проекта конституции предусматривает проведение новых президентских выборов, как только президент слагает с себя полномочия при выдвижении в его адрес обвинения.

Проект конституции регулирует компетенцию Совета Представителей в финансовой сфере, особенно в области принятия государственного бюджета, проект которого готовит правительство и представляет в Совет не позднее 4 месяцев до окончания очередного финансового года. Если Совет Представителей не утвердил государственный бюджет через 5 месяцев от даты его получения, президент страны по решению Совета министров вводит бюджет в действие своим распоряжением в том виде, в котором он был подготовлен правительством и внесен в Совет Представителей на обсуждение и одобрение.

Правовой статус членов Совета Представителей

Проект конституции довольно подробно закрепляет правовое положение, права и обязанности членов Совета Представителей. Прежде всего закрепляется принцип парламентского индемнитета (вознаграждения), который предусматривает, что денежное вознаграждение, выплаты других пособий и премий членам Совета Представителей устанавливаются законом. Любые изменения, вносимые депутатами в данный закон, могут распространять свое действие лишь на следующий состав Совета Представителей. Совершенно очевидно, что подобные ограничения вводятся для того, чтобы депутаты не злоупотребляли своими полномочиями и, используя законодательную власть, не увеличивали бы депутатское вознаграждение и другие материальные блага за счет государственного бюджета, а следовательно, за счет налогоплательщиков.

Статьи проекта конституции устанавливают парламентский иммунитет членов Совета Представителей в течение всего срока депутатских полномочий. Они не могут быть подвергнуты уголовному или гражданскому преследованию за высказанные мнения, выявленные факты и волеизъявление на заседаниях Совета Представителей и его комитетов. Член Совета Представителей не должен давать показания по поводу своей деятельности, своих заявлений или информации, полученной им в ходе работы в качестве члена Совета Представителей.

Член Совета Представителей не может быть привлечен к судебному разбирательству или судим, за исключением случаев, когда он лишен парламентской неприкосновенности голосованием абсолютного большинства членов Совета Пред-

ставителей. Депутат может быть задержан на месте преступления, привлечен к судебной ответственности и заключен под стражу. Если Совет Представителей не заседает, разрешение на судебное преследование депутата дает спикер Совета, извещая Совет на ближайшем заседании и обеспечивая открытость судебных заседаний по делу арестованного члена Совета Представителей.

Депутат Совета Представителей несет ответственность перед Советом Представителей. В случае совершения действий, порочащих звание члена Совета Представителей, 1/3 состава Совета может внести на рассмотрение вопрос о лишении данного депутата занимаемой должности. Если такое предложение поддержит абсолютное большинство депутатов, дело передается в Конституционный суд для принятия окончательного решения.

Конституционная норма о лишении депутата должности по основанию порочащего поведения страдает достаточно расплывчатая, т.к. не определены даже приблизительные границы такого порочащего поведения, что чревато возможными злоупотреблениями в отношении неугодных или оппозиционных депутатов.

Проект конституции устанавливает принцип несовместимости депутатского мандата (статья 107). Депутату запрещено занимать другую государственную должность, кроме депутатской, заниматься частным предпринимательством, покупать или арендовать государственную собственность, продавать государству или обмениваться с ним личным имуществом, заключать с государством контракты в качестве предпринимателя, поставщика или подрядчика. Государство гарантирует члену Совета Представителей сохранение за ним рабочего места после завершения депутатского мандата.

Депутат Совета Представителей имеет право на досрочную отставку в соответствии с его внутренним регламентом, принимает отставку Совет Представителей.

Запрет совмещения постов для депутатов – это обычная практика всех демократических государств и одновременно один из важнейших инструментов борьбы с коррупцией и обеспечения независимости депутатского корпуса от каких-либо частных структур. Пресечению фактов коррупции служат и нормы проекта конституции, обязывающие депутатов в течение первого месяца своих полномочий предоставлять декла-

рацию о своем имуществе, имуществе супругов и несовершеннолетних детей. В декларации необходимо указать данные о своем движимом и недвижимом имуществе, наличных средствах, долгах и причитающихся выплатах в Палестине и за границей. Такие декларации хранятся в Конституционном суде.

Необходимо отметить, что декларации об источниках доходов и имуществе депутатов являются новым явлением в палестинской политической действительности, что, видимо, потребует более детального регулирования усилий такой отчетности, санкций за ложные или неточные сведения, необходимости предоставления депутатской декларации после окончания срока депутатского мандата и т.д. Попытка установить такой финансовый контроль над депутатским корпусом, несомненно, является положительной чертой проекта конституции. Очень важно, чтобы эти положения на практике не приводили бы к административному воздействию на депутатов, неугодных правящим кругам.

Исполнительная власть

Значительная часть проекта конституции (статьи 112–158) регулирует положения и порядок функционирования органов исполнительной власти, хотя прямого перечня того, что входит в исполнительную власть, проект конституции не содержит².

Место главы государства в системе органов власти определяется прежде всего формой правления: в президентской республике он взаимодействует с парламентом и судебной властью как представитель исполнительной власти; в смешанной республике нередко стоит над всеми властями; в парламентарной республике его роль вторична по сравнению с ролью главы правительства. В российском и зарубежном государствоведении существуют различные подходы к понятию и месту главы государства в системе власти.

Некоторые специалисты в области государственного права высказывали суждение о том, что «с точки зрения до конца понятного и последовательного буржуазного демократизма институт главы государства не имеет никаких разумных оснований для своего существования». Эту же точку зрения поддерживает и Г.Н.Андреева (ссылаясь на опыт Швейцарии, где имеется коллегиальный орган – правительство, которое каж-

дый год возглавляет новый председатель из числа его членов, выполняющий представительские функции), подчеркивая, что «институт главы государства – по сути, наследие феодальной эпохи... в условиях разделения властей необходимости в нем не существует, поскольку его представительские полномочия вполне могут реализовывать и другие высшие должностные лица»³.

Однако большинство российских исследователей (В.Е. Чиркин, А.М. Осавелюк) считает, что глава государства – это специальный орган в системе государственных органов власти, на который возлагается высшее представительство государства вовне и внутри страны и для конструирования которого есть рациональные основания.

В зависимости от формы правления и государственного режима, а также системы политических отношений в стране конституционные полномочия главы государства могут быть номинальными или реальными. Номинальные и реальные полномочия могут по-разному сочетаться, но в случае какого-либо политического кризиса, когда конституционные власти и политические силы окажутся по какой-либо причине не в состоянии управлять страной, именно глава государства призван найти выход из ситуации⁴. Поэтому, по определению А.М. Осавелюка, это своего рода «резерв власти»⁵.

Президент. Судя по тому, что раздел об исполнительной власти по проекту конституции начинается с рассмотрения полномочий президента республики, он непосредственно включен в исполнительную власть. Проект конституции провозглашает президента главой государства. Президент является гарантом «соблюдения конституции, единства палестинского народа и палестинских территорий, национальной независимости и должного функционирования органов государственной власти». Он осуществляет свои функции и несет ответственность за их исполнение в соответствии с конституцией. Ответственность за осуществление исполнительной и административной власти (за исключением прямых полномочий президента в этой сфере, установленных конституцией) несет Совет министров. В данном случае прямых разграничений ответственности президента и Совета министров конституция прямо не устанавливает.

Закрепляются общие требования, предъявляемые к кандидатам на пост президента: наличие палестинского граждан-

ства, возраст не менее 40 лет и обладание полным объемом гражданских и политических прав. Президент избирается прямым голосованием избирателей сроком на 5 лет⁶. Одно и то же лицо может быть переизбрано на пост президента один раз, следовательно, максимальный срок пребывания одного президента в должности составляет 10 лет. Интересно отметить, что прямые выборы президента характерны для президентской республики, а не парламентарной, которая по проекту конституции должна быть установлена в Палестине.

Проект конституции не устанавливает процедуру выдвижения кандидатов на пост президента, порядок избрания, характер избирательной системы, способы разрешения избирательных споров и т.д. По аналогии с требованиями, предъявляемыми к депутатам, президент обязан представить декларацию о своей собственности, собственности супругов и несовершеннолетних детей. Президент может сам уйти досрочно в отставку или быть отстраненным от этой должности в результате процедуры импичмента Конституционным судом по решению 2/3 всего состава Совета Представителей. Внеочередные выборы президента проводятся не позднее 60 дней с даты освобождения должности. В этом случае временно полномочия президента осуществляет спикер Совета Представителей или председатель Конституционного суда, поскольку проект конституции не предусматривает поста постоянного вице-президента.

Проект конституции определяет общие полномочия президента. Прежде всего это назначение премьер-министра по предложению партии, получившей большинство мест в Совете Представителей, после консультаций с лидерами других партий, представленных в Совете. В случае, если кандидат на пост премьер-министра не сможет сформировать правительство в течение 45 дней, президент поручает сформировать правительство другому кандидату и так до тех пор, пока кабинет не будет сформирован. В данном случае совершенно не урегулирована возможная ситуация, когда Совет Представителей не сможет сформировать правительство, ничего не говорится о возможности коалиционного правительства или о досрочном роспуске Совета как неспособного сформировать кабинет, тем более что статьи о законодательной власти запрещают роспуск Совета в первый год его деятельности. Такая нечеткость конституционных норм может в дальнейшем вызвать сложности при формировании правительства.

Президенту предоставлено право утверждения принятых Советом Представителей законов в течение 30 дней. В течение этого срока президент может подписать закон и распорядиться его обнародовать или высказать свои возражения и потребовать его пересмотра. Если в течение этого срока закон не был утвержден президентом и не был возвращен в Совет Представителей, он автоматически вступает в силу и публикуется в официальной газете. Возвращенный президентом в Совет Представителей закон для вступления в силу должен быть повторно одобрен большинством в 2/3 всего состава депутатов.

По проекту конституции переговоры о заключении международных договоров ведет премьер-министр или уполномоченный им министр, а не президент, которого только обязаны информировать о ходе переговоров. Заключение международного договора должно быть одобрено Советом министров и формально утверждено президентом. Здесь совершенно очевидно, что приоритет в области международных отношений принадлежит правительству, а не президенту.

Президент председательствует в Совете министров в период введения чрезвычайного положения и при других чрезвычайных обстоятельствах. Президент издает указы о назначении премьер-министра и об отставке кабинета. Все остальные акты президента должны быть контрассигнованы премьер-министром или соответствующим министром. Премьер-министр обязательно скрепляет своей подписью распоряжения об издании законов, указы о созыве внеочередных заседаний Совета Представителей. Президент может обращаться к Совету Представителей с посланиями без их последующего обсуждения. Президент направляет в Совет Представителей законопроекты, одобренные Советом министров. Президенту предоставлено право объявлять амнистию на основе принятого Советом Представителей закона и право осуществлять помилования по уголовным наказаниям. Ему же предоставлено право осуществлять государственные награждения.

По предложению министра иностранных дел президент направляет послов и других высших представителей Палестины в зарубежные государства и международные организации и устанавливает сроки их полномочий. Он же принимает верительные грамоты представителей иностранных государств, международных и региональных организаций.

Президент осуществляет функции Верховного главнокомандующего Национальных сил безопасности Палестины, непосредственно руководит которыми осуществляет соответствующий министр. Президент обладает правом объявления чрезвычайного положения в случае угрозы национальной безопасности, войны, стихийного бедствия, внезапного нападения на страну, нарушения национального единства и нормального функционирования конституционных органов власти. Такое объявление чрезвычайного положения может быть осуществлено президентом только с согласия премьер-министра и ознакомления с мнением спикера Совета Представителей.

Чрезвычайное положение не может продолжаться более 30 дней. Оно может быть продлено еще на такой же срок большинством в 2/3 состава Совета Представителей. При объявлении чрезвычайного положения должны быть определены цели его введения и сроки.

Введение и продление режима чрезвычайного положения требует каждый раз одобрения абсолютного большинства депутатов Совета Представителей, что означает определенную форму контроля над решениями, принимаемыми исполнительной властью. Решения правительства в период введения чрезвычайного положения подвержены судебному контролю, что является откровенно демократическим положением современного конституционного права, и проект конституции Палестины направлен именно в это русло.

Таким образом, если судить по конституционным статьям о полномочиях президента Палестины, то они довольно скромные с точки зрения участия в государственном управлении. И хотя президент отнесен проектом конституции к сфере исполнительной власти, он занимает там далеко не первое место, осуществляя в основном функции главы государства, характерные для типично парламентарной республики западноевропейского образца или Израиля. Как отмечает крупнейший российский специалист в области конституционного права ближневосточных стран В.П. Воробьев, президент в Израиле «...не является главой исполнительной власти, и круг его полномочий невелик. Президент страны по сути своей скорее представляет собой морального судью, значение деятельности которого зависит в значительной степени от самой личности, занимающей этот пост, чем от присущих ему prerogative»⁷.

Как конституционный статус президента, так и его фактическое положение в системе государственных органов Палестины радикально отличаются от положения сверхсильного института президентства в других арабских республиках, где сильная президентская власть откровенно довлеет над другими государственными органами, являясь фактически центром всей политической системы, опираясь на действующие конституционные нормы.

Премьер-министр и Совет министров. В общем понимании правительство – это коллегиальный орган общей компетенции, осуществляющий руководство исполнительной и административной деятельностью в стране⁸. В его состав входят руководители наиболее значительных органов центральной администрации, а иногда и представители нижестоящей администрации.

Правда, к президентским республикам это определение не вполне подходит. Администрация с общей компетенцией возглавляется там не коллегиальным органом, а единолично президентом.

Важно отметить, что в арабских странах с точки зрения своего политического состава правительство не является однопартийным, коалиционным или беспартийным, т.к. в республиканских государствах партии практически не в состоянии сформировать собственные правительства (а в аравийских монархиях деятельность партий официально запрещена)⁹.

Особенностью проекта палестинской конституции является закрепление не только полномочий президента как главы государства, но и конституционного статуса премьер-министра, Совета министров (правительства) и министров. Проектом установлен минимальный возрастной ценз для премьер-министра и министров не менее 35 лет. Такие возрастные ограничения трудно объяснить с учетом демографической ситуации, когда молодое поколение составляет большинство населения.

Премьер-министр несет ответственность за формирование правительства. Он информирует президента о распределении министерских постов, а состав и программу правительства представляет на одобрение Совета Представителей. Если новое правительство не получает одобрения со стороны Совета Представителей в течение трех недель, президент предлагает новую кандидатуру премьер-министра, и так до тех пор, пока правительство не будет сформировано. Уходящий в отставку премьер-министр продолжает исполнять свои обязанности в уз-

ком составе правительства. Видимо, это должен быть «рабочий» или «служебный» кабинет европейского образца, который осуществляет неотложные правительственные функции, когда возникают трудности с формированием постоянного кабинета министров. Важно отметить, что возможность досрочного роспуска Совета Представителей в связи с невозможностью сформировать постоянное правительство проектом конституции не предусматривается.

Премьер-министр осуществляет руководство правительством, при этом сам премьер-министр и министры солидарно и индивидуально несут ответственность перед Советом Представителей. Утверждение кандидатур министров требуется Советом Представителей и в случае появления вакансии в составе кабинета министров. Интересная особенность в формировании палестинского правительства предусмотрена проектом конституции: если изменяется состав правительства на 1/3, необходимо вновь получить вотум доверия всему составу правительства со стороны Совета Представителей. Фактически это еще одна своеобразная форма осуществления контроля над деятельностью правительства со стороны Совета Представителей, что, как правило, отсутствует в других демократических конституциях.

После получения вотума доверия перед вступлением в должность премьер-министр и министры приносят конституционную клятву перед президентом и Советом Представителей, которую скрепляют собственной подписью.

Проектом конституции закреплены полномочия персонально премьер-министра, что является также необычным для современных конституций, в том числе и арабских республик. Значение такой довольно подробной регламентации заключается прежде всего в том, чтобы укрепить полномочия исполнительной власти, одновременно поставив ее в рамки, очерченные конституцией.

Премьер-министр несет ответственность за осуществление общего правительственного курса, определяемого Советом министров, он же представляет основные направления деятельности правительства Совету Представителей. Премьер-министр созывает заседания кабинета, устанавливает повестку дня, председательствует на его заседаниях, подписывает его постановления. Он же контролирует работу всех правительственных учреждений, координирует взаимоотноше-

ния министров и дает им общие указания, осуществляет руководство правительственными программами.

Премьер-министр обладает правом законодательной инициативы. Он дает распоряжения о публикации законов, одобренных Советом Представителей и подписанных президентом. В соответствии с законом он может получать и другие полномочия. Следует подчеркнуть, что круг осуществляемых премьер-министром полномочий дает основание утверждать, что премьер-министр является вполне самостоятельным должностным лицом, фактически независимым от президента.

Интересно отметить, что участие президента в заседаниях правительства не предусматривается, что характерно для чисто парламентских республик.

В проекте конституции не закрепляется обычный для парламентских республик приоритет правительственных законопроектов перед законопроектами, выносимыми рядовыми депутатами.

Проект конституции закрепляет принцип несовместимости правительственных постов с другими должностями или иной оплачиваемой деятельностью. Членам правительства запрещено покупать или арендовать государственную собственность, а также закладывать, продавать или обменивать свою собственность государству. Членам правительства запрещено использовать информацию, которой они обладают в силу занимаемой должности, для извлечения материальных выгод или для других противозаконных целей. Совершенно очевидно, что подобные меры направлены на то, чтобы предотвратить коррупцию на высшем государственном уровне.

Члены правительства и премьер-министр получают ежемесячно денежное вознаграждение, установленное законом. Эти же лица в течение первого месяца осуществления своих полномочий должны представить декларацию о своем имуществе, имуществе супруга(и) и несовершеннолетних детей. Члены правительства обязаны указать сведения о своем движимом и недвижимом имуществе, наличных средствах, долгах и причитающихся выплатах в Палестине и за границей (причем эти декларации хранятся в Конституционном суде). Предоставление этих сведений, видимо, необходимо также для борьбы с незаконным получением доходов функционерами высшей исполнительной власти. Если преследуется именно такая цель, тогда совершенно необъяснимо, почему не установлена

конституционная обязанность для этих должностных лиц предоставлять аналогичные сведения в случае досрочного ухода в отставку или завершения установленного срока пребывания в должности члена правительства.

Характерно, что после закрепления прерогатив премьер-министра проект конституции несколько статей посвящает конституционному статусу Совета министров как коллегиального органа исполнительной власти, причем прямо декларируя, что исполнительная власть осуществляется Советом министров (статьи 141–146). Таким образом, статья 142 прямо закрепляет приоритет исполнительной власти за правительством, а не президентом, который тоже включен в сферу исполнительных органов власти.

Проект конституции закрепляет интересные детали процедуры заседаний правительства. В частности, кворум для проведения заседания правительства составляет 2/3 от общего числа министров. Решения принимаются методом консенсуса или большинством посредством голосования. Обычно в демократических государствах правительство находится под жестким контролем премьер-министра, поэтому отсутствие на заседаниях 1/3 министров просто недопустимо, как и принятие решения большинством голосов. Обычно решение принимается такое, какое необходимо премьер-министру. Проект конституции закрепляет полномочия Совета министров, которые включают в себя следующие основные направления: определение общей политики государства на основе программы, одобренной Советом Представителей, и проведение в жизнь этой политики; исполнение законов и других нормативных актов; внесение законопроектов или право законодательной инициативы; подготовка проекта государственного бюджета и внесение его на утверждение в Совет Представителей; формирование, управление и контроль над нижестоящими органами исполнительной власти; осуществление общего контроля над деятельностью министерств, ведомств и правительственных агентств; утверждение всей структуры нижестоящих административных подразделений; одобрение правил, регулирующих их деятельность, и назначение руководителей этих подразделений по предложению соответствующих министерств (статья 144). Для выполнения всего объема работы помимо министерств при правительстве формируется определенное количество постоянных комитетов,

число которых устанавливается специальным постановлением правительства.

Проект конституции закрепляет права и обязанности министров, которые возглавляют свои министерства и несут всю полноту ответственности за их деятельность.

Важно отметить, что проект конституции устанавливает основания для предъявления обвинения премьер-министру или отдельным министрам. В качестве таких оснований могут быть: измена, нарушение конституции, совершение уголовного преступления или невыполнение непосредственных должностных обязанностей (статья 149). Такие обвинения могут быть выдвинуты не менее чем 1/3 общего числа депутатов Совета Представителей. Решение об отрешении от должности премьер-министра или отдельного министра может быть принято 2/3 всех членов Совета. После этого Генеральный прокурор или его официальный представитель проводят специальное расследование и передают дело по обвинению указанных должностных лиц на окончательное рассмотрение Конституционного суда. С момента начала расследования и до окончательного решения Конституционного суда эти должностные лица лишаются своих полномочий, при этом ни их увольнение с должности, ни добровольная отставка не могут отменить судебное преследование.

В данном случае следует обратить внимание на два момента. Первое – это то, что устанавливается очень широкий перечень основания для проведения процедуры импичмента, что нетипично для других демократических государств: в том случае, если член правительства не выполняет своих должностных обязанностей, его просто отправляют в отставку без какого-либо привлечения депутатов парламента (тем более проведения усложненной процедуры импичмента), хотя и парламентская ответственность отдельных министров тоже имеет место¹⁰. Второй момент заключается в том, что четко не регулируются возможные последствия признания привлекаемых к судебной ответственности членов правительства невиновными. Проект конституции умалчивает о том, будут ли они восстановлены в должности после проведения в отношении них процедуры импичмента.

Проектом конституции установлены случаи, когда правительство считается ушедшим в отставку и должно быть сформировано заново. Это имеет место после проведения очеред-

ных или внеочередных выборов в Совет Представителей и образования там фракции большинства; после вынесения вотума недоверия премьер-министру, правительству в целом или более чем 1/3 состава министров; в случае добровольной или принудительной отставки более 1/3 министров; если премьер-министр по запросу большинства членов Совета Представителей и принятого Конституционным судом решения признан неспособным осуществлять свои полномочия до формирования нового кабинета министров (статья 152).

Таким образом, система высших органов государственной власти Палестины, предусмотренная проектом конституции подтверждает высказанное выше мнение о том, что палестинское государство следует относить по форме правления к парламентарным республикам, в которых президент как глава государства лишен реальных полномочий по управлению страной, а вся полнота исполнительной власти находится в руках премьер-министра и возглавляемого им правительства. Правительство же, как это и принято в таких республиках, формируется на основе парламентского большинства и несет политическую ответственность перед высшим законодательным и представительным органом – Советом Представителей. Подобная система высших государственных органов в значительной степени способна гарантировать установление демократического политического режима и препятствовать проявлению авторитарных тенденций.

¹ О парламентарных и президентских формах правления см.: *Parliamentary Versus Presidential Government*. Ed. By A.Lijphart. Oxford University Press, 1992; Turpin D. *Le regime parlementaire*. Paris, 1997.

² В большинстве стран мира система исполнительной власти возглавляется двумя высшими органами – главой государства и главой правительства, причем последний осуществляет главным образом текущие функции, тогда как первый выполняет в основном функции верховного представителя государства. Это так называемая бифидальная (двуглавая) структура, при которой конкретное разграничение компетенции зависит от формы правления и государственного режима. Глава правительства при этом, по мнению российского государствоведа А.М. Осавелюка, выступает как «мальчик для битья» на случай кризисных ситуаций. (Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть /

Отв. ред. Страшун Б.А. – М.: НОРМА, 2005, с. 687.) Характеристика главы государства как «должностного лица или органа, занимающего высшее место в системе органов государственной власти», является чисто юридической, т.к. при парламентарных формах правления первым лицом в государстве реально является глава правительства, а не глава государства. В разных странах мира глава государства в соответствии с их конституциями рассматривается либо как неотъемлемая составная часть парламента, т.е. законодательной власти, поскольку без его подписи закон недействителен; либо как глава исполнительной власти и одновременно глава государства; либо как лицо, являющееся только главой государства и не входящее в какую-либо ветвь власти.

³ Андреева Г.Н.. Конституционное право зарубежных стран. М., 2005, с. 428.

⁴ Воробьев В.П., Чайко И.А. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ. М., 2006, с. 78–79.

⁵ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2005, с. 691.

⁶ В мировой практике существует несколько способов избрания президента, однако в арабских республиках приняты в основном две формы его избрания на должность. Первая – наиболее демократическая по западным образцам, когда президент избирается на всеобщих выборах путем тайного голосования (Тунис, Алжир, Мавритания). В этом случае он избирается непосредственно избирателями путем прямых, тайных и свободных выборов. Но даже в этом случае между избираемым президентом и избирателями может быть образована конституционно закрепляемая промежуточная инстанция. В частности, в Тунисе, например, образуется специальная комиссия в составе действующего президента, председателя Национального парламента, председателя Конституционного Совета, председателя апелляционного суда и председателя административного трибунала, которая определяет пригодность выдвинутых кандидатур, их соответствие требованиям избирательного закона и даже объявляет окончательные результаты голосования. При этой форме избрания президент должен быть избран абсолютным большинством голосов. Если такого большинства не удалось получить ни одному из кандидатов в первом туре голосования, во второй тур голосования допускаются два кандидата, получившие в первом туре относительное большинство голосов. Вторая форма избрания президента заключается в том, что кандидатуру президента называет Народная Ассамблея (парламент) страны (Египет, Йемен, Сирия, Ливан). Затем эта кандидатура выносится на утверждение на все-

общий референдум избирателей. В Египте, например, назначение кандидатуры президента происходит по предложению не менее 1/3 голосов Народной Ассамблеи. Затем эта кандидатура должна быть одобрена большинством в 2/3 всех членов Народной Ассамблеи. Если такого большинства не будет получено, процесс голосования будет повторен через два дня после первого голосования, и кандидатура, получившая уже абсолютное большинство голосов депутатов, будет вынесена на все-народный референдум.

⁷ Воробьев В.П. Конституционно-правовая система Государства Израиль. М., 2002, с. 250.

⁸ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / Отв. редактор Стрешин Б.А. – М.: НОРМА, 2005, с. 720.

⁹ Правительства в республиках Арабского Востока – это часть президентской власти, орган государственной власти, подчиненный и подконтрольный прежде всего главе государства. Общие задачи правительства сводятся к контролю над работой государственного исполнительного аппарата и различных его звеньев, а также к осуществлению надзора за реализацией законов и иных нормативно-правовых актов. Поэтому и статьи конституций, посвященные правительству (входящие, как правило, в раздел «Исполнительная власть»), регулирующие порядок формирования и полномочия правительства, расположены обычно сразу за статьями, регулирующими президентскую власть. И только конституция Йемена имеет специальную главу, озаглавленную «Совет Министров», остальные конституции содержат просто отдельные статьи.

¹⁰ См.: Черкасов А.И. Глава государства и правительства в странах современного мира. М., 2006, с. 183–186.

И.М.Батыршин

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОНДЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Развитие мировой экономики в последнее десятилетие, бум трансграничных инвестиций, постоянно растущие цены на нефть (до середины 2008 г.) и, наконец, глобальный кредитный кризис способствовали развитию нового феномена в мировом хозяйстве – государственных фондов благосостояния (ГФБ). Чаще всего эти фонды формируются из доходов того или иного государства от экспорта природных ресурсов и имеют целью обеспечение большей стабильности своей экономики, снижения зависимости от мировой конъюнктуры на рынках полезных ископаемых и минимизацию влияния экономических циклов развития на национальное благосостояние.

Специалисты выделяют «товарные» фонды, активы которых формируются из доходов от экспорта сырья, и «нетоварные» фонды, получающие средства из других источников – например, пенсионных фондов, положительного сальдо по текущим счетам (за счет несырьевого экспорта или профицита по счетам движения капитала). ГФБ стран ССАГПЗ (Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Кувейта, Омана и Бахрейна), безусловно, относятся к категории «товарных» фондов, так как формируются полностью за счет поступлений от экспорта нефти.

Необходимо отличать средства, находящиеся в управлении государственных фондов благосостояния, и золотовалютные резервы (ЗВР). ЗВР представлены высоколиквидными инструментами, чаще всего, как это следует из их названия, наиболее сильными мировыми валютами и золотом, и предназначены для обеспечения стабильности национальной валюты и регулирования денежной массы. Активы ГФБ инвестируются в менее ликвидные инструменты (акции, облигации, недвижимость) с целью максимизации прибыли в перспективе. Таким образом, ГФБ имеют много общего с частными инвестиционными фондами, за исключением того обстоятельства, что они формируются из дру-

гих источников, что обуславливает наличие существенных различий в их деятельности. В понятие государственных фондов благосостояния обычно включаются ориентированные на среднесрочную перспективу стабилизационные фонды, основная цель которых заключается в создании финансовых резервов на случай неблагоприятной экономической ситуации (но для более широких целей, нежели ЗВР), и фонды будущих поколений, задачей которых является максимально эффективное использование финансовых ресурсов в долгосрочной перспективе.

Государственные фонды благосостояния представляют собой сравнительно новый инвестиционный инструмент, история которого насчитывает чуть более 50 лет. Первым таким фондом было основанное в 1953 г. Кувейтское инвестиционное управление (КИУ), целью которого стало инвестирование избыточных средств, полученных от экспорта нефти. Деятельность КИУ преследовала двойственную цель – стерилизацию избыточной денежной массы и создание своеобразного финансового резерва на случай резкого снижения государственных доходов.

По различным оценкам, на конец 2007 г. под управлением ГФБ находилось от 1 до 7 трлн. долл. (средняя оценка, которой мы будем придерживаться, – 2,5 трлн. долл.), тогда как мировые ЗВР составляли 5,5 трлн. долл., совокупная капитализация активов частных хедж-фондов – 1,6 трлн. долл., а средства в управлении пенсионных фондов – более 21 трлн. долл. В то же время государственные фонды по отдельности крупнее многих индивидуальных финансовых институтов. Для сравнения, одна из крупнейших компаний доверительного управления в США «Карлайл Груп» обладает капиталом в 80 млрд. долл., а один из ведущих пенсионных фондов США «КалПЕРС» – 250 млрд. долл.

Начиная с первого десятилетия XXI в. отмечаются высокие темпы прироста средств в управлении государственными фондами. Этому способствовали два фактора: структурный рост цен на нефть, за счет экспортных поступлений от которой формируется более 2/3 ГФБ в мире, и значительное положительное сальдо по текущим операциям в быстро развивающихся странах, главным образом Юго-Восточной Азии (ЮВА), которые стали использовать излишки валютных средств для создания и финансирования фондов благосостояния. Так, в 1990 г. активы в управлении ГФБ оценивались в 500 млрд. долл., в 2007 г. – в 2,5 трлн. долл., а к 2015 г., по оценкам некоторых исследователей, могут достичь 12 трлн. долл., превзойдя объем мировых ЗВР.

Таблица 1.

Размеры активов крупнейших государственных фондов благосостояния
(млрд. долл.), 2006

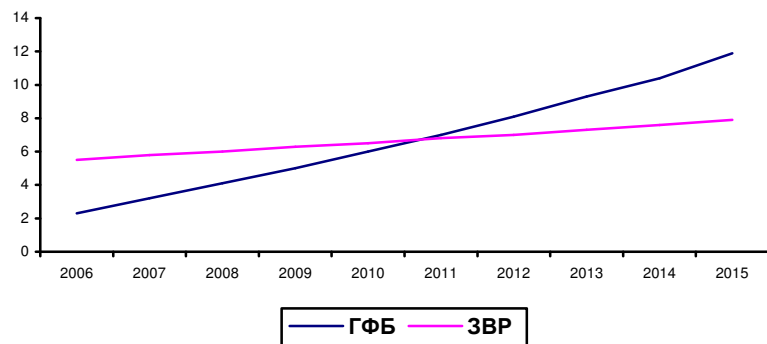
Страна	Название фонда	Год создания	Размер активов	Отношение активов к ВВП (%)
ОАЭ (Абу-Даби)	Инвестиционное управление Абу-Даби	1976	625	520,7
Норвегия	Государственный пенсионный фонд (Глобальный)	1990	322	102,6
Саудовская Аравия*	Нерезервные активы Монетарного агентства Саудовской Аравии	-	260	68,0
Сингапур**	Инвестиционная корпорация правительства Сингапура	1981	215	169,0
Кувейт	Кувейтское инвестиционное управление	1953	213	268,7
Китай*	Китайская инвестиционная корпорация	2007	200	8,0
Россия	Стабилизационный фонд	2004	127,5	14,2
Сингапур**	Темасек	1974	108	84,9
Катар	Инвестиционное управление Катара	2005	60	185,3
США (Аляска)	Постоянный резервный фонд	1976	40,2	0,3
Бруней	Инвестиционное управление Брунея	1983	30	309,4

* Данные на конец 2007 г.

** Сингапур обладает двумя ГФБ, осуществляющими зарубежные капиталовложения. Основное различие этих фондов в их инвестиционной стратегии. Схожая ситуация наблюдается в ОАЭ, имеющих несколько ГФБ.

Источник: Financial Times, 24.01.2008.

Диаграмма 1.
Прогноз роста совокупных активов ГФБ и ЗВР,
2006–2015 гг., трлн. долл.

Источник: Morgan Stanley Research. “How Big Could Sovereign Wealth Funds Be by 2015?”. May 3, 2007, с. 2.

Рекордные и постоянно растущие доходы от экспорта углеводородов стали причиной перераспределения глобальных финансовых потоков, в результате которого страны-нефтеэкспортеры получили существенные избыточные средства, значительно превышающие их потребление и внутренние инвестиции. По подсчетам специалистов, та часть цены на нефть, которая использовалась странами ССАГПЗ на цели накопления, составила в 2005 г. 22 долл., в 2006 г. – 28 долл., в 2007 г. – 31 долл. за баррель¹. Этот избыток был направлен, как и во времена «нефтяного бума», в страны Запада, главным образом в виде инвестиций в низкорисковые и высоколиквидные активы (в большинстве случаев государственные облигации и недвижимость) и банковские депозиты. По данным консалтинговой компании «МакКинси», страны-нефтеэкспортеры ежегодно инвестируют в мировой финансовый рынок от 147 до 628 млрд. долл. В то же время государства ССАГПЗ и другие страны-нефтеэкспортеры, усвоившие урок 80-х – 90-х годов, когда резко снизившихся нефтяных поступлений зачастую не хватало для обеспечения возросшего потребления, стали более рационально подходить к использованию полученного капитала. Наиболее ярким проявлением такого стремления стало создание и/или

увеличение активов государственных фондов благосостояния, главной задачей которых ставилось превращение избыточных финансовых ресурсов из средства потребления в источник дохода. Так, к примеру, активы Инвестиционного управления Абу-Даби выросли только в период с конца 2006 по конец 2007 г. на 250 млрд. долл.²

Опережающий рост «нетоварных» фондов был обеспечен главным образом за счет развивающихся экспортоориентированных экономик стран ЮВА. Валовое и стоимостное увеличение товарного экспорта из этих стран в последнее десятилетие стало причиной устойчивого положительного сальдо баланса по текущим операциям. По мере насыщения потребности в валютных резервах и внутреннем инвестировании избыточные средства стали направляться в государственные механизмы зарубежного инвестирования, такие как ГФБ. Наиболее ярким примером является создание Китайской инвестиционной корпорации, получившей в свое управление стартовый капитал в 200 млрд. долл. и сразу же вошедшей таким образом в число крупнейших фондов благосостояния мира.

За период 2004–2007 гг. активы в управлении «нетоварных» фондов удвоились, а их доля в общих активах ГФБ выросла с 13% в 1997 г. до 36% в 2007. Подобные темпы роста дают многим специалистам основание прогнозировать дальнейшее увеличение доли «нетоварных» фондов до 50% в ближайшие 7–10 лет даже на фоне стабильно высоких цен на нефть.

Представляется, что бурный рост «нетоварных» фондов обусловлен, в том числе, и сравнительной новизной этого финансового механизма для многих развивающихся стран, тогда как в большинстве нефтедобывающих государств ГФБ имеют достаточно длительную историю. Рост в странах ЮВА имеет взрывной характер, обусловленный во многом созданием новых ГФБ. Так, около половины из 40 крупнейших фондов благосостояния в мире были созданы после 2000 г. Вероятно, темпы возникновения новых ГФБ снизятся в ближайшей перспективе, что должно привести к постепенной стабилизации роста активов в управлении государственными фондами. К этому времени «нетоварные» фонды, возможно, достигнут паритета с «товарными», однако дальнейший рост и тех и других будет в большей степени определяться гло-

бальными экономическими тенденциями, и их соотношение вряд ли будет серьезно меняться. Таким образом, представляется, что страны ССАГПЗ в среднесрочной перспективе будут удерживать долю в 25–30% от мировых активов ГФБ, что позволит им сохранять свое влияние на финансовом рынке.

На данный момент именно «товарные» фонды представляют основную силу на рынке ГФБ, и наиболее показательными являются фонды стран Совета сотрудничества, так как они обладают крупнейшими активами и наибольшим опытом деятельности в этой сфере. К началу 2008 г. все страны ССАГПЗ, за исключением Саудовской Аравии, имели официально оформленные государственные фонды благосостояния, совокупные активы которых, по некоторым оценкам, достигали 1,2 трлн. долл. – более чем половины средств в управлении всех «товарных» фондов и одной трети от активов всех ГФБ мира. Таким образом, аравийскую шестерку как по абсолютным, так и по относительным показателям размеров фондов можно отнести к ведущим игрокам в этом сегменте глобального финансового рынка.

Диаграмма 2.
Географическое распределение средств в управлении ГФБ по регионам (доля от мировой, %), конец 2007 г.

Источник: Fund Rankings, Sovereign Wealth Fund Institute Inc. June 12, 2008.

Таблица 2.

Размеры активов государственных фондов благосостояния стран ССАГПЗ (млрд. долл.), 2008

Страна	Название фонда	Размер активов	Индекс прозрачности Линабурга-Мадзуэлла *
ОАЭ (Абу-Даби)	Инвестиционное управление Абу-Даби	875	3
Кувейт	Кувейтское инвестиционное управление	264,4	6
Саудовская Аравия	Нерезервные активы Монетарного агентства Саудовской Аравии	260	2
ОАЭ (Дубай)	Инвестиционная корпорация Дубая	82	5
Катар	Инвестиционное управление Катара	60	1
Бахрейн	Мумталакат Холдинг Компани	14	6
ОАЭ (Абу-Даби)	Мубадала Девелопмент Компани	10	7
Оман	Государственный общий резервный фонд	8,2	1
Саудовская Аравия**	Зарубежные активы Общественного инвестиционного фонда	5,3	3
ОАЭ (Расэль-Хайма)	Инвестиционное управление Рас эль-Хаймы	1,2	3
ОАЭ	Инвестиционное управление ОАЭ	нет информации	1
ССАГПЗ		1 580,1	
Всего товарные фонды мира (нефть и газ)		2 509,0	
Всего ГФБ мира		3 927,0	

* Разработан директорами Института государственных фондов благосостояния Карлом Линабургом и Микаэлем Мадзуэллом и отражает уровень прозрачности ГФБ. Минимальный показатель – 1, максимальный – 10.

** Создан в 2008 г.

Составлено по: Fund Rankings, Sovereign Wealth Fund Institute Inc., October, 2008; RGE Monitor: Understanding the New Financial Superpower – the Management of GCC official foreign reserves, December 2007, с. 14.

В Саудовской Аравии до недавнего времени не было официально оформленного государственного фонда благосостояния, хотя Королевство осуществляло масштабные инвестиции из средств своего Центробанка – Монетарного агентства Саудовской Аравии (МАСА). Общие активы МАСА оцениваются в 460 млрд. долл., из которых только 200 млрд. являются золотовалютными резервами. Оставшиеся 260 млрд. долл. инвестированы в государственные и корпоративные акции и облигации, главным образом США. В то же время деятельность МАСА остается более консервативной, нежели других государственных фондов стран аравийского полуострова. Кроме того, Саудовская Аравия планирует создание официального ГФБ – «Санабиль Ас-Саудийя», который потенциально может стать одним из ведущих игроков на рынке государственных инвестиционных фондов. Изначально планируется перечислить на счета фонда 20 млрд. саудовских реалов (около 5,3 млрд. долл.), однако в дальнейшем, по словам официальных лиц, активы «Санабиль» могут быть существенно увеличены за счет доходов от экспорта нефти.

Примечательно, что ГФБ Саудовской Аравии – крупнейшего в мире производителя и экспортера нефти, создается значительно позже соответствующих фондов других стран ССАГПЗ, и его первоначальные размеры существенно уступают их размерам. По словам заместителя директора ЦБ Королевства, сравнительно небольшой объем фонда «Санабиль» объясняется стремлением избежать негативной политической реакции со стороны стран Запада (главным образом США), которые могут рассматривать создание крупномасштабного фонда как угрозу своей национальной безопасности³. Так, Саудовская Аравия вместе с другими странами-членами ССАГПЗ потенциально обладает достаточными ресурсами для установления контроля над важнейшими секторами национальной экономики стран Запада путем приобретения контрольных или блокирующих пакетов акций крупнейших предприятий этих государств. До последнего времени большая часть (до 65%) нерезервных активов МАСА была размещена в США в государственных долговых обязательствах, фактически представляя собой кредиты американскому правительству. Перевод значительной части таких капиталов в корпоративные ценные бумаги (а именно это и предполагает деятельность ГФБ) может иметь двойной негативный эффект для США. Во-первых, масштабный вывод ара-

вийских капиталов из американских государственных облигаций может привести к росту стоимости правительственных заимствований, и получению аравийскими странами большего контроля над реальным сектором американской экономики за счет приобретения корпоративных акций. Во-вторых, перевод долларовых активов Саудовской Аравии в другие валюты может спровоцировать резкое падение доллара, по отношению к которому валюты всех страны ССАГПЗ (за исключением Кувейта) имеют фиксированный курс. Представляется, что именно опасениями резкой негативной реакции США обоснована осторожность и консервативность саудовского правительства в вопросе формирования ГФБ.

Поздние сроки создания саудовского фонда благосостояния, вероятно, можно объяснить тем обстоятельством, что экономика Королевства постоянно находится под давлением проблем быстрорастущей численности населения и масштабных социальных программ, препятствующих резкой переадресовке нефтяных доходов из высоколиквидных низкорисковых активов в долгосрочные рискованные капиталовложения. Кроме того, до недавнего времени Королевство несло бремя погашения большого государственного долга, который в отдельные годы (например, в 1999 г.) даже превышал размер ВВП. Только с резким ростом поступлений от экспорта нефти с начала XXI в. ситуация с государственным долгом стала выправляться. К концу 2008 г. планировалось снизить его объем до 19% ВВП (71 млрд. долл.) по сравнению с 28% на конец 2007 г.⁴ Таким образом, правительство Саудовской Аравии только недавно, уменьшив долговое бремя, получило возможность направлять часть полученных от экспорта нефти средств в долгосрочные инвестиции.

Деятельность ГФБ Королевства первоначально будет ограничена портфельными инвестициями, а основной целью станет максимизация долгосрочной прибыли от внутренних и внешних капиталовложений в противовес своей традиционной консервативной политике, направленной на инвестирование в высоколиквидные и наименее рискованные активы с целью поддержания финансового резерва на случай резких скачков цен на нефть. Управление «Санабиль» будет осуществляться Общественным инвестиционным фондом (ОИФ), созданным в 1971 г. Ранее деятельность ОИФ была связана исключительно с внутренними инвестициями. Предполагается, что деятельность

саудовского ГФБ будет способствовать диверсификации государственных активов Королевства – по типу капиталовложений, географическому и секторальному принципам.

Что касается ОАЭ и Кувейта, то они обладают одними из крупнейших и старейших ГФБ в мире и имеют колоссальный опыт в управлении такими фондами. Помимо этого, Кувейт обладает уникальным опытом управления фондом в критических ситуациях. Так, значительная часть активов Кувейтского инвестиционного управления (КИУ) была использована для преодоления последствий ирако-кувейтской войны 1990 г., к началу которой активы КИУ превышали 100 млрд. долл. В 1999 г. этот показатель составлял около 50 млрд. долл., а к 2008 г. удалось не только полностью восстановить потраченные средства, но и более чем удвоить их – до 265 млрд. долл. Фонды остальных стран ССАГПЗ, за исключением Омана, были основаны сравнительно недавно – в 2006 г. на Бахрейне и в 2005 г. в Катаре.

Как уже упоминалось выше, фонды благосостояния стран-членов аравийской шестерки формируются из поступлений от экспорта нефти. По этой причине в возникновении и развитии этих фондов прослеживается связь с мировой конъюнктурой рынка нефти. Так, первой страной в Персидском заливе, создавшей свой ГФБ, стал Кувейт, через шесть лет после начала масштабной промышленной добычи нефтяных ресурсов и их экспорта в 1946 г. «Нефтяной бум» 70-х годов обусловил первую масштабную волну создания фондов благосостояния в странах Персидского залива. Резко выросшие доходы и низкие абсорбционные возможности экономики стран ССАГПЗ привели к возникновению существенных финансовых излишков, которые инвестировались главным образом за рубежом. Однако последовавшее снижение цен на нефть в 80-х годах заставило руководство стран-нефтеэкспортеров создавать резервы на период низких цен на нефть и искать источники финансовой стабилизации в условиях постоянных колебаний цен на углеводороды. Именно с такой целью и были созданы в 1976 г. ГФБ Абу-Даби и в 1980 г. ГФБ Омана.

Следующий пик создания фондов благосостояния в Персидском заливе пришелся на первое десятилетие XXI в., вслед за стартом структурного роста цен на нефть в конце 90-х – начале 2000 гг. Начиная с этого времени, среднегодовые цены и объемы добычи нефти стабильно растут высокими темпами

(за период 1998–2008 г. баррель корзины ОПЕК вырос в цене почти в 9 раз – с 12,28 долл. до 107,54 долл.)⁵, что позволяет государствам аравийской шестерки получать рекордные доходы. Именно в это время были созданы фонды благосостояния в Катаре (2005 г.), на Бахрейне (2006 г.), а также новые фонды в ОАЭ. Параллельно с этим уже существовавшие до этого ГФБ Персидского залива стали резко наращивать свою финансовую мощь. К этому времени, вероятно, произошла эволюция основной функции этих фондов от обеспечения стабильности финансовой системы и поддержания резерва на случай снижения нефтяных цен к сохранению и преумножению национального благосостояния.

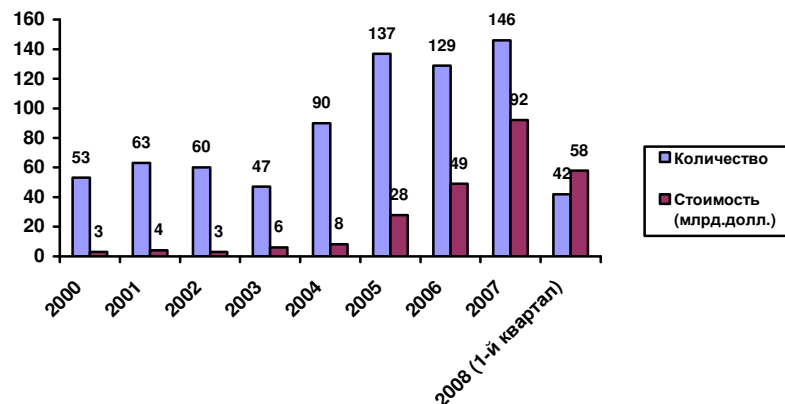
Некоторые специалисты рассчитывают отношение богатства «под землей» (рыночная стоимость сырьевых ресурсов страны) и «над землей» (финансовые и физические активы). Для ССАГПЗ это отношение составляет 28, в то время как для другой нефтедобывающей страны Норвегии – 6⁶. Это обстоятельство указывает, во-первых, на сравнительно меньшее значение, которое придавалось развитию финансовых механизмов благосостояния в странах аравийской шестерки, а, во-вторых, на серьезный потенциал роста таких фондов.

Важную роль в усилении значения ГФБ сыграл глобальный финансовый кризис, в результате которого серьезно снизилась капитализация западных фондовых рынков и особенно банковского сегмента. В соответствии с законами рынка такая ситуация создает благоприятные предпосылки для осуществления долгосрочных инвестиций. Логичным следствием этого стало усиление интереса развивающихся стран, обладающих существенной неостребованной валютной ликвидностью, к западным компаниям, потерявшим вследствие мирового кризиса значительную часть своей капитализации и ставшим таким образом чрезвычайно привлекательными активами с точки зрения потенциала роста в средне- и долгосрочном периодах. Именно фонды благосостояния стали базовым механизмом осуществления государственных иностранных инвестиций в страны Запада. Так, в период с момента начала кредитного кризиса до конца 2007 г. ГФБ инвестировали более 75 млрд. долл. в акции западных компаний, большей частью американских и швейцарских банков⁷. А за первый квартал 2008 г. фондами благосостояния было инвестировано больше, чем за 2000–2005 г. вместе взятые: 58 млрд. долл. против 50 млрд. долл.

Что касается стран Персидского залива, то, по подсчетам информационного агентства Блумберг, в 2007 г. эти страны получали около 1,3 млрд. долл. в день от продаж сырой нефти, что позволило им удвоить поток зарубежных инвестиций (частных и государственных) до 64 млрд. долл. по сравнению с 2006 г.⁸

График 1.

**Транзакции ГФБ по количеству и стоимости,
2000 – 1-й квартал 2008 г.**

Источник: Assessing the Risks: The Behaviors of Sovereign Wealth Funds in the Global Economy. Monitor Company Group LP, 2008, с. 46.

Можно отметить несколько крупнейших сделок по покупке государственными фондами благосостояния акций западных финансовых учреждений, вызвавших существенный резонанс в мировом сообществе. В 2007 г. ГФБ Кувейта, Сингапура и ОАЭ вложили в общей сложности около 20 млрд. долл. в один из крупнейших банков США – «Ситибанк», получив в собственность более 8% акций. Значительные финансовые вливания были осуществлены фондами Кувейта, ОАЭ, Сингапура и Китая в такие финансовые учреждения, как «Мерил Линч» (США), «Ю-Би-Эс» (Швейцария), «Морган Стенли» (США), «Барклэйз» (Великобритания) и другие⁹. Инвестиционное управление Катара планировало направить до 15 млрд. долл. инвестиций в крупнейшие американские и европейские банки в 2008 г.¹⁰ В общей сложности за период 2000 – 1-й квартал 2008 г. 48% от общей суммы капиталовложений ГФБ было направлено в фи-

нансовый сектор. Кроме этого, был отмечен рост инвестиций государственных фондов и в другие сектора экономики, наиболее пострадавшие от кредитного кризиса, такие как недвижимость и инфраструктурные проекты.

Специалисты указывают на постепенную эволюцию инвестиционной стратегии фондов благосостояния с пассивной на активную, что подразумевает получение контроля в объектах инвестиций, а не просто покупку миноритарных долей в капитале и облигаций. По оценкам западных экспертов, в настоящее время активы ГФБ инвестированы в пропорции 30:40:30 в облигации, акции и альтернативные активы соответственно, причем рост капиталовложений в акции наметился только в последние 5–7 лет. Начиная с 2000 г. половина транзакций государственных фондов благосостояния представляла собой покупку более 50% акций компаний-реципиентов. В то же время прямые инвестиции ГФБ в «чувствительные» сектора экономики стран ОЭСР составляли только 2% от общего числа их транзакций в количественном исчислении и 4% в денежном. Основная же доля операций по приобретению государственными фондами контрольных пакетов акций в странах ОЭСР пришлась на сферу услуг и недвижимость.

Что касается стран ССАГПЗ, то большая часть активов их ГФБ инвестирована в акции, но, главным образом, в форме миноритарных долей, не дающих им блокирующих или контрольных пакетов. За счет своего размера ГФБ ОАЭ и Кувейта являются определяющими для общей структуры активов государственных фондов аравийских монархий. Доля акций в их инвестициях колеблется в пределах 60%. Нерезервные активы МАСА инвестированы более консервативно, в основном в долговые обязательства. Остальные фонды ССАГПЗ имеют гораздо большую долю альтернативных инвестиций, главным образом в недвижимость.

Можно отметить и появление новых форм приложения капитала аравийских ГФБ: реципрокное инвестирование и инвестиции в обеспечение продовольственной безопасности. Реципрокное инвестирование подразумевает создание совместных предприятий с крупнейшими международными компаниями, целью которых является применение опыта, технологии и ноу-хау Запада в быстрорастущем регионе Ближнего Востока. Такие капиталовложения выгодны обеим сторонам и способствуют более широким целям устранения дисбаланса в развитии

между различными регионами мира. В качестве примера таких инвестиций можно привести СП ведущей американской корпорации «Дженерал Электрик» и фонда Абу-Даби «Мубадала» с капиталом в 8 млрд. долл., которое будет осуществлять проекты в регионе Ближнего Востока и Африки¹¹.

Таблица 3.
Структура активов ГФБ стран ССАГПЗ,
%, 2006–2007 гг.

Фонд	Акции	Обли- гации	Недви- жимость	Прочие альтерна- тивные инвестиции
Инвестиционное управление Абу-Даби	50–60%	20–25%	5–8%	7–25%
Кувейтское инвестиционное управление	57%	15%	6%	22%
Нерезервные активы Монетарного агентства Саудовской Аравии	25%	65%	10%	
Инвестиционное управление Катара	60%	25%	15%	
Государственный общий резервный фонд Омана	20%	30%	50%	
Инвестиционная корпорация Дубая	50%	10%	40%	
Мубадала Девелопмент Компани (Абу-Даби)	60%	20%	20%	

Составлено по: «Assessing the Risks: The Behaviors of Sovereign Wealth Funds in the Global Economy», Monitor Company Group LP, 2008, с. 79, 82; RGE Monitor: Understanding the New Financial Superpower – the Management of GCC official foreign reserves, December 2007, с. 14.

Капиталовложения в обеспечение пищевой безопасности особенно важны для засушливого и пустынного региона Персидского залива, до 60% совокупного потребления пищи которого обеспечивается с помощью импорта. По этой причине государственные фонды ССАГПЗ одним из важных направлений своей деятельности считают стратегические инвестиции в сельское хозяйство. Так, Саудовская Аравия создает специализированный государственный фонд с капиталом в 566 млн. долл., который будет инвестировать в развитие аграрного сектора в Судане, Пакистане и Казахстане. Инвестиционное управление Катара создает аналогичные совместные предприятия во Вьетнаме и других странах ЮВА.

Что касается географического распределения инвестиций аравийских государственных фондов, то за период 2000–2007 гг. около 40% их общего потока было направлено в США, 30% – в Европейский Союз, 19% – в страны Ближнего Востока и Северной Африки¹². Такая структура отражает традиционную схему распределения аравийских капиталовложений, общая сумма которых оценивается в 1,6–2 трлн. долл. Для сравнения, за 2002–2006 гг. 55% всего оттока капитала из ССАГПЗ было направлено в США, тогда как для ЕС аналогичный показатель составил всего 18%, для стран Ближнего Востока и Северной Африки – 11%, для Азии – 11% и для остальных стран мира – 4%¹³. Ведущую роль США в качестве реципиента государственных инвестиций аравийской шестерки можно проследить в валютной структуре их активов.

Причиной такой долларовой ориентированности инвестиций аравийских ГФБ является наличие так называемого «стратегического партнерства» США и стран ССАГПЗ, которое включает в себя целый ряд политических и экономических аспектов. Вкратце, суть этого партнерства заключается в американской политической и военной поддержке легитимности правящей власти в аравийских монархиях в обмен на предоставление США возможности влиять на мировой рынок нефти посредством регулирования странами Персидского залива ее предложения. Одним из важных направлений аравийско-американского взаимодействия является инвестиционное сотрудничество, в рамках которого капиталы стран Совета сотрудничества получают доступ на американский рынок в условиях сохранения анонимности, а США рециклируют средства, потраченные на импорт нефти. Американские

официальные лица неоднократно заявляли, что они положительно рассматривают инвестиции государственных фондов аравийских монархий, в то время как лидеры некоторых стран ЕС высказывали обеспокоенность, что такого рода капиталовложения могут нанести серьезный удар по национальной безопасности.

Таблица 4.
Оценочный валютный состав активов ГФБ
стран ССАГПЗ,
конец 2007 г., млрд. долл.

ГФБ	Доля долларовых активов	Доля недолларовых активов	Итого: долларовые активы
Инвестиционное управление Абу-Даби	50%	50%	437,5
Кувейтское инвестиционное управление	40%	60%	105,8
Нерезервные активы Монетарного агентства Саудовской Аравии	75%	25%	195
Инвестиционное управление Катара	40%	60%	24
Государственный общий резервный фонд Омана	50%	50%	4,1
Инвестиционная корпорация Дубая	45%	55%	41
Мубадала Девелопмент Компани	40%	60%	4,8
Итого ССАГПЗ	51%	49%	812,2

Рассчитано по: Fund Rankings, Sovereign Wealth Fund Institute Inc., October, 2008; RGE Monitor: Understanding the New Financial Superpower – the Management of GCC official foreign reserves, December 2007, с. 11.

Причинами возникновения в странах Запада полемики по поводу капиталовложений государственных фондов развивающихся стран стали резкий скачок инвестиционной активности этих фондов, переход к прямым инвестициям от портфельных, а также создание новых ГФБ в странах, имеющих напряженные политические отношения с Западом. Кроме того, большая часть инвестиций государственных фондов во время кредитного кризиса, начавшегося в 2007 г., направлялась в такой стратегически важный сектор экономики, как финансы. Масштаб этих капиталовложений, естественно, стал причиной интереса стран-реципиентов к инвестиционным целям и, в целом, к стратегии государственных фондов благосостояния. Однако ГФБ развивающихся стран зачастую даже не раскрывают информации об объемах средств в управлении, не говоря уже о структуре капиталовложений и инвестиционной стратегии. К примеру, крупнейший государственный фонд мира – Инвестиционное управление Абу-Даби, не публикует ни информации о размерах фонда и его инвестициях, ни квартальных или годовых отчетов. Как следствие, закрытость ГФБ стала дополнительным фактором, обусловившим усиление обеспокоенности развитых стран в отношении государственных инвестиций из развивающихся государств, в особенности аравийских монархий.

Сохранение текущих условий и принципов функционирования государственных фондов благосостояния может в ближайшем будущем привести к усилению протекционистских мер в странах Запада в отношении их инвестиций, в частности, и вообще зарубежных капиталовложений в целом. Прецеденты такого рода уже наблюдались ранее. Так, в 1987 г. при приватизации британской нефтяной компании «Би-Пи», Кувейтское инвестиционное управление приобрело 20% ее акций. Однако вскоре под давлением со стороны правительства Великобритании КИУ пришлось сократить свою долю наполовину – до 10%¹⁴. Причиной этому стали опасения по поводу возможного получения Кувейтом – крупным нефтеэкспортером, контроля над такой важной сферой национальной экономики, как производство и распределение нефтепродуктов. Из примеров, имевших место в недавнем прошлом, можно привести отмену сделки государственной компании ОАЭ «Дубай Портс Уорлд» по покупке крупной британской судоходной компании «Пи энд Оу». «Дубай Портс» не является фондом благосостояния, а пред-

ставляет собой компанию по управлению портовыми и судовыми активами, однако она полностью принадлежит государству, и ее капиталовложения рассматриваются в качестве государственных инвестиций. Поэтому можно рассмотреть эту сделку в качестве иллюстрации причин возросшей настороженности Запада в отношении государственных инвестиций из развивающихся стран и, в частности, государств Персидского залива. Уже упоминалась сделка «Дубай Портс» по покупке британской «Пи энд Оу». В числе активов, полученных эмиратской компанией, были 22 порта на территории США. Практически сразу же вслед за этим в американском Конгрессе началось широкомасштабное обсуждение последствий этой сделки для национальной безопасности. Дебаты получили широкий общественный отклик, и в итоге в марте 2006 г. Сенат США издал предписание о блокировании этой сделки. В результате «Дубай Портс» была вынуждена продать портовые активы в США одной из американских инвестиционных компаний.

Можно назвать и другие опасения западных стран относительно вероятных злоупотреблений со стороны ГФБ. Некоторые специалисты указывают на потенциальное использование государственными фондами возможностей их правительственных агентств и ведомств, в том числе спецслужб, для получения инсайдерской¹⁵ информации об эмитентах и извлечения таким образом сверхприбыли из биржевых операций в нарушение конкурентных принципов функционирования рынков капитала. Большие объемы средств в управлении ГФБ чреваты вероятностью дестабилизации фондовых рынков путем масштабных краткосрочных операций с ценными бумагами. При наличии определенного набора прочих негативных факторов такие действия могут породить панические настроения среди инвесторов и брокеров и дестабилизировать финансовую систему страны-реципиента. Существует также вероятность манипулирования государственными фондами благосостояния ценами на сырьевых рынках посредством операций на международных товарных биржах с целью увеличения доходов от экспорта этих товаров. В этой связи особо стоит отметить страны аравийской шестерки, которые за счет финансовой мощи ГФБ приобретают рычаги воздействия не только на сегмент предложения на рынке нефти, но и на спрос. Некоторые специалисты указывают также на меньшую стоимость привлеченного капитала для государственных

фондов по сравнению с частными, что дает первым нерыночное конкурентное преимущество.

В октябре 2007 г. лидеры стран Большой Семерки призвали к большей прозрачности государственных фондов благосостояния во избежание использования их инвестиций в качестве рычага давления в политике. Было предложено ввести определенные правила инвестиционной деятельности ГФБ, которые служили бы гарантией сохранения этими фондами только финансовой, а не политической, направленности. Выработка такого рода правил была поручена специалистам МВФ, ОЭСР и группы Мирового Банка в сотрудничестве с представителями стран-обладателей фондов благосостояния¹⁶. Позднее ведущие страны ЕС (Германия, Франция, Испания) выразили готовность создать специальный перечень сфер экономической деятельности (таких как, телекоммуникации и финансовые услуги), инвестирование в которые будет запрещено государственным фондам благосостояния.

Такого рода обеспокоенность развитых государств вполне объяснима, так как развивающиеся страны приобретают значительный контроль над финансовой сферой стран Запада, чем они могут воспользоваться для усиления своего политического влияния. Однако в то же время в условиях глобального кризиса крупные финансовые вливания жизненно необходимы банковской сфере развитых стран, и, пожалуй, фонды благосостояния являются одними из немногих инвесторов, способных предоставить достаточный объем средств. ГФБ инвестируют собственные деньги, а не заемные, что очень важно в период кредитного кризиса. Фонды благосостояния осуществляют инвестиции в тот момент, когда еще нет уверенности, что достигнуто дно падения цен на акции, что подтверждает долгосрочный характер их капиталовложений. За счет своих инвестиций государственные фонды осуществляют серьезную поддержку компаниям, в которые они инвестируют, и дают в их отношении положительный сигнал рынку. Кроме того, все крупнейшие сделки ГФБ в финансовом секторе в последнее время предполагали приобретение миноритарных долей акций, не предоставляющих инвестору даже блокирующих функций. Что касается инвестиций государственных фондов в другие «политически чувствительные» сектора экономики, такие, например, как транспорт, оборонная и авиакосмическая промышленность, высокотехнологичная сфера,

то они составляют не более 1% от общего объема транзакций ГФБ в денежном выражении.

Тем не менее в октябре 2008 г. ОЭСР опубликовала «Декларацию ОЭСР о Государственных фондах благосостояния и политике стран-реципиентов», а рабочая группа МВФ приняла «Принципы Сантьяго – общепринятые принципы и практику Государственных фондов благосостояния». Кроме того, Казначейство США сообщило о согласовании с правительствами Сингапура и Абу-Даби ряда добровольных принципов регулирования инвестиций их ГФБ. Слабое место такого рода соглашений – их выполнение по доброй воле, из-за чего они не могут подвергаться контролю. Кроме того, отсутствует соответствующий международный орган, который выступал бы в роли регулятора деятельности государственных фондов. В этой связи высказываются идеи о необходимости заключения специальных межгосударственных соглашений между странами-донорами и реципиентами государственных инвестиций с четко оформленными ограничениями действий ГФБ и возможными санкциями за их невыполнение. Однако такого рода договоры означают сужение свободной конкуренции и отход от рыночных принципов, что может привести к изменению географической структуры международных потоков капитала в пользу развивающихся стран, которые осуществляют либеральную политику в отношении инвестиций ГФБ.

Характер реакции стран-реципиентов инвестиций государственных фондов благосостояния во многом будет определять перспективы их развития. По расчетам западных специалистов, темпы роста активов государственных фондов составляют 24% в год¹⁷, в краткосрочной перспективе каждый год их совокупный капитал будет увеличиваться на 500 млрд. долл. Естественно, при сохранении данных тенденций, обеспокоенность Запада в отношении зарубежных государственных инвестиций будет только расти, и вполне вероятно принятие ими протекционистских мер. По этой причине сами ГФБ должны предпринимать шаги по созданию благоприятного имиджа в глазах реципиентов. Пожалуй, первым шагом в этом направлении может послужить публикация данных о размерах и структуре активов, инвестиционной стратегии. Важным фактором может стать и наличие региональных офисов государственных фондов по примеру Кувейтского инвестиционного управления, имеющего представительства в Северной Америке, Европе и Юго-Вос-

точной Азии. В то же время сами по себе такого рода меры не дают получателям государственных капиталовложений нужных гарантий и, соответственно, не могут способствовать созданию благоприятного для ГФБ инвестиционного климата.

Одним из средств укрепления имиджа ГФБ как надежных и заслуживающих доверия инвесторов может стать привлечение ими зарубежных управляющих. Подобная практика указывает на рост открытости таких фондов, приоритет экономических целей над политическими. Тенденция к привлечению зарубежных управляющих уже достаточно отчетливо проявилась. По оценкам экспертов, доля активов ГФБ в управлении таких специалистов достигала 45% в 2007 г.

Другим способом минимизации негативной реакции на свои инвестиции для государственных фондов может стать тесная кооперация с первоклассными международными банками и хедж-фондами. Такого рода кооперация может подразумевать как просто предоставление консультационных услуг, так и осуществление совместных инвестиций. В таком случае партнер государственного фонда выступает в качестве гаранта благонадежности капиталовложений. Как пример можно привести соглашение Инвестиционного управления Абу-Даби с крупнейшим европейским банком «Ю-Би-Эс» о создании совместного финансового института с капиталом 500 млн. долл., который будет осуществлять инвестиции в инфраструктурные проекты.

Можно обозначить несколько сценариев развития отношений между ГФБ и странами-реципиентами: добровольное принятие государственными фондами мер по увеличению прозрачности и раскрытие инвестиционной стратегии; введение отдельными государствами специальных мер в отношении инвестиций ГФБ; создание глобальной системы стандартов и механизмов деятельности государственных фондов на основе требований межгосударственных координационных и контролирующих организаций. Представляется, что последний сценарий наименее вероятен, так как до сих пор все попытки заключить какие бы то ни было глобальные инвестиционные соглашения не приводили к успеху. Кроме того, отсутствует консенсус по поводу межгосударственного института, который мог бы взять на себя функции по надзору за государственными фондами благосостояния, так как большинство стран-обладателей ГФБ не имеет ощутимого

влияния на процесс принятия решений в существующих международных институтах, и, как следствие, сомнительно, чтобы они согласились с их контролирующей функцией. Не высока вероятность и первого сценария, при котором ГФБ добровольно принимают кодекс принципов деятельности и раскрытия информации. Во-первых, отсутствует механизм сотрудничества или координации между государственными фондами разных стран. Во-вторых, большинство фондов не считает, что увеличение прозрачности отвечает их интересам. В-третьих, даже в случае возникновения той или иной формы такого кодекса информация, предоставленная на добровольной основе, скорее всего, вызовет в странах Запада сомнения в своей достоверности и полноте и не сможет нейтрализовать их фундаментальные опасения в отношении инвестиций государственных фондов.

Таким образом, наиболее вероятным сценарием представляется плавное развитие ГФБ в качестве финансовых механизмов в условиях отсутствия глобального регулирования их деятельности, но с возможным введением отдельными странами определенных ограничений на свои инвестиции. Изучение опыта деятельности государственных фондов к настоящему моменту не дает оснований указывать на наличие в ней геополитической составляющей. В условиях глобального кредитного кризиса такие фонды, обладающие значительными собственными средствами, осуществляющие долгосрочные вложения и не преследующие спекулятивных целей, играют важную стабилизационную роль на мировых финансовых рынках. С макроэкономической точки зрения инвестиции ГФБ способствуют более справедливому распределению капитала, внедрению ноу-хау и технологий. В долгосрочной перспективе развитие трансграничных экономических связей способствует укреплению мира и международной стабильности.

Для стран ССАГПЗ государственные фонды благосостояния являются не только одним из наиболее перспективных механизмов диверсификации источников национального дохода, но и достаточно ликвидным финансовым ресурсом на случай кризисных ситуаций. В то же время, отмечая положительную роль ГФБ в плане укрепления экономической стабильности стран аравийской шестерки за счет снижения зависимости от нефтяных доходов, нужно отметить, что рынки акций и нефти

имеют положительную корреляцию. Так, при экономическом росте (и, соответственно, росте капитализации фондовых рынков) увеличивается спрос на энергоносители и, как следствие, цены на нефть. При экономической рецессии потребность в нефти падает, что ведет к снижению нефтяных цен. Однако это корреляция не абсолютная. Во-первых, можно отметить географическую дифференциацию: основной прирост спроса на нефть формируется сейчас в быстро развивающихся странах Юго-Восточной Азии, которые за счет растущего внутреннего потребления затронуты кризисом в меньшей степени, чем Запад. Во-вторых, цены на нефть формируются не только исходя из текущего спроса, но и корректируются ограничительными действиями ОПЕК, спекулятивными операциями на рынке нефти, климатическими факторами и геополитической ситуацией в мире.

Таким образом, феномен государственных фондов благосостояния является положительным как для стран-инвесторов, так и для стран-реципиентов. В течение последних нескольких лет ГФБ стали восприниматься в качестве самостоятельных и довольно влиятельных игроков на международной экономической арене. В то же время бум инвестиционной активности государственных фондов и переход от пассивной к активной стратегии капиталовложений вызывают опасения реципиентов, которые рассматривают такого рода инвестиции в качестве возможного инструмента политического влияния и изучают различные возможности обезопасить себя от угрозы чрезмерного иностранного контроля над национальной экономикой. В результате институт государственных фондов благосостояния сейчас переживает фазу структурных перемен, а страны ССАГПЗ находятся в числе важнейших участников этого процесса.

Размеры и активная инвестиционная политика ГФБ стран ССАГПЗ играют настолько важную роль в современном финансовом рынке, что тенденции их развития в той или иной степени можно проецировать на весь сегмент государственных фондов благосостояния в глобальной финансовой системе. В этой ситуации от стран аравийской шестерки зависит, будут ли они приспособляться к регулятивным мерам, вводимым развитыми странами в отношении их капиталовложений, или же они сами смогут предпринять опережающие меры и добиться имиджа добросовестных инвесторов.

¹ RGE Monitor: Understanding the New Financial Superpower – the Management of GCC official foreign reserves, December 2007, с. 2.

² Breaking Views, 27.01.2008.

³ Money Morning, 24.01.2008.

⁴ Bloomberg, 23.01.2008.

⁵ OPEC Yearly Average Basket Price, <http://www.opec.org/home/basket.aspx>, October 2008.

⁶ Financial Times, 16.11.2007.

⁷ Breaking Views, 27.01.2008.

⁸ Bloomberg, 23.01.2008.

⁹ The Financial Times, 22.12.2007.

¹⁰ Oxford Business Group, 30.01.2008.

¹¹ General Electric Press Release, New York, July 22, 2008.

¹² Assessing the Risks: The Behaviors of Sovereign Wealth Funds in the Global Economy. Monitor Company Group LP, 2008, с. 37–38.

¹³ McKinsey Global Institute Statistics.

¹⁴ The Economist, 17.01.2008.

¹⁵ Инсайдерской называется секретная информация о компании, которая при ее обнародовании может существенно повлиять на рыночную стоимость акций этой компании.

¹⁶ The Wall Street Journal Asia, 28.10.2007.

¹⁷ Market Watch, 28.04.2008.

И.С.Берг

ИНВЕСТИЦИИ ФРГ В СТРАНЫ АРАБСКОГО МИРА

Недавно обнародованные данные о товарообороте ФРГ со странами арабского мира в 2008 г.¹ убедительно свидетельствуют: немецкий экспорт в названный регион – а это, напомним, 22 государства Азии и Африки – растет. В течение первых девяти месяцев 2008 г. он увеличился по сравнению с тем же периодом предыдущего года на 14,2%. Данное обстоятельство подтверждает, что Германия ныне является «чемпионом мира» по экспорту, в том числе и в эти страны.

Прежде чем начать детальное рассмотрение, приведем несколько общих замечаний по анализу актуальной ситуации.

Первое. Экспортный немецко-арабский потенциал за этот период почти удвоился, в 2007 г. достиг 23,34 млрд. евро, за 9 месяцев 2008 г. – почти 20 млрд. евро. Но и импорт последних лет не опускался ниже 10 млрд. евро, и лишь за 9 месяцев 2008 г. уже более чем на 1 млрд. превысил показатель всего 2007 г. Неизвестны, правда, результаты оставшихся трех месяцев 2008 года, когда шло нарастание мирового финансового кризиса, затронувшего, в том числе, и экономику ФРГ. Однако эксперты ФРГ не сомневаются, что и в критических условиях первенство сохраняется за Германией.

Второе. В тройке лидеров стран-импортеров оказались те, кто в прежние годы не был достаточно приметен; на первое место вышел Оман, прирост немецкого экспорта составил 87,8%, далее следуют Катар (50,3%) и Ливия (32,2%). Интересно выглядит и первая тройка импортеров продукции в ФРГ, где счет идет уже не на проценты, а на разы: Алжир – 161,3%, Ирак – 254,1% и, наконец, Кувейт – 745,2%.

Третье. Показатели экспортно-импортного баланса существенно различаются. Если за указанный период Алжир

на 0,5 млрд. евро превысил свой импорт над экспортом, то для Ирака и Кувейта эти объемы пока недостижимы: преобладание экспорта над импортом в валютном исчислении у них соответственно 2:1 и 6:1.

Четвертое. Причина данного положения – возросшая цена на нефть. В 2007 г. Германия импортировала на 106,7 млн. тонн меньше сырой нефти. Это происходило в рамках долгосрочной тенденции. Так, в 1972 г. ФРГ покрывала потребность в нефти за счет поставок из арабских стран на 72%, а в 2007 г. – только на 19,4%. В 2008 г. самыми важными поставщиками стали Россия, Норвегия и Великобритания. Примерно 60% немецкого импорта сырой нефти шло из этих стран. Самая важная арабская страна-поставщик – Ливия с участием около 10% в немецком импорте сырой нефти, что в денежном выражении составляет 4,384 млрд. евро за 9 месяцев 2008 г. Данный валютный объем означает, по существу, стоимость ввезенных в ФРГ за тот же период товаров из Египта, Алжира, Туниса, Марокко (эти четыре страны – ключевые партнеры ФРГ в регионе) и Сирии вместе взятых.

Пятое. Несмотря на ценовые колебания в секторе углеводородного сырья, немецкие эксперты отмечают тенденцию к выравниванию положения благодаря возрастающему товаропотоку. За 9 месяцев 2008 г. немецкий импорт из арабских стран вырос более чем на 46%, тогда как немецкий экспорт – лишь на 14,3%. Данные показатели лишь отчасти отражают положение в нефтяном секторе, однако в большей степени являются следствием инвестиционной политики, проводимой странами арабского мира. В том числе при непосредственном участии ФРГ.

Резко растущие доходы арабских государств вследствие повышения цен на нефть являются важным источником инвестирования промышленных и инфраструктурных проектов, позволяющих таким образом ускорить диверсификацию национальных экономик. При этом немецкие бизнесмены и вкладчики капитала максимально желанны в арабских странах. Продукция ФРГ как в виде привлекательного ассортимента, так и в форме «ноу-хау» пользуется в арабском мире традиционно неизменным спросом. Производственный профиль немецких предприятий идеально совпадает с требованием модернизации, которую осуществляют арабские государства. Об этом свидетельствуют многочисленные немец-

кие проекты и рекомендации, принятые на вооружение в этом регионе.

Есть в немецко-арабской экономической сфере бесспорные лидеры. Так, примерно 60% немецких экспортных товаров шли в 2007 г. в 6 стран Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГПЗ) – Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, Саудовскую Аравию, ОАЭ, причем два последних государства были самыми значительными покупателями. Другие получатели товаров и «ноу-хау» германского производства были вне региона Залива, как уже отмечалось. Египет, Тунис, Марокко и Алжир – эти 4 государства потребляют четверть германской экспортной продукции, приходящейся на весь арабский мир.

Между Германией и странами арабского Востока налажены надежные экономические отношения. Их развитие значительно активизировали состоявшиеся в последнее время визиты, условно говоря, серийного характера (одна поездка сразу в несколько государств региона) Федерального канцлера А. Меркель (февраль 2007) и министра иностранных дел Ф.-В. Штайнмайера (октябрь 2007). Главная цель такого партнерства, которую высокие официальные лица Германии обозначили в ходе встреч с лидерами этих стран, – объединение усилий Европы и арабского Востока в достижении взаимовыгодных результатов в развитии приоритетных отраслей хозяйства. К названным задачам прибавились новые, связанные с осуществлением уже начатых немецко-арабских проектов в условиях мирового финансового кризиса.

Экспортные приоритеты ФРГ, если опираться на последние данные (9 месяцев 2008 г.), располагаются в следующем порядке (в млрд. евро): ОАЭ (5,31), Саудовская Аравия (3,71), Египет (1,9), Марокко (1,11), Катар (1,09), Алжир (1,05), Тунис (1,04), Кувейт (0,81), Сомали (0,8), Оман (0,73), Ливия (0,66), Иордания (0,55), Сирия (0,5), Ливан (0,37), Мавритания (0,34), Бахрейн (0,25), Палестина (0,23), Ирак (0,21), Коморы (0,2), Йемен (0,17), Судан (0,14), Джибути (0,1). Взяв эти данные за основу, рассмотрим детальнее инвестиционную политику ФРГ в трех странах арабского мира, имеющих наиболее существенные показатели. Таким образом, в поле зрения оказываются ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет.

Важнейшим хозяйственным партнером ФРГ остаются **Объединенные Арабские Эмираты**. Экономика ОАЭ разви-

вается в последние годы рекордными темпами. К примеру, объем валовой продукции вырос в 2005 г. на 12 % до уровня 115 млрд. долларов. Безусловно, основная доля доходов обеспечена продажей нефти. Однако в этих показателях есть и определенная заслуга ФРГ, экспорт которой вырос до отметки 23% в 2005 г. (4,31 млрд. евро) и до 25% в 2006 г. В ряду арабских государств ОАЭ – лидер в партнерских отношениях с ФРГ; сумма немецкого экспорта составила 5,85 млрд. евро в 2007 г. и 5,3 млрд. евро за 9 месяцев 2008 г., что в полтора раза превысило аналогичный показатель по отношению к Саудовской Аравии, в 2,5 раза – к Египту, в 5 раз – к Алжиру, Катару, Марокко, Тунису.

ФРГ занимается не только продажей продукции, но и подготовкой кадров, так как власти ОАЭ заинтересованы в создании класса предпринимателей и специалистов на уровне европейских стандартов. К примеру, последние два года ознаменованы совместной работой по созданию современной медицинской базы в ОАЭ. Ее формируют при содействии Боннского университета ученые и специалисты Технического университета Мюнхена и университета в Абу-Даби.

Все инструменты стимулирования экспортно-импортного вектора находятся на территории ОАЭ. Посол ФРГ в Абу-Даби и генеральное консульство в Дубае осуществляют консультативную и политическую поддержку, а направленные сюда еще в 2004 г. эксперты по немецкой экономике, по промышленности и коммерции предлагают разнообразные услуги, в то время как представитель федерального агентства по внешнеэкономическим связям регулярно производит отраслевые анализы и отслеживает ситуацию. В Эмиратах успешно действуют примерно 600 немецких фирм, основная часть которых сгруппирована в рамках делового сообщества German Business Councils; 150 из них находятся в Абу-Даби, 250 – в Дубае, остальные – в северных Эмиратах. Кроме импорта немецких транспортных средств (доля в общем объеме импорта 22%), машин (20%) и оборудования для энергетики (10%), ОАЭ привлекает ФРГ в качестве одного из основных участников процесса диверсификации².

Это с осени 2004 г. сделало Германию стратегическим партнером ОАЭ, что было подтверждено в ходе визитов Федерального канцлера А.Меркель в Абу-Даби и Дубай (февраль 2007), а также премьер-министра ОАЭ Мохамеда бин

Рашида в Берлин (февраль 2008). Примечательно, что процесс диверсификации базируется на благоприятном инвестиционном климате и находится в тесной увязке с вопросами охраны окружающей среды и сферой возобновляемых энергий, что в условиях экстремальных температур ОАЭ имеет решающее значение. Это обстоятельство было подчеркнуто в специальном двухстороннем «Меморандуме Взаимопонимания» (2005), уже нашло отражение в серии проектов и имеет хорошие шансы в перспективе.

Одна из перспективных идей – намеченный на март 2009 года пуск первой на Ближнем Востоке и в Северной Африке солнечной батареи, изготовленной на одном из предприятий Stiebel-Eltron-Gruppe со штаб-квартирой в Хольцминдене (земля Нижняя Саксония). Она будет давать 7% необходимой энергии согласно национальной программе задействования источников возобновляемых энергий (ЕЕ). Вся энергия посредством электросети ОАЭ будет направлена в Масдарсити – «первый свободный от углекислого газа город мира, расположенный около Абу Даби»³.

В проектах он назван Masdar Green City. Несмотря на наличие промышленных предприятий, город, строительство которого планируется завершить к 2016 г., будет экологически безупречным: в нем не будет привычных автомашин, вместо них будут использованы транспортные средства на электрической тяге, причем 80% необходимой электроэнергии будет выработано 87 тыс. солнечных коллекторов. Основная часть энергетического объема будет произведена солнечными тепловыми устройствами и за счет использования биомассы. На эти цели выделяется 6–8 млрд. долларов. В числе 40 технических решений, которые предлагают 33 международных фирмы, значительную долю составляют разработки специалистов ФРГ. Это неудивительно, так как «немецкие предприятия являются лидерами в сфере возобновляемых энергий, они могут предложить массу интересных технических решений», – сказал султан Аль Джабер (Al Jaber) в интервью газете Handelsblatt. Уже определено, что будущий город будет оснащен продукцией компании Masdar PV, находящейся в Эрфурте, Eon Climate & Renewables GmbH (Дюссельдорф), компаний Siemens и BASF, Photovoltaikfabrik (Тюрингия) (предприятие начнет функционировать в октябре 2009 г.).

Выбор Тюрингии не является случайным. Предприятия этой земли ФРГ занимают ведущие позиции в современных экологических технологиях, особенно в сфере разработок, связанных с использованием солнечной энергии. Они работают в тесном контакте с Siemens, Рейнвестфальской технологической высшей школой (RWTH) в Аахене и Немецким аэрокосмическим центром (DLR). Об этом осведомлены арабские партнеры. В частности, султан аль Джабер (Sultan Al Jaber), руководитель проекта CEO-Masdar, так высказался на тему немецко-саудовской кооперации: «Германия с ее технологией, высококвалифицированной рабочей силой, привлекательным инвестиционным климатом и прямым доступом к европейскому рынку – идеальный партнер для Маздар»⁴.

Природа щедро одарила регион не только нефтью и газом. Высок и потенциал источников возобновляемых энергий (ЕЕ). Прежде всего отметим наличие 360 солнечных дней в году, в том числе и несколько десятков дней, когда температура поднимается выше 50 градусов по Цельсию.

Можно также успешно использовать силу ветра, что доказывает первая такого рода опытная установка, построенная на одном из островов Залива немецкими предпринимателями. В этой связи следует рассматривать появившийся в 2006 г. уже упомянутый Masdar-Projekt, для реализации которого учреждена Абу-Дабская компания по энергетике будущего (Abu Dhabi Future Energy Company, сокращенно ADFEC). Masdar-Projekt (в официальных кругах ФРГ и ОАЭ его традиционно называют «Инициатива Masdar-Projekt») преследует четыре цели:

- проведение широкомасштабной экспертизы ЕЕ с одновременным учреждением исследовательской сети при активном участии ученых, в частности, Рейн-Вестфальской Высшей технической школы в Аахене;

- содействие проектам, уменьшающим выбросы CO₂ в ходе деятельности существующих нефтяных месторождений;

- учреждение особых хозяйственных зон, свободных от воздействия CO₂, для производителей ЕЕ, связанных с этим услуг и исследовательских учреждений;

- финансовое участие в предпринимательской деятельности производителей ЕЕ, начало которому уже положено немецкими инвестициями в фонд чистых технологий – Clean Tech Fund.

Судя по этому перечню, как отмечают специалисты ФРГ, несмотря на довольно тесное и многолетнее двустороннее сотрудничество ОАЭ с Германией, их партнерство на долгосрочную перспективу только начинает развиваться. Причем она закладывается уже сегодня. Так, о первых итогах «Инициативы Masdar-Projekt», в которой участвуют наряду с ведущими экспертами ФРГ специалисты Австралии, Испании, Японии, Финляндии и других стран ЕС, было рассказано в ходе проведенной в Абу-Даби 19–21.01.2009 г. второй международной встречи World Future Energy Summit (WFES). Присутствовавший на саммите Маттиас Махниг (Matthias Machnig), государственный секретарь Федерального министерства по защите окружающей среды, информировал о различных аспектах немецкого участия в «Инициативе Masdar-Projekt», включая использование новейших технологий, инвестирования, перспективных идей.

Импульсы для развития обозначены в последние годы, когда в ходе встреч официальных лиц обеих стран было установлено, во-первых, приоритетное положение ФРГ в отношении энергопоставок, во-вторых, определены ценовые различия в зависимости от качества нефти и газа, в-третьих, указаны рамки в приоритетах региональных немецких предпринимателей в области энергетики.

Важным импульсом в энергопрорыве ФРГ – ОАЭ был назван визит министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайера в Абу-Даби (май 2006). Первым конкретным результатом встречи стал состоявшийся по инициативе глав внешнеполитических ведомств обеих стран энергетический мастер-класс (Абу-Даби, 29.09.2006), где в числе прочих вопросов были обговорены элементы указанных выше проектов.

Говоря о первом мастер-классе, следует упомянуть, что он проходил под патронажем министров иностранных дел доктора Франка-Вальтера Штайнмайера (Frank-Walter Steinmeier) и шейха Абдуллы бин Зайеда аль Нахина (Abdullah bin Zayed Al Nahyan) и при участии эмиратского государственного общества по добыче и переработке нефти и природного газа ADNOC.

Встреча была весьма полезна. В рамках мастер-класса соображения поделились причастные к энергетике 25 представителей крупного и среднего немецкого бизнеса и 15 представителей государственных и негосударственных структур ОАЭ.

Тематический круг включал различные проблемы, важные с точки зрения стратегии и тактики: содействие развитию энергетических проектов по добыче природного газа и нефти, интегрированные проекты по сжижению газа (LNG), планирование в области инфраструктуры. Важное место заняли вопросы строительства сооружений, связанных с возобновляемыми энергиями, прежде всего солнечной энергией. Представители фирм ФРГ и ОАЭ получили информацию о названных проектах, их перспективах, о технологиях в области ископаемого горючего и возобновляемых энергий, предлагаемых немецкими специалистами. При этом сразу оговаривались попутные идеи и шансы начала развития сотрудничества между эмиратскими и германскими предприятиями, например, в процессах по регулированию газовых факелов, в технологии подъемных устройств, в области обучения специалистов и других вопросах. В последнее время ОАЭ открыли энергетический сектор для иностранного капитала; таким образом, международные фирмы получают перспективные шансы оказаться на весьма привлекательном рынке. Среди производителей и продавцов новейших технологий, которые уже появились в ОАЭ, в частности, в связи с учреждением особой экономической зоны в Абу-Даби, исследовательские учреждения и другие экономико-финансовые институты ФРГ, связанные со сферой возобновляемых энергий, занимают особое место. Это подчеркивается масштабом преобразований в ОАЭ, прежде всего с резким изменением рынка электроэнергии, ставшего наиболее динамично и стремительно развивающимся в мире.

При внедрении новых технологий в сферу энергетики ОАЭ немецкие эксперты учитывают ряд моментов, в том числе и меняющиеся в связи с диверсификацией потребности арабской страны. Спрос на электричество в ОАЭ в 1995–2003 гг. удвоился и, согласно прогнозам, к 2030 году увеличится по сравнению с 2003 годом в 2,5 раза.

Особенности потребления объясняются, с одной стороны, экстремальными природными обстоятельствами – высокими температурами в летние месяцы (при 100-процентной влажности) и сильными сезонными колебаниями (энергопотребление зимой вдвое меньше летнего); с другой стороны – хозяйственными потребностями, среди которых – развернутое промышленное и жилищное строительство в Абу-Даби

и Дубае, дающее увеличение среднегодового потребления до 30%.

Учитывают немецкие эксперты и другую особенность: масштабы сооружений имеют две тенденции – к росту и к неравномерному использованию по территории эмиратов. Так, несмотря на то, что в ближайшие десять лет ОАЭ построят энергоемкие предприятия по производству стали, алюминия, в области нефтехимии, они сохраняют прежнюю неравномерность территориального расположения. Это обстоятельство нашло свое отражение в сфере распределения электроэнергии и создало определенные сложности, которые учитываются немецкими проектантами. Так, в 2007 г. при совокупной мощности энергоустановок 17 GW она распределялась следующим образом: Абу-Даби (48%), Дубай (38%), Шарджа (10%), 4% пришлось на остальные Эмираты.

Попутно отметим, что успешно проводимый с конца 90-х годов курс на приватизацию привел к тому, что 5 из 7 электростанций ОАЭ стали частично приватизированными; доля частных инвестиций достаточно высока – 40% при 60% участия Abu Dhabi Electricity and Water Authority (ADWEA). На 2010 г. запланирован ввод электростанции Fujairah 2 мощностью 2 GW и начало строительства следующей – Shweihat 2 мощностью 1,5 GW, доленое участие в котором будет предложено ADWEA частным инвесторам, в том числе и иностранным.

У отрасли по производству электроэнергии в ОАЭ есть еще одна важная особенность. Согласно объявленной СШАГПЗ программе до 2010 г. должна быть создана объединенная энергосистема. Начало ей положено стартовыми работами, которые частично уже связывают электросети Кувейта, Саудовской Аравии, Бахрейна, Катара, ОАЭ, Омана. В контексте этих перспективных преобразований в энергетике партнерство с ФРГ приобретает особое значение. В этой связи имеет смысл отметить, что планируемый пуск первой на Ближнем Востоке и в Северной Африке солнечной батареи, о котором уже упоминалось, знаменует собой конкретный пример того, как ЕЕ вливается в действующую электросеть ОАЭ.

В ходе визита главы внешнеполитического ведомства ФРГ Ф.-В.Штайнмайера в ОАЭ (29–30.10.2008) энергетическая тема также поднималась во время бесед на высшем уровне и получила свое развитие. В частности, было опре-

делено, что крупные инвестиции должны быть вложены в альтернативные энергетические технологии. Для ускорения их внедрения будут созданы своеобразные мозговые центры – смешанные группы ученых и инженеров обеих стран, которые применяют как известные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, так и оригинальные. В настоящее время самый важный немецко-эмиратский проект – строительство первой солнечной тепловой электростанции на Аравийском полуострове (мощность 100 МВт). Только в Абу-Даби до 2014 г. будут сооружены четыре подобные электростанции. Кроме того, в рамках проекта Masdar планируется строительство таких же электростанций в Северной Африке, энергия которых помимо того, что будет использоваться локально, сможет также в долгосрочной перспективе экспортироваться в Европу.

ОАЭ и ФРГ предстают в роли ведущих энергетических игроков на ближневосточном поле. ОАЭ – обладатель крупнейших разведанных запасов нефти, который в то же время стремится учесть долгосрочную перспективу и остаться в качестве ключевого звена, но использующего иные природные ресурсы – энергию солнца, ветра, воды. ФРГ – создатель ведущих энерготехнологий именно в сфере ЕЕ, уже сегодня дающий реальные примеры того, как, кем и как скоро они могут быть разработаны (или интегрированы) и внедрены в повседневную жизнь, не нарушая при этом ее экологические параметры.

С помощью ФРГ ОАЭ получают возможность стать испытательным полигоном, деятельность которого, не исключено, способна привести к выдающимся техническим достижениям. Их можно будет использовать затем в энергетике как Ближнего Востока, так и других районов Азии и Африки – в аналогичных природных условиях и при столь же благоприятном инвестиционном климате заинтересованных стран арабского мира.

Экономические немецко-арабские мосты возводятся на долгосрочной основе и их эффективность – результат значительных усилий ряда организаций, созданных десятилетия назад правительственными структурами ФРГ и государств арабского мира. Это прослеживается на примере отношений ФРГ с **Саудовской Аравией**.

В частности, Немецко-саудовское бюро экономических связей (GESALO) со штаб-квартирой в Эр-Рияде было осно-

вано в 1978 г. Немецкой торгово-промышленной палатой (DIHK) и стало координационным центром партнерства двух стран. Это – часть созданной Германией мировой сети Немецких палат внешней торговли (АНК) и Промышленно-торговых палат (ИHK). Наряду с GESALO развитию двусторонних экономических отношений между Федеративной Республикой Германией и королевством Саудовская Аравия служит и Саудо-немецкая компания развития и инвестиций (SAGECO). Она предоставляет сведения, позволяющие определить возможности инвестиций в промышленность Саудовской Аравии. SAGECO была основана в 1981 г. соглашением между правительствами Федеративной Республики Германии и Королевства Саудовская Аравия. Немецко-саудовские хозяйственные связи развиваются благодаря высоким нефтяным доходам Саудовской Аравии последних лет и динамично возрастающему спросу на средства производства, особенно продукцию машиностроения и транспортное оборудование. В 2007 г. был отмечен рост немецкого экспорта на 15%, он достиг отметки 5,33 млрд. евро; немецкий импорт, напротив, опустился до 34% на 1,07 млрд. евро⁵.

В экономическом исследовании *Wirtschaftstrends Saudi-Arabien Jahreswechsel 2008/09*⁶ указывается, что в области внешней торговли в последние годы произошли серьезные изменения, и названные ниже тенденции будут развиваться.

Саудовский импорт товаров с 2003 до 2008 гг. утроился. На 2009 г. планируется повышение его на 6%; общий объем импорта, таким образом, составит 118 млрд. долларов.

Развитие идет в основном за счет сильно поднявшегося спроса на предметы потребления, а также ввода в строй различных объектов инфраструктуры, благодаря строительным проектам. В течение последующих лет к этому присоединятся возрастающие требования, связанные с мегапроектами ряда возводимых городов (о них речь ниже), проектами развития уже существующих городов.

Все это потребует дополнительного ввоза разнообразной продукции и новых технологий, цены на которые будут возрастать в связи с масштабами ввода в строй ряда предприятий и новых жилых массивов. Это создаст определенные сложности в связи с относительной слабостью доллара, к которому привязан саудовский риал. Вследствие этого Саудовская Аравия ожидает сильного удорожания импорта из ЕС.

Среди предметов саудовского экспорта господствует «черное золото». Первые оценки 2008 г. говорят о 77% ее доли в экспортном перечне, что на 5% больше, чем в 2007 г. Далее идут предметы экспорта, базирующиеся на нефти: бензин, масляные краски и лаки. Германия для Саудовской Аравии с долей поставок 8,9% (2007) – третья по важности страна-поставщик после США (13,6%) и Китая (9,7%). ФРГ поставила в Саудовскую Аравию в 2007 г. товаров на сумму 5,33 млрд. евро, что на 15% больше, чем в 2006 г. В первом полугодии 2008 г. поставка немецкого экспорта оставалась фактически на том же уровне: на сумму 2,51 млрд. евро, на 1% меньше, чем за тот же период 2007 г. Основные экспортные позиции ФРГ в первые 6 месяцев 2008 г. – грузовые автомобили, специальные транспортные средства (на сумму 207 млн. евро), прочие машины (188 млн.), устройства для производства и распределения электрической энергии (156 млн.), легковые автомобили (144 млн.), производственные устройства (92 млн.). Говоря о Саудовской Аравии, следует отметить, что инвестиционный прирост немецкие эксперты ожидают здесь, во-первых, в ближайшие 10–15 лет и, во-вторых, в широком хозяйственном спектре. Это объясняется крупными проектами в нефтяном и газовом секторах, в нефтехимической индустрии, в производстве стали и алюминия. Прирост инвестиций ожидается также в здравоохранении, например, в строительстве больниц, и в секторе туризма – благодаря созданию гостиничных комплексов вместе с прилегающими к ним территориями, где развита соответствующая курортная инфраструктура. Предстоит также соответствующая экспертиза при строительстве канализационных сетей и осветительной сети с соответствующими установками. Задействованный при этом инженерно-технический персонал из числа специалистов ФРГ реализует требования по промышленной и сельскохозяйственной модернизации, при демонтаже инфраструктуры и при развитии экологических программ. В качестве примера особой привлекательности для немецкого инвестора можно назвать автомобилестроение. Как известно, 8 ноября 2007 г. в берлинском отеле Marriott состоялась дискуссия немецких и саудовских экспертов при участии министра финансов Саудовской Аравии доктора Ибрагима Бин Абдулазиза аль Ассафа (Ibrahim Bin Abdulaziz Al Assaf). Министр находился в немецкой столице в рамках го-

сударственного визита в ФРГ короля Абдуллы бин Абдулазиза аль Сауда (Abdullah bin Abdulaziz al-Saud), что придавало обмену мнениями особо значимый статус. «Жители Саудовской Аравии любят немецкие машины», подчеркнул министр и предложил идею строительства в стране автозавода, где были бы использованы технологии ФРГ⁷.

Эта тема была затронута не случайно. Еще в январе 2004 г. была основана Лига молодых арабских лидеров (YAL), члены которой – деятельные руководящие специалисты арабских стран – решили активно содействовать экономическим переменам в мире. Один из первых объектов, который оказался в поле их внимания, DaimlerChrysler AG, с которым они начали сотрудничество в 2005 году.

В центре этой кооперации – программы студенческих практик, переподготовки для молодых руководящих работников из арабских стран. В 2007 г. был осуществлен специальный набор двух групп студентов 18–22 лет из Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта, Иордании, Ливана и менеджеров 23–30 лет из названных стран. Они учились основам современного управления в рамках проекта Arab German Internship Exchange Program, находясь в Центре обучения Daimler Top Talent Camp. «Многообещающая комбинация – арабский капитал и немецкое ноу-хау», – так оценили эксперты ФРГ и арабского мира данную инициативу. Не исключено, что, накопив соответствующие знания и опыт, молодые специалисты арабских стран, получившие подготовку в ФРГ, станут мозговым центром будущего арабского автомобилестроения.

Следует упомянуть о динамично меняющейся в Саудовской Аравии правовой базе для иностранных инвестиций. В частности, известно, что «Закон об иностранных инвестициях» был принят в апреле 2000 г. и вступил в силу 5 июня того же года. Он заменил Закон об иностранных капитальных вложениях 1978 г., однако не остался статичным; в него были в 2002 и 2005 гг. внесены коррективы, чтобы, как говорится в актуальном хозяйственном исследовании, посвященном экономике Саудовской Аравии⁸, «приспособить правовые нормы к практически существующим потребностям». Законодательные документы предусматривают различные формы поощрения капиталовложений: от унифицированных налоговых ставок и таможенных льгот на импорт сырья и оборудо-

вания до предоставления долгосрочной аренды и различного рода гарантий. В том числе, к примеру, гарантии против экспроприации или огосударствления, которые базируются как на международных стандартах, так и на основе двусторонних соглашений по защите инвестиции (например, немецко-саудовское соглашение о содействии и взаимной защите капиталовложений, действующее с 8 января 1999 г.).

При этом существует перечень сфер бизнеса, где иностранные инвестиции под запретом. В данном списке – производство нефтепродуктов, изготовление военного оборудования, обслуживание пилигримов при так называемых малом и большом паломничествах (Haj и Umrah) и другие виды деятельности. Определены минимальный основной капитал саудовского общества с ограниченной ответственностью при иностранном долевом участии (в акционерном капитале 500 тыс. саудовских реалов, что по состоянию на январь 2009 г. составляет около 100 тыс. евро), порядок лицензирования иностранных инвестиционных планов, организация услуг инвестору по принципу one-stop shop, география инвестцентров (Эр-Риад, Джидда, Даммам и Медина), условия регистрации в торговом реестре.

Египет – третий по важности немецкий торговый партнер арабского мира. Объем двухсторонней торговли в 2007 г. продолжился и достиг 2,94 млрд. евро⁹. Начиная с 1963 г. это одна из самых больших стран немецкого развивающегося сотрудничества. Германия наряду с США, Международным банком реконструкции и развития, ЕС и Японией – самый важный египетский партнер. Немецко-египетское сотрудничество получило новый импульс после правительственных переговоров (Бонн, июнь 2008), где достигнута договоренность о повышении немецкого вклада в развитие египетской экономики в ближайшие два года до суммы 187 млн. евро. С египетским правительством согласованы приоритетные вопросы двухстороннего сотрудничества.

В их числе группа водохозяйственных проблем (снабжение питьевой водой и утилизация канализационных отходов, орошение в сельскохозяйственном производстве), Сфера ЕЕ (энергия солнца, ветра, воды). Остановимся подробнее на некоторых перечисленных аспектах.

Прирост населения Египта и возрастающая урбанизация страны ведут к растущему запросу на технологии, связанные

с утилизацией канализационных отходов. В этом вопросе Германией накоплен многолетний опыт, который будет использован в Египте. До 2015 г. спрос в данной сфере будет расти примерно на 10% в год, говорит Катрин Роде (Katrin Rohde), ведущий специалист BFAI – Bundesagentur fuer Außenwirtschaft¹⁰. При этом мы не исключаем и большие колебания в спросе. Пока известно, что существует он в довольно большом объеме, прежде всего в сельской местности. Канализационные системы утилизации отходов существуют только в 11% деревень. Гораздо лучше здесь положение со снабжением питьевой водой, которую получают 95% жителей. Египет начал вступать в полосу реформирования сравнительно недавно, в 2004 г. И сразу проблема по утилизации отходов, в том числе и канализационной, выдвинулась на первый план. Инвестиции в этот сектор возросли, так как обществу стало понятно, что от этого зависит здоровье нации, прежде всего сельских жителей, у которых доступ к медицинским услугам и без того не столь обширен, как у горожан.

В общей сложности эти работы, согласно смете, составленной правительством Египта, оценены в 11,1 млрд. долларов. Египетское население прирастает ежегодно примерно на один миллион человек, вследствие чего водопотребление усиливается, в частности, в густонаселенных районах. Ограничение в канализационном обеспечении ведет, в свою очередь, к ухудшению качества питьевой воды, образованию сточных водоемов с преобладанием в них пестицидов, что губительно для здоровья. В сельской местности, как правило, отсутствуют мощности по удалению сточных вод. По указанным причинам строительство в этом секторе водопользования имеет первостепенное значение.

«Немецко-египетское сотрудничество развивается в названном секторе в различных направлениях», – указывает Ханс-Вернер Тайзен (Hans-Werner Theisen), директор действующего при GTZ проекта Waste & Wastewater Management Programm¹¹. В качестве примера он приводит систему очистки сточных вод Subterra, которую уже опробовало в Китае и теперь смонтировало в Луксоре в качестве пилотного проекта немецко-египетское совместное предприятие AGET. Высокоэффективная немецкая техника фирм Grueschow Entsorgung & Umwelttechnik GmbH и Joachim Krueger Pflanzenlaeranlagen GmbH позволяет ежедневно производить полную

очистку отходов двух судов. «Однако это – частный пример в обширном диапазоне деятельности, – продолжает г-н Тайзен. – А она предполагает финансирование строительства плотин, оросительных каналов, линий по подаче питьевой воды, коллекторов сточных вод. Целью мероприятий является повышение доступа к чистой питьевой воде с одновременно налаженной системой канализационной утилизации отходов. В течение последующих лет мы ожидаем высокий приток инвестиций в эту сферу, в том числе и со стороны немецких предпринимателей». То, что этот сектор экономики перспективен и привлекателен для Германии, указывает приезд в Египет делегации промышленников ФРГ во главе с министром экономики земли Рейнланд-Пфальц Хендриком Херингом (Hendrik Hering) в конце октября прошлого года, отмечает Ганс-Вернер Тайзен.

Другой пример немецко-египетских экономических связей касается сферы ЕЕ. В стране наряду с двухсторонним египетско-немецким комитетом возобновляемых энергий, энергетической эффективности и охраны окружающей среды Германией, Данией и Еврокомиссией был создан также региональный центр возобновляемых энергий и энергетической эффективности (RCREEE). Его работа одобряется 10 арабскими государствами, которые также поддерживают центр в техническом и в финансовом отношении.

По итогам 9 месяцев 2008 г. процент прироста немецкого экспорта, несмотря на внушительную цифру почти в 2 млрд. евро, вдвое уступал приросту египетского импорта (25% против 49,9%). В 2007 г. экспорт ФРГ в Египет, оцениваемый в 2,1 млрд. евро, представлял собой машины, автодетали, электротехнику и лекарства. Немецкие прямые инвестиции в Египет поднялись в 2007 г., по данным Deutsche Bundesbank, на 190%, трансферт нетто достиг 485 млн. евро.

В значительной степени это результат работы Немецко-арабской торгово-промышленной палаты (DAIHK), действующей в Египте уже 50 лет. Доктор Петер Гепфриш (Peter Goerfrich), бывший шеф DAIHK, в декабре 2007 г. являлся представителем хозяйства ФРГ в государствах – членах ССАГПЗ. На его глазах происходили многие экономические преобразования в Египте. Египетскую экономику он оценивает как одну из наиболее перспективных в регионе, имея в виду ее ориентацию на развивающийся сектор частного предприниматель-

ства, что сочетает возможности с предприимчивостью¹². Однако в связи с сохраняющейся системой бюрократии, которая особенно проявляется в специфике деятельности таможни, он советует немецкому инвестору не идти напролом, а обратиться вначале в DAIHK, получить пакет услуг, оказываемых инвестору, и затем уже решать конкретные вопросы: выбор сектора экономики, поиск участка земли, юридические процедуры. Пока Египет, по мнению эксперта, проигрывает странам Залива соревнование в привлечении немецкого инвестора, и действия египетского правительства в создании стимулов для него недостаточны. Однако тот факт, что число членов DAIHK достигло 2,5 тыс. как с египетской, так и с немецкой стороны, отражает позитивное влияние рынка, состояние деловой активности, веру в то, что промежуточные структуры в бизнесе имеют важное значение. Палата стала профессиональным поставщиком услуг для тех, кто трезво оценивает свои шансы на немецко-египетском рынке.

В числе ее солидных клиентов – Fraport AG¹³, компания, управляющая как аэропортами Франкфурта-на-Майне и Франкфурт-Хан, так и участвующая в управлении рядом других аэропортов ФРГ (Ганновер) и зарубежных стран (Турция, Перу, Болгария, Индия, Сенегал, Китай). Солидный стаж (основана в 1947 г.), как и внушительный годовой оборот 2,3 млрд. евро (2007), 25 тыс. сотрудников (первая половина 2008) – составляющие крупнейшего в мире предприятия. Любой, у кого постоянно на виду аэропорты Египта, не может не заметить значительные изменения в последнее время, отмечают немецкие эксперты. Эти изменения являются результатом большой программы работ, которые осуществляет фирма Fraport AG, приступившая к делу в 2005 году. Старт ее деятельности в Египте был связан с совершенствованием управления Каирским международным аэропортом в феврале 2005 г. Был заключен контракт сроком на восемь лет, который предусматривает, в числе прочих мер, возможность постепенного расширения масштабов деятельности с определенной ритмичностью – а именно дважды в год. Таким образом обеспечивалась заданная ритмичность и вовлечение в динамику изменений все новых и новых участков и служб аэропорта.

Команда Fraport во главе с руководителем Манфредом Байером (Manfred Baier) завершила за это время реализа-

цию проектов по вводу совершенствований в рамках терминалов 1 и 2. Они охватили перепроектирование инфраструктуры; улучшение эксплуатации электросети, подачи воды; дренаж и системы кондиционирования; открытие центра нового AirMall с его магазинами, ресторанами и кафе. В настоящее время Fraport действует в рамках терминала 3, который планируется ввести в действие в третьем квартале 2009 года. Он представляет собой комплекс помещений в трех уровнях, в том числе и двух залов, который способен вместить и переправить пассажиропоток в 11 млн. человек ежегодно, что является значительным продвижением при сегодняшней способности, оцениваемой лишь в 8 млн. Проект стоимостью 350 млн. долл. финансируется Всемирным банком, правительством и Национальным банком Египта.

На очереди – запланированная модернизация взлетно-посадочной полосы, способная размещать и обслуживать, как здесь говорят про А380, самолеты нового поколения.

Отражением благоприятного инвестиционного климата является развитие немецко-арабских контактов в рамках Arab European Dialogue – ежегодной конференции в программе кооперации между YAL и Daimler. Молодые арабские лидеры успешно преодолевают барьеры, существующие между арабскими странами и ФРГ, отмечает президент Арабонемецкой палаты коммерции и промышленности (Ghorfa) доктор Томас Вах (Thomas Wach). Он подчеркивает важность европейско-арабского диалога. «Но следует подумать и над тем, чтобы этот диалог иногда не напоминал монолог, и мы больше заботились бы об обмене товарами», указал он, отмечая, что следует продолжать выравнять положение в финансово-хозяйственных потоках и делать усилия для интенсификации их арабской части¹⁴.

Полагаю, сказал он, что имеется не использованный пока потенциал для арабских инвестиций в Германии, которые он мог бы только поддержать от имени Ghorfa. К примеру, участие Кувейта в проектах Daimler было бы замечательным примером, подчеркнул он, очевидно, имея в виду известную ему информацию о вероятных арабских инвесторах.

Понятно, что федеральные гарантии для прямых инвестиций – важный инструмент по защите от рисков, как политических, так и при долгосрочных инвестиционных обяза-

тельствах, когда ФРГ фактически обеспечивает эволюционный прорыв ряду арабских государств.

Правительство ФРГ решает данные вопросы в рамках межминистерских совещаний при участии ведущих специалистов федеральных министерств экономики и технологий, министерства финансов, министерства иностранных дел, министерства экономического сотрудничества и развития, а также соответствующих экспертов. Важную роль при принятии решений играют и консультации PricewaterhouseCoopers AG. Существенным фактором является оценка достоинств проекта; при этом рассматривается пакет мер экологического характера вкупе с аспектами политики развития, вероятностью положительного социоэкономического воздействия на хозяйство ФРГ (например, влияние отдельно взятого проекта на состояние рынка рабочей силы Германии).

В 2007 г. федеральное правительство для немецких прямых инвестиций за границей и их доходов определило гарантии инвестиций в размере 5,2 млрд. евро, которые касаются 72 проектов в 21 стране (прежде всего, в развивающихся странах), и достигло явно лучшего результата по созданию гарантийного инструмента, чем достижения на основе документов, разработанных и принятых в 1959 году. Эксперты отмечают, что при этом почти каждое четвертое утвержденное гарантийное заявление касалось малых и средних предприятий, что по международным меркам достаточно много; обычно такого рода документы оговаривают права промышленных гигантов. По мнению специалистов ФРГ, этот показатель выдвигает Германию на вторую позицию в данной сфере после Японии, а именно – ее государственного страхователя инвестиций NEXI, что уже говорит о сопоставимости масштабов инвестирования. Объем взятой на себя федеральной ответственности составляет в настоящее время около 19,5 млрд. евро.

Гарантии инвестиции совершенствуются в содержательной их части соответственно меняющимся условиям рынка. Так, немецкие предприятия из нефтяной и газовой отраслей обратились с просьбой к государству расширить защиту обеспечения инвестиций в рамках программ диверсификации экономики ряда арабских стран. Речь идет о новых источниках получения сырья. В соответствии с энерго-политическими целевыми установками был, к примеру, подписан в рамках

Германского внешнеторгового дня в Бремене (13.11.2007) договор о защите инвестиций и содействии с Иорданией. Участвовавшие в церемонии подписания документа генеральный секретарь инвестиционного ведомства Иордании доктор Маен аль Нсоор (Maen Al-Nsoor), немецкий посол в Иордании Клаус Буркхардт (Klaus Burkhardt) отметили перспективный характер договора, который полностью оправдался – значительные немецкие инвестиции в нефтегазовую отрасль, которым защищались различные риски, сразу принесли обеим сторонам экономическую выгоду. Она состоит, во-первых, в улучшенном менеджменте риска, во-вторых, в эффективной защите балансовых позиций. Инвестиция получает более стабильную юридическую основу. Кроме того, облегчаются взаимосвязи с банками: те дают улучшенные условия кредита для инвестиций, которые защищены государственной гарантией. «Это особенно важно, когда речь идет о малых и средних предприятиях, которым облегчается выход на международный рынок и для которых ускоряется процесс получения прибыли – с момента возникновения идеи инвестирования в экономику арабского государства до ее реализации», – указывает Иоахим Штеффенс (Joachim Steffens), руководитель отдела зарубежных инвестиций, условий кредитования и банков развития Федерального министерства экономики и технологий.

Федеральное правительство намерено использовать все возможности, чтобы защищать немецкие инвестиции в странах арабского мира. Это выгодно всем: немецкому вкладчику капитала, экономике арабского государства, немецкому работодателю, подчеркивает он.

Несмотря на исключительно динамичный характер импортно-экспортной эволюции, потенциал немецко-арабских экономических отношений используется, по оценке экспертов, незначительно. «Эти показатели и факты еще раз убеждают в том, что, с одной стороны, немецко-арабские контакты имеют свою историю и определенные достижения, с другой стороны, что потенциал Германии в отношениях с арабским миром (и наоборот) далеко не исчерпан, – комментирует ситуацию Иоахим Штеффенс. – Эксперты Германии прогнозируют не только сохранение значительных инвестиций ФРГ в экономику стран арабского Востока, но и их увеличение в ближайшем будущем»¹⁵.

Эксперты ФРГ оценивают объем предполагаемых заказов арабских стран в размере примерно 900 млрд. евро. Столь внушительная цифра должна стать, по их мнению, достаточно притягательной для вкладчиков капитала многих стран, но прежде всего, для немецких – как для тех, кто хочет использовать шанс обосноваться на арабском рынке, так и для тех, кто желает упрочить здесь свои позиции. ФРГ определила для себя многообразную помощь немецким предпринимателям с целью снижения и преодоления инвестиционного риска, чтобы таким образом сделать преимущества соотечественников-вкладчиков капитала более ощутимыми. Тем более, что в этом вопросе Германия уже накопила соответствующий опыт: с 50-х годов прошлого столетия в инвестиционной сфере была предпринята успешная реализация более 140 договоров.

Однако Германия не ограничится только защитой собственных предпринимателей, но и возьмет под свой контроль управление гарантиями инвестиций по защите от рисков политического характера. Иоахим Штеффенс отмечает, что ФРГ заключила соответствующие договоры с 22 государствами-участниками Лиги арабских государств. Существуют документы, определяющие полномочия государств-наблюдателей со стороны ЛАГ, Ирана и Турции. Некоторые из соглашений долгосрочного характера были пересмотрены с учетом новых веяний в мировой экономике и приспособлены к меняющимся международным стандартам. К примеру, модернизация инвестиционного содействия и договоры по защите инвестиций с Иорданией, Египтом, Бахрейном и Оманом основаны на обязательствах арабских стран не допускать дискриминации немецких инвестиций и предоставлять для них режим наибольшего благоприятствования. Такой режим обязывает договорное государство (арабского Востока) обращаться с вкладчиком капитала другого договорного государства (ФРГ) не менее благоприятно, чем с инвестором из третьего государства. При этом отношение к гражданину ФРГ со стороны договорного государства должно оставаться на том же уровне требований, которые предъявляются к инвестору-коренному жителю этого государства. Одновременно предусмотрены содействие инвестициям и защите их от экспроприации, а также гарантии свободного трансферта капитала и доходов.

- ¹ Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2008.
² Bundesagentur für Außenwirtschaft – <https://www.bfai.de>
³ Handelsblatt, 20.01.2009.
⁴ World Future Energy Summit – <http://www.worldfutureenergysummit.com>
⁵ МИД ФРГ – <http://www.auswaertiges-amt.de>
⁶ Bundesagentur für Außenwirtschaft – <https://www.bfai.de>
⁷ SOUQ 1Q./2008, с.31.
⁸ Saudi-Arabien Wirtschaftshandbuch 2008, раздел Rechtliche rahmenbedingungen. На сайте ghorfa: www.ghorfa.de/pdf/BusinessGuide-SaudiArabia
⁹ МИД ФРГ- <http://www.auswaertiges-amt.de>
¹⁰ Germany Trade and Invest – <http://www.qtai.de>
¹¹ Aktuell 12/2007 на сайте <http://www.ihk-siegen.de>
¹² GAT Jan./Feb. 2008, раздел Interview
¹³ Fraport AG Cairo Airport Company – <http://www.fraport.de>
¹⁴ Статья «Ghorfa-Praesident Dr. Bach spricht vor den Young Arab Leaders in Berlin» на сайте <http://www.ghorfa.de>
¹⁵ Статья «Die Investitionsbeziehungen Deutschlands mit der arabischen Welt» на сайте <http://www.ghorfa.de>

Г.В.Горицкая

ИСЛАМИСТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В МАРОККО

Королевство Марокко является ярким примером динамичной эволюции арабского государства, что прослеживается также в становлении его политических организаций, включая исламистские. Ту роль, которую играют последние в политической жизни королевства невозможно понять, не изучив характерные особенности становления политических организаций в Марокко.

Манифест партии «Истикляль» (Партии независимости) 1944 г. был первым публичным требованием независимости, ставшим известным международной общественности. В результате действий партии «Истикляль» и Джейш ат-Тахрир (Революционной Армии) в 1955 г. начались переговоры, которые привели Марокко к независимости. По сути, роль короля Мухаммеда V не была доминирующей в этом процессе (ему было разрешено вернуться в Марокко в том же году), однако в самом королевстве революция известна как «саурат аль-малик ва шааб» (революция короля и народа), так как получение независимости страны способствовало увеличению солидарности между народом и вновь обретенным правителем. Мухаммеду V хотелось создать такую политическую систему, которую в самом Марокко называют развитой демократией. Например, в биографии Мухаммеда V автор Р. Ландау акцентирует внимание на том, что король не хотел ничего так сильно, как становления демократии в своей стране¹. Из-за безвременной смерти короля его намерения нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Напряженность между левыми (секуляристами) и исламистами внутри партии «Истикляль», постоянно возрастающая после получения независимости Марокко, была связана с естественным желанием этой организации сформировать такую политическую систему страны, форма которой вызывала серъ-

езные разногласия. Их усиливало и то, что партия претендовала на положение авангардной, учитывая ту роль, которую она сыграла в становлении независимости Марокко. Однако Мухаммед V и его преемник – король Хассан II инициировали кризис в партии, поддерживая ее фракционность. Стратегия Хасана II была направлена на поддержку и левых, и правых. Таким образом, нейтрализация руководящих амбиций ряда политических партий становилась неизбежной, и такая политика существенно укрепила влияние короля на правительство².

Однако, несмотря на то что «Истикляль» не позволили стать доминирующей партией в стране и, как следствие, установить однопартийную систему в Марокко, уже в 1959 г. от партии откололась более радикально настроенная группа, и была создана новая, левого толка организация – Национальный союз народных сил, возглавляемый М. Бакром, который вскоре стал главной политической оппозицией королю. Таким образом, с партии «Истикляль» начинается история многопартийности Марокко, а точнее – с ее расколов (в 70-х годах от партии Национальный союз народных сил откололся Социальный союз народных сил, который на последних выборах 2007 г. занял пятое место по количеству представителей в парламенте³).

Еще одна партия, возникшая на заре марокканской независимости – Народное движение. Эта партия, ассоциирующаяся с марокканскими берберами и представляющая интересы исключительно монархии, также сегодня продолжает занимать заметное место в политической жизни марокканского общества. Так, на парламентских выборах 2007 г. Народное движение получило 41 мандат в парламенте.

Парламент существует в Марокко с 1956 г. В результате внесенных в 1996 г. поправок в конституцию в 1997 г. был сформирован двухпалатный парламент в составе верхней Палаты советников (270 мест) и нижней Палаты представителей (325 мест). В то время как депутаты верхней палаты избираются на девятилетний срок непрямым голосованием по спискам городских и сельских советов, Торговой палаты, промышленных, ремесленных и других профессиональных союзов, все депутаты нижней палаты избираются на пятилетний срок всеобщим голосованием. Проведенные в 2007 г. выборы стали пятыми по счету; предыдущие национальные выборы состоялись в 1993, 1994, 1997 и 2002 гг.

Несмотря на актуальную либерализацию и демократизацию, сегодня в Марокко существует ряд факторов, в основном связанных с нежеланием правительства предоставить большую свободу действий парламентским партиям и тем самым инициировать демократические преобразования страны. В этом состоит одна из особенностей политической жизни Королевства Марокко. Например, в соответствии со статьей 2 нынешней Конституции Марокко (со времени провозглашения независимости в королевстве было принято пять конституций в 1962, 1970, 1972, 1992 и 1996 гг.) король признается религиозным главой страны и «верховным представителем нации, символом ее единства, гарантом прочности и жизнеспособности государства». Король является важнейшей фигурой в системе управления и жизни марокканского общества, а монархия несет основной груз политической власти. Государственная религия Марокко – ислам⁴. Король назначает премьер-министра, который возглавляет в стране исполнительную власть. Премьер-министр руководит Советом министров, который управляет всеми государственными делами. Формально глава правительства имеет право самостоятельно подбирать министров, в действительности же назначение ключевых министров находится в ведении короля. Например, когда 4 февраля 1998 г. Хасан II впервые назначил премьер-министром оппозиционного политического деятеля – лидера партии Социальный союз народных сил А. Юсуфи и поручил ему сформировать новый состав кабинета министров, то при этом лично подобрал кандидатуры на министерские посты, которые подотчетны монарху. Кроме того, король обладает правом осуществлять управление страной при помощи указов, что он и делал в 1965–1977 годах после приостановки действия конституции и роспуска парламента.

Правящий режим мало трансформировался за несколько десятилетий, прошедших в попытках и опытах поверхностного реформирования политической системы, которые существенно не изменили степень контроля короля над политической жизнью страны. Следует отметить, что политическое реформирование детерминировалось либо попытками военных переворотов (в июле 1971 г. и в августе 1972 г.), либо желанием укрепить отношения и сотрудничество с западноевропейскими странами. Российский автор А. Куприн акцентирует внимание на том, что со второй половины 80-х годов XX века король Ма-

рокок все-таки активизировал процесс либерализации и демократизации, стремясь упрочить отношения с ЕЭС, вступить в эту организацию (в июле 1987 г. Марокко впервые обратилось с просьбой о приеме в ЕЭС) или, по крайней мере, стать ее привилегированным партнером; а также улучшить климат для инвестиций из Западной Европы, общественность которой не раз упрекала марокканский режим в многочисленных нарушениях прав человека в стране. О важности отношений с ЕЭС свидетельствовало опубликование в Париже в 90-х годах XX в. докторской диссертации наследного принца Мухаммеда «Сотрудничество между Европейским Союзом и странами Магриба».

В 1988 г. представитель Марокко вошел в состав Комиссии ООН по правам человека. В августе того же года был освобожден 841 политический заключенный, а с июня 1989 г. до апреля 1990 г. освободили еще 2163 узника. В 1993 г. Хасан II учредил пост министра по правам человека. Его занял О. Аззиман, соучредитель неправительственной, общественной Марокканской организации по правам человека⁵. В преамбулу конституции был включен пункт о подтверждении решимости Королевства Марокко соблюдать общепризнанные права человека. Это стало следствием дискуссии марокканского правительства с Европарламентом о правах человека. Также в новую конституцию было записано такое важное положение, как отмена запрета на создание партий на религиозной или этнической основе⁶.

Мухаммед VI, который взошел на престол в 1999 г., также выступает за социальные реформы и либерализацию марокканского общества. Он утвердил новый семейный кодекс (Мудавана), который предоставляет женщинам большую степень свободы. Этот закон вступил в силу в 2004 г. Также король создал комиссию, которая, как предполагали, исследует нарушения прав человека во время правления его предшественника – Хасана II. Однако комиссии было запрещено упоминать Хасана II в связи с какими-либо нарушениями прав и свобод человека во время его правления или сообщить о таких же нарушениях, начиная с 1999 г., когда Мухаммед VI был возведен на престол. Таким образом, комиссия лишена возможности критиковать нарушения свободы слова, прозрачности парламентских выборов, прав человека, которые по утверждению правозащитных организаций существуют в Марокко. Экономические реформы короля также неоднозначны. Экономическая либерализация привлекла иностранных инвесторов, и власти

Марокко отмечают улучшение уровня жизни в небольших городах и сельской местности. Однако организации, не имеющие отношения к правительству, констатируют широко распространенную бедность и высокий уровень безработицы.

Также тактика короля поддержания и левых, и правых не принесла ожидаемых результатов. Как только исламистские партии приобрели легитимность, они уверенно вышли на политическую арену страны. Несмотря на надежды правящего режима, что в ответ на некоторую либерализацию и демократизацию оппозиция поможет ослабить натиск исламизма и через свои профсоюзы предотвратить и общественные массовые антиправительственные выступления и манифестации исламистов против тяжелых условий жизни и социального неравенства в Королевстве, как в 1981 и 1984 гг. исламисты, напротив, приобрели еще большую популярность, являясь представителями «среднего класса», роль которого росла.

На возраставшую роль «среднего класса» в Марокко указывали, в частности, западные исследователи А. Парехо Фернандес (Испания), Ж.-К. Сантуччи (Франция) и Г. Мансон (США). А. Парехо Фернандес обращает внимание на неуклонное сокращение числа «земледельцев» (то есть сельской буржуазии) в Палате представителей: в 1963 г. – 47,5% мест, 1977 г. – 14,7%, 1984 г. – 17,1%. Эта тенденция сохранилась и в 90-х годах: в 1993 г. – 13,5% мест, 1997 г. – 10,7%. И в то же время характерным для политической жизни Марокко стал постепенный рост влияния оппозиции в Палате представителей: в 1977 г. – 27,3% мест, 1984 г. – 28,3%, 1993 г. – 37,5%⁷, который правящий режим был вынужден допускать.

Одним из главных недостатков внедрения демократии, инициируемой самим правительством, было нежелание считаться с исламистами как действенными членами демократического процесса Королевства Марокко. Некоторые признанные политологи, такие как С. Кохен и Л. Яиди предположили, что политическая либерализация в Марокко не была успешной, потому что не могла сопротивляться исламизму, а признать его роль в этом процессе не хотела⁸. В любом случае, сегодня исламистские партии, как и любая другая политическая сила, являются порождением и неотъемлемой частью демократической волны. Касательно этого С. Хувайди справедливо заметил, что «несогласие с демократией является предуведомлением к несогласию с исламистским присутствием»⁹. Поэтому суть про-

блемы народовластия в Марокко, как и во всех странах арабского мира, состоит не в самом процессе демократизации, а в определении внешними силами становления того типа демократии, которую они хотели бы видеть в Марокко. Так, «выступая в Стамбульском университете в канун проведения саммита ООН 2004 г., президент США Дж. Буш подчеркнул, что Турция – "образцовый пример исламской светской демократии" и что он удовлетворен результатами демократических изменений в арабском мире, в частности в таких странах, как Марокко...»¹⁰. США выступают за более прозрачные и честные парламентские выборы в Марокко, однако создается впечатление что они, так же как и местные элиты, не являются сторонниками радикальных изменений, которые могут привести к власти не союзных Западу исламистов. Неприятие победы ХАМАС в Палестинской автономии является только одним из недавних примеров двуличия западной пропаганды демократических изменений в арабском мире. Модель демократии, которую пропагандирует Запад в Марокко, скорее напоминает полиархию. Действительно, западные инвесторы в Королевстве Марокко, деятельность которых особо активизировалась после того, как на престол взошел Мухаммед VI, полностью одобряют политическую ситуацию в стране, закрывая глаза на продолжающиеся нарушения прав и свобод человека и нетерпимость к исламистам и другим оппозиционным политическим организациям в Марокко.

Королевский контроль, под которым вынуждены работать политические партии, недостаток реальной власти и мозаичность марокканского общества существенно препятствуют политическим партиям противостоять партикуляризму, коррупции и делают их незащищенными от репрессий и разного рода политических махинаций.

Политические партии все же являются неотъемлемым элементом политической жизни Королевства Марокко еще с ранних 30-х годов, однако открытое присутствие представителей политического ислама в Марокко возникло достаточно поздно (по сравнению с другими странами арабского мира) – в конце 70-х годов. Это объясняется тем, что после получения независимости в Королевстве Марокко остались прежними режим и правитель со свойственным для них религиозным символизмом. Изменился только титул – султан Мухаммед V взял титул "короля" вскоре после получения страной независимости, чтобы показать свои прогрессивные взгляды на политиче-

скую жизнь страны. Поэтому марокканскому народу не приходилось искать способы религиозного самовыражения, так как оно приветствовалось в рамках религиозного характера марокканской монархии. Более того, король в мировоззрении среднестатистических марокканцев являлся олицетворением честного и справедливого правителя, что вдвойне осложняло существование любой оппозиции (кроме религиозной, так как исламисты олицетворяют более сакральную власть Аллаха, нежели правитель государства).

Лагерь "умеренных" исламистов представлен в настоящее время рядом исламистских организаций, среди которых особое место занимает неразрешенная, но терпимая властями группа "Аль-Адль ва-аль-Ихсан" (Движение за справедливость и милосердие) – самая влиятельная среди исламистских организаций в Марокко¹¹. В то время, когда оппозиционные политические силы подвергались гонениям, король не препятствовал становлению "Аль-адль ва-аль Ихсан", что предположительно было связано с желанием главы государства Марокко использовать эту организацию как противовес левым (такая практика существовала в 70-х годах). Таким образом, "исламистскими организациями в Марокко двигало не желание создать исламское государство, а в основном – изменить существующий социальный и политический порядок"¹². Исламисты ставили своей целью в первую очередь обеспечить основы социальной справедливости в тех областях, где отсутствие социальных государственных программ вызывало значительное ухудшение условий жизни среднестатистических граждан.

Однако со временем позиция движения ужесточилась, и "Аль-адль ва-аль Ихсан" попало в немилость к правящему режиму после того, как его лидер А. Яссин в 1974 г. послал открытое письмо "Ислам, или – потоп", адресованное Хасану II, в котором подвергались сомнению авторитет и право короля быть "повелителем всех правоверных марокканцев", что зафиксировано в Конституции Королевства Марокко. Движение "Аль-адль ва-аль Ихсан" не только открыто выступило с критикой короля, но и эффективно пропагандирует построение исламского государства, в котором нет места королю. Тем не менее движение подвергается нападкам не столько со стороны правительства, сколько со стороны либеральных организаций и ассоциаций, что выступают за права женщин в Марокко. Особенно яростны нападки на Н. Яссин, дочь лидера движе-

ния. Так Л. Джабди, президент женской ассоциации Союз за действия женщин (СДЖ) в 2006 г. сказала в интервью, что заявления Н. Яссин – это “пустая демагогия. Она говорит одно, а делает другое”¹³. Однако сама Н. Яссин своими понятными и четкими опровержениями заслужила определенный авторитет в западной прессе. Она дала интервью немецкому он-лайн журналу «Телеополис» в 2006 г.: “Наше понимание и применение ислама одно из самых умеренных, какое можно себе представить. Если ношение чадры будет принудительным для всех женщин Марокко, я уверяю Вас, что первая стану бороться против этого всю свою жизнь. Вера и религия – вопрос свободного выбора, а не принуждения”¹⁴.

Марокканские исламисты не представляют собой единой и однородной общности. Если одни открыто требуют политических перемен, то другие исповедуют более умеренные взгляды, выступая за необходимость проведения социальных реформ, направленных на укрепление религиозного чувства в каждом члене общества. Некоторые из тех, кто преследует политические цели, прибегают к насильственным действиям. Так, в 1975 г. “Муназзамат аш-ашабиба аль-исламия” (Организация исламской молодежи) под руководством Абдаль-Карима аль-Мути была распущена из-за гипотетической насильственной деятельности, а ее лидеры были арестованы либо, как в случае с самим аль-Мути, отправлены в изгнание. Те члены организации, которые выступали против использования методов насилия, либо покинули ее ряды, либо сформировали новые исламские организации. 1 августа 2002 г. марокканская газета “Ожурдуи ле Марок” обнародовала информацию о том что адепты исламистской организации “Ас-Салафия аль-Джихадия” убили в разных регионах Марокко до 150 человек. Одновременно стало известно, что “Ас-Салафия аль-Джихадия” – не единственная группировка на экстремистском фланге марокканского исламистского движения. Другой такой организацией стала “Ат-Такфир валь-Хиджра” – дочерняя одноименной известной международной исламистской структуре радикального толка. К середине августа 2002 г. под арестом в Касабланке находились 9 боевиков этой организации. Они обвинялись в создании “преступного сообщества” и “предумышленных убийствах”. Такфиристы сознались в совершении 4 убийств на почве «религиозной нечистоплотности»: наркомании, пьянства, поведения, несоответствующего нормам исламской морали.

В целом боевики “Ат-Такфир” подозревались в совершении примерно 30 убийств в Касабланке, Кенитре и Сале. По состоянию на 23 августа 2002 г. марокканские спецслужбы арестовали в общей сложности 27 боевиков двух группировок¹⁵.

Вторая группа марокканских исламистов исповедует умеренный ислам. К ней относится движение «Аль-Ислах ва-т-Тадждид» («Реформа и обновление»), которое было сформировано А. Бенкираном. Оно является ответвлением уже упомянутой милитаристской “Муназзамат аш-ашабиба аль-исламия” (Организация исламской молодежи), которая в 1972 г. добилась официального признания в качестве религиозной организации согласно королевской программе противостояния исламистов левым. Однако в 1975 г. организацию опять объявили вне закона за антимонархические призывы и по подозрению в убийстве ряда чиновников. В качестве исламистской группы, деятельность которой сосредоточена на борьбе за социальные перемены, в 1996 г. она присоединилась к Народному демократическому конституционному движению (ИДКД). В 1997 г. исламисты из этой организации впервые в истории Марокко приняли участие в парламентских выборах и сразу добились 9 мандатов. В 1996 г. движение «Реформа и обновление» и Лига исламского будущего с целью получения официального признания образовали союз, получивший название «Ат-Таухид ва-ль-Ислах» («Единобожие и реформы»). Одной из главных причин легализации «Ат-Таухид ва-ль-Ислах» было мнение короля, что если он позволит исламистским партиям принимать участие в политической жизни королевства, то этим предотвратит возникновение радикального исламизма¹⁶. С лидерами исламистских партий оговаривали условия, при каких те могли участвовать в выборах: поддержка монархии, конституционализм, ненасилие¹⁷. Таким образом, путем объединения в 1996 г. возникла Партия справедливости и развития (ПСР), которая в отличие от движения “Аль-Адль ва-аль-Ихсан” является официально признанной активно действующей партией, участвующей в парламентских выборах с момента своего создания.

На парламентских выборах 2002 г. количество мест ПСР увеличилось вчетверо по сравнению с полученными на выборах 1997 г., и она стала третьей по влиятельности партией в стране. “Аль-адль ва-аль-Ихсан” расценивает улучшение положения ПСР как прогресс для исламистов в Марокко в целом¹⁸. В 2002 г. столь значительный рост популярности партии

объясняли тем, что она не имела конкурентов среди исламистских организаций (“Аль-адль ва-аль Ихсан” не была допущена к выборам, и, следовательно голоса ее потенциальных избирателей были отданы ПСР). К тому же большую роль сыграл тот факт, что последняя не была замешана в государственной коррупции, в отличие от большинства политических партий Марокко, причастных к коррупционным скандалам.

Накануне парламентских выборов 2007 г. в Королевстве Марокко были созданы еще две исламистские партии: Партия Ренессанса и Добродетели (ПРД), которая была создана из группы несогласных с политикой ПСР ее членов, и Партия Цивилизованной Альтернативы (ПЦА). ПРД выдвинула своих кандидатов в 60 из 95 избирательных округов, в добавление к кандидатам национального женского списка. Члены ПРД, к которым примкнул видный религиозный деятель, шейх А. Замзави, собирались опередить ПСР на парламентских выборах 2007 г. Планы ПЦА были не столь амбициозны, так как партия выдвинула кандидатов только в 37 избирательных округах. Лидер партии М. Муатассим объяснял, что партия готовилась к выборам в 51 избирательном округе, но “мы были неопытны и делали некоторые ошибки в подготовке досье кандидатов”¹⁹, что в свою очередь побудило Министерство внутренних дел сделать недействительными списки, которые ПЦА представили для 14 избирательных округов. И хотя ни ПЦА, ни ПРД не получили мест в новом парламенте, однако если исламистские настроения марокканского общества и дальше будут развиваться такими же темпами, то не исключено что на следующих парламентских выборах исламистские партии могут войти в парламент и объединиться, их представительство составит более 60 мест, что в итоге даст им необходимое большинство, чтобы сформировать правительство.

Парламентские выборы 2007 г. продемонстрировали рекордно низкий уровень участия электората в выборах – 37% (в 2002 г. этот показатель был 52%), что указывает на масштабы разочарования марокканцев в политических процессах Королевства. Западные обозреватели отмечают резкую критику существующего правительства и растущее одобрение действующей исламистской оппозиции. По результатам выборов Истикляль возглавила новое правительство, получив 52 места, немного опередив ПСР, которая получила 46 мест. ПСР стала еще популярнее, и о ней заговорили, как о серьезном игроке, который не захочет мириться с фиктивной ролью партий на по-

литической арене Марокко, однако результаты выборов неоднозначны, учитывая тот факт, что политические аналитики анонсировали победу ПСР. Второе место вряд ли отражает ее реальный политический вес, что понимают лидеры, представляющие в настоящее время свою партию как единственную альтернативу для тех миллионов марокканцев, которые не пришли на парламентские выборы. Ядром предвыборной платформы партии в 2007 г. были пути решения экономических проблем марокканского населения. По мнению А. Хамзави, этим партия «провела различие между собой и большинством арабо-исламских движений. Также этим прагматичным подходом партия показала себя как игрока дисциплинированного современного политического движения»²⁰. А. Хамзави также отмечает, что ПСР стремится не к показательной демократии, а использует ее на практике. Например, выборы генсекретаря партии летом 2007 г. А. Бенкирана проходили путем всеобщего тайного голосования среди членов партии. Практика нетипичная для большинства исламских движений.

19–20 июля 2008 г. в Рабате прошел VI съезд ПСР, на котором генеральный секретарь партии С. Аль-Османи отметил существование «глубочайшего кризиса, который переживает наше общество по причине отсутствия доверия к властям, что стало следствием разрыва между заявлениями и поступками политических руководителей этой страны... Отсутствие доверия к властям будет иметь опасные последствия, если не будут предприняты усилия для обновления политических партий, властных институтов и всей политической жизни»²¹. Главное место в выступлении С. Аль-Османи было отведено нарушениям, имевшим место на парламентских выборах, которые не позволили ПСР занять по итогам голосования то место, на которое рассчитывали исламисты.

Также на VI съезде ПСР впервые была представлена партийная платформа. В ней содержались предложения добиваться расширения прерогатив премьера и выборных структур, независимости судебной власти, демократизации внутрипартийной жизни. Раньше на подобных мероприятиях ограничивались представлением основных ориентиров деятельности партии. Также С. Аль-Османи определил главными приоритетами партии “социальную справедливость, экономическое и социальное развитие”, основывая стратегию партии на опыте турецкой Партии справедливости и развития (ПСР)²², которая

недавно вернулась к власти в Анкаре. Также С. Аль-Османи добавил, что неумение политических партий побороть историческое соперничество и создать действенный альянс с другими оппозиционными силами является причиной, позволяющей правящей партии игнорировать оппозицию и актуальные демократические преобразования. Следовательно, целью ПСР, возможно, станет создание подобного альянса. Ведь еще накануне съезда партии стало известно о желании ПСР создать альянс с партией Социалистический союз народных сил (ССНС) с тем, чтобы вместе идти на коммунальные выборы 2009 года. Провал ССНС на парламентских выборах 2007 г. (партия заняла пятое место, тогда как на выборах 2002 года она была первой) привел к тому, что в партии образовалось мощное течение, которое требует выхода социалистов из правящей коалиции и выступает против курса ее руководства, представители которого не собираются покидать кабинет министров. Несмотря на различия в идеологии партий, председатель Национального совета партии А. Бенкиран утверждал, что «альянс с социалистами из ССНС желаем всеми активистами ПСР». Такой же точки зрения придерживался второй человек в партийной иерархии ПСР Л. Дауди, хотя он предпочитал говорить не об альянсе, а о «сотрудничестве». Он же назвал возможные направления сотрудничества двух партий: борьба против коррупции и нецелевого расходования государственных средств, а также насаждение «культуры гласности»²³. Если альянс ПСР-ССНС не состоится, ПСР «вернется в сторону правых партий», либо создаст новый блок с привлечением небольших партий, который возглавят исламисты, — заявил руководитель молодежного крыла ПСР А. Реббах²⁴.

Сегодня ПСР завоевывает все большую популярность своими умеренными взглядами и в то же время — исламистской позицией, высказываемой во время изнурительных дебатов в нижней Палате представителей о приоритетах и задачах парламента. Однако не все воспринимают популярность партии как однозначно позитивный сдвиг в политической жизни страны. Серьезную обеспокоенность вызывает предложение исламистских партий создать квоту для улемов в Парламенте, которое было инициировано ПРД в ходе избирательной кампании 2007 г. Эту инициативу официально поддержала ПСР (хотя мнения насчет целесообразности такой инициативы внутри самой партии разделились) и обратилась к марокканскому правительству

с просьбой «уделить большее внимание мусульманской доктрине и улемам и показать, насколько они важны, путем предоставления им той роли и места, которых они заслуживают»²⁵. Так, на очередном съезде ПСР 1 марта 2008 г. распространялся документ о предоставлении улемам установленной квоты в парламенте, подобно квоте, резервируемой для женщин.

Учитывая существование ряда серьезных организаций по правам женщин в Марокко, такое предложение вызвало шквал критики. Шариат запрещает присутствовать женщинам в парламенте, и, естественно, предоставление в нем квоты для улемов поставит под вопрос существование парламентской квоты для женщин. Так же член генсекретариата ПСР Л. Дауди выразил свое несогласие с подобным предложением. Он сказал, что улемам следует остаться нейтральными и они не должны соприкасаться с политикой: «Улемы подобны мечети: они принадлежат всем мусульманам»²⁶.

В связи с дискуссией о квоте для улемов можно говорить об умеренности, но и настойчивости политического ислама в Марокко. Сегодня исламисты высказывают растущее желание также олицетворять собой ислам, что является прерогативой короля. Тем самым исламистские организации в Марокко получают не столько больше прав, сколько возможность официально критиковать правительство и соперничать с королем, что будет первым шагом к действенной оппозиции.

Таким образом, политическая либерализация правящего режима, которая началась в начале 90-х годов, обусловила выход исламистских организаций на политическую арену Королевства Марокко и свободное выражение своих политических целей и амбиций. Однако такая разновидность демократии, которая допускает деятельность исламистских политических организаций, на практике не устраивает как правящий режим и политическую элиту Марокко, так и ряд западноевропейских стран и США. От того, будет ли продолжаться либерализация и демократизация политической жизни страны, зависит деятельность этих оппозиционных партий, которые вряд ли станут мириться с формальной ролью политических партий в жизни марокканского государства.

¹ Landau R. Mohammed V: King of Morocco. Rabat: Morocco Publishers, 1957, с. 123–136.

- ² Moore C.H. Political Parties // Polity and Society in Contemporary North Africa, edited by William I. Zartman and William Mark Habeeb. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1993, с. 44.
- ³ Le roi nomme un nouveau gouvernement après des tractations difficiles // http://www.jeuneafrique.com/pays/maroc/article_depeche.asp?art_cle=AFP254071eroiselici0
- ⁴ Marrocan Constitution // <http://www.maroc.ma/NR/exeres/FCBEBCAD-801F-4DD4-ADB7-99108D80E9EC.htm>
- ⁵ Куприн А. Власть и “светская оппозиция” в Марокко // Ближний Восток и современность. Вып. 25. – М., 2005, с. 16.
- ⁶ Сергеев М.С. История Марокко. XX век. / М.С. Сергеев; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2001, 359 с. – С. 192.
- ⁷ Куприн А. Власть и “светская оппозиция” в Марокко // Ближний Восток и современность. Вып. 25. – М., 2005, с. 17.
- ⁸ Cohen S., Jaidi L. Morocco: Globalization and Its Consequences. New York, London: Routledge, 2006, с. 36.
- ⁹ Huwaidi F. Fadd al-Ishtibak ma’a al-Hala al-Islamiyyah (Disengagement with the Islamist presence)// Al-Kitaab fii Ta’allum al-‘Arabiyya: Al-Juz’ al-Thalith (Part Three), ed. by Brustad K., Mahmoud Al-Batal, Abbas al-Tonsi. Washington DC: Georgetown University Press, 2001. С. 35.
- ¹⁰ Волович О.О. Про плани демократизації Близького Сходу // Близький Схід: міжнародна безпека, регіональні відносини та перспективи для України. – К., 2008, с. 166.
- ¹¹ Layachi A. Islamism in Algeria, Morocco, and Tunisia and the Struggle for Change. In The Arab-African and Islamic Worlds: Interdisciplinary Studies, edited by R. Kevin Lacey and Ralph M. Coury, 23–47. New York, Oxford: Peter Lang, 2000, с. 24.
- ¹² Бабкин С. Марокко: о новых тенденциях в исламистском движении // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2002/04-09-02.htm>
- ¹³ Interview with Latifa Jbabdi by Hackensberger A. Der Koran und der muslimische Feminismus // Telepolis, June 17, 2006.
- ¹⁴ Alfred Hackensberger. Die Rolle der Frau muss sich ändern // 17.05.2006 // <http://www.heise.de/tp/r4/artikel/22/22587/1.html>
- ¹⁵ Бабкин С. Марокко: о новых тенденциях в исламистском движении // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2002/04-09-02.htm>
- ¹⁶ Michael J. Willis Between Alternance and the Makhzen: At-Tawhid wa Al-Islah’s Entry Into Moroccan Politics// The Journal of North African Studies, 1999, 4 (№ 3), с. 72–73.

- ¹⁷ Ibid, с. 56.
- ¹⁸ Michael J. Willis Morocco’s Islamists and the Legislative Elections of 2002: The Strange Case of the Party That Did Not Want to Win// Mediterranean Politics. 2004, 9 (№ 1), с. 70.
- ¹⁹ Mawassi Lahcen Two new Islamist parties challenge the PJD in Morocco // http://www.magharebia.com/cocoon/awi/xhtml1/en_GB/features/awi/features/2007/09/02/feature-01
- ²⁰ Hamzawy A. Party for Justice and Development in Morocco: Participation and Its Discontents. CARNEGIE ENDOWMENT CARNEGIE PAPER, JULY 2008 // <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=20314&prog=zgp&proj=zme>
- ²¹ Куделев В. Марокко: о некоторых итогах VI-го съезда Партии справедливости и развития// <http://www.iimes.ru>
- ²² Werenfels I. Between integration and repression. Government responses to islamism in the Maghreb. Berlin, 2005, с. 23 // http://www.swp-berlin.org/en/common/get_document.php?asset_id=2800
- ²³ Куделев В. Марокко: о некоторых итогах VI-го съезда Партии справедливости и развития // <http://www.iimes.ru>
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Imrane Binoual Islamist party's call for ulema quota in Moroccan Parliament sparks debate // http://www.magharebia.com/cocoon/awi/xhtml1/en_GB/features/awi/features/2008/03/12/feature-01
- ²⁶ Ibid.

И.В.Жмуйда

ИНОСТРАННАЯ ПОМОЩЬ ПАКИСТАНУ:
ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ

Пакистан начал получать иностранную помощь одним из первых среди развивающихся стран. Небольшая сумма была получена по плану Коломбо в 1950 г., а спустя несколько месяцев, в феврале 1951 г., было подписано с США соглашение о технической помощи. Это было началом затягивания Пакистана в круг политической и экономической зависимости от Запада. Первый крупный по тем масштабам заем на сумму 27,2 млн. долл. был предоставлен МБРР в 1951 г. Этот заем и подписанное в сентябре 1952 г. соглашение о продовольственной помощи, предоставленной Экспортно-импортным банком США, горячо приветствовались в Пакистане, так как экономическое положение в тот период в силу ряда причин оказалось крайне тяжелым. Во-первых, в результате обострения отношений с Индией правительство Пакистана значительно увеличило военные расходы. Во-вторых, после корейского бума 1952 г. цены на две главные статьи пакистанского экспорта – джут и хлопок – упали более чем в два раза. В-третьих, резкий рост цен внутри страны вследствие засухи, разрыв отношений с Индией, отказ Пакистана от девальвации рупии, полное исчерпание стерлинговых авуаров и т.д. привели к значительному сокращению золотовалютных резервов страны, платежный баланс стал сводиться с дефицитом¹. Столь напряженное экономическое положение диктовало потребность в получении средств извне, так как за счет внутренних источников покрыть дефицит ресурсов было невозможно. С этого времени Пакистан стал получать помощь во все возрастающих размерах: если в 1952 г. им было получено 5 млн. рупий в виде помощи, что составляло 0,02% ВВП, 0,5% расходов на развитие и 0,1% импорта, то к 1956 г. объем помощи возрос в 94,5 раза, достигнув 472 млн. рупий, а ее доля в ВВП, расходах на развитие и оплату импорта возросла соответственно до 2,1, 34,8 и 18,6%. Зависимость Пакистана от притока внешних инвестиций продолжала расти,

составив в 1960 г. 3,4% ВВП, в 1964 г. – 7,5%, и сократилась до 5,7 и 5,8% в 1967 и 1968 гг. Что касается доли помощи в расходах на развитие и оплату импорта, то она возросла соответственно до 31,1 и 31,7% – в 1960 г., 42,2 и 55,8% – в 1964 г., 37,7 и 47,0% – в 1967 г. и 34 и 49,8% – в 1968 г. Приведенные данные свидетельствуют о высокой степени зависимости государства от внешних источников финансирования, которые в значительной мере определяли экономическое развитие Пакистана в 50–60-е годы. И хотя к началу 70-х годов отрицательные последствия широкого привлечения иностранной помощи стали остро ощущаться всеми слоями общества страны и подвергаться резкой критике в печати, тем не менее и в последующее десятилетие доля иностранной помощи в финансировании программ развития не только не сократилась, но, напротив, возросла до 73% в 1973/74 г. и 89% в 1974/75 гг.²

Относительно высокой была доля накоплений из внешних источников по отношению к ВВП во второй половине 50-х и в 60-е годы. Внешние источники накопления в конце 50-х годов стали почти равны внутренним, составив 5,0 и 5,9% ВВП соответственно (в границах Пакистана до 1971 г.). В начале 70-х годов в связи с перебоями в предоставлении помощи доля внешних источников накопления упала и вновь начала расти с 1974 г., когда значительно увеличился общий объем помощи за счет средств мусульманских нефтедобывающих стран и предоставления отсрочек по погашению и обслуживанию долга. В мае 1971 г., не получив согласия на мораторий, правительство Пакистана в одностороннем порядке объявило о временном прекращении платежей по займам. Затем оно стало оплачивать задолженность в рупиях, перечисляя их на особые счета стран-кредиторов в государственном банке Пакистана.

После длительных переговоров о платежах, состоявшихся в октябре 1971 г. и марте 1972 г., Консорциум* согласился на изменение сроков и порядка погашения текущей задол-

* Международный консорциум по финансированию пятилетних планов Пакистана был создан в 1960 г. В него вошли США, Англия, ФРГ, Бельгия, Канада, Франция, Италия, Япония, Голландия, МБРР и Международная ассоциация развития (МАР). Он представляет сообщество, соглашение между двумя странами для совместного размещения займов или осуществления капиталоемких проектов.

женности на сумму 340,9 млн. долл., что составило 56% средств, требовавшихся на погашение за период с 1 мая 1971 по 30 июня 1974 г.

28 июня 1974 г. Консорциум объявил о предоставлении льгот по оплате задолженности до 1978 г., причем в 1974/75 г. была отсрочена выплата 175 млн. долл., или 71% суммы платежей, в 1975/76 г. – 175 млн. долл., или 61% платежей; 1976/77 г. – 125 млн. долл., или 55%. Отсрочка платежей предусматривалась на 30 лет, начиная с 1 июля 1974 г., при десятилетнем льготном периоде и 2,5% годовых. Кроме стран – членов Консорциума подобные льготы и отсрочки платежей предоставили Пакистану социалистические страны, Швеция, Дания, Австрия и ряд других государств.

Поскольку в июне 1979 г. истек срок действия отсрочек, предоставленных Консорциумом, правительство Пакистана в июне 1978 г. обратилось к нему с просьбой об освобождении страны от уплаты долгов, подлежащих погашению в 1979/80 г. и последующие четыре года, однако ему было отказано в столь необходимой отсрочке. Только в 1981 г. Пакистан получил полуторагодовую отсрочку (15.01.1981 – 14.08.1982 г.) на сумму 232 млн. долл. при грант-элементе в 55%³. 70-е годы характеризовались ухудшением положения Пакистана в системе мировых связей и усилившейся зависимостью от внешних ресурсов. Прослеживалась тенденция изменения и характера использования помощи. В 50-е годы и в первой половине 60-х годов она в основном выполняла инвестиционные функции, позже ее значительная часть стала использоваться на текущее финансирование – оплату импорта, текущее воспроизводство, различного рода бюджетные расходы и, конечно, рефинансирование долга. Такой характер использования помощи значительно снижал ее эффективность. Этому способствовали и изменения в структуре помощи, существенном ужесточении ее условий.

В 50-е годы и середине 60-х годов основную долю помощи составляли дары и безвозмездные субсидии, которые не обременяли платежный баланс страны. Более того, они дополняли внутренние накопления и способствовали превращению части из них в вещественную форму инвестиций. Доля даров и безвозмездных субсидий сократилась (в общем объеме помощи) с 69,8% в период 1950–1955 гг. и 79% за 1955–1960 гг. до менее 1% в 1971/72 г. и 5% – в 1975/1976 г.⁴

Кроме изменений в общей стратегии неокOLONиализма в 60-е годы, направленных на ужесточение условий предоставления помощи молодым государствам, на изменение условий предоставления помощи Пакистану оказали влияние результаты проводившейся в 50-е годы и начале 60-х годов политики империалистических стран, особенно США. Они добились вступления Пакистана в СЕАТО и СЕНТО и превратили его в проводника интересов Запада на мировой арене. К тому же правящие круги страны твердо избрали предложенный странами-донорами капиталистический путь развития. Все это позволило Западу значительно изменить характер помощи: ему уже не надо было привлекать руководство Пакистана на свою сторону. Эта цель была достигнута, поэтому США и западные страны резко сократили предоставление даров, увеличив объемы займов и кредитов. Так, если в период первого пятилетнего плана (1955–1960) дары составили 54% всей помощи, то в годы второго пятилетнего плана – почти в 1,5 раза меньше (344,0 млн. долл., или 38% суммы всей помощи), а в период третьего пятилетнего плана – 24%, или наполовину меньше по сравнению со вторым пятилетним планом.

В 70-е годы доля даров сократилась до 10% общего объема предоставленной помощи, причем в отдельные годы она составила всего 2–4%. С приходом к власти военного режима Зия уль-Хака, когда «внезапно выяснилось, – как отмечала газета "Вашингтон пост", – что Пакистан можно использовать как передаточное звено, через которое поступает американская помощь афганским повстанцам», западные страны пересмотрели свое отношение к помощи Пакистану, вновь увеличив долю даров и несколько смягчив условия займов⁵. В 1979/80 г. доля даров в общем объеме предоставленной помощи возросла до 18%, в 1981/82 г. – до 29% и снизилась до 20% в 1985/86 г.⁶ Это довольно существенный рост, если учесть, что "перспективы увеличения средств, получаемых развивающимися странами от индустриальных капиталистических держав на межправительственной основе и от крупнейших международных организаций, в ближайшие годы неблагоприятны". Усилилась военно-политическая направленность "официальной помощи развитию" в противовес целям экономического развития стран-получателей. При всем этом объем обещанной помощи Пакистану значительно возрастает. На 31 декабря 1986 г. обещанная помощь

за все эти годы составила 28,6 млрд. долл., а предоставленная – 22,5 млрд.⁷

В начале 80-х годов Пакистан был и к середине этого десятилетия оставался одним из наиболее крупных должников среди развивающихся стран. В 1984 г. он стоял на 17-м месте среди самых крупных получателей помощи, пропустив вперед Бразилию, Мексику, Индию, Алжир, Индонезию, Израиль, Турцию, АРЕ, Венесуэлу, Аргентину, Южную Корею и ряд других стран, по таким показателям, как отношение долга к ВВП и к экспортным поступлениям, процентных платежей к экспортным поступлениям. Однако надо учитывать огромное облегчающее обстоятельство – ежегодный перевод из-за рубежа 2,3–2,8 млрд. долл., которые резко меняют картину погашения задолженности. Об общем росте помощи свидетельствуют такие данные: если средний уровень этой помощи составлял в 50-е годы 157 млн. долл. в год, то в 60-е годы 585 млн., в 70-е годы 1 млрд. За период с 1980/81 по декабрь 1986 г. – более 1,4 млрд. долл. в год. Из общей суммы долга в 22,5 млрд. долл. Пакистан выплатил 5 млрд. долл. и 0,7 млрд. рупий, а 5,9 млрд. долл. составили дары. По официальным данным, чистая задолженность страны составила на 31.XII.1986 г. 17 млрд. долл.⁸

В период первого пятилетнего плана более половины займов погашалось в рупиях. Такая выплата была крайне выгодна Пакистану, ибо не требовала дефицитной иностранной валюты. В течение второго пятилетнего плана задолженность, погашенная в валюте, уже почти в 8 раз превышала выплаты в рупиях, а в третьем пятилетнем плане – в 11,7 раза. В 70-е годы западные страны вообще прекратили предоставление займов, выплата которых должна была производиться в местной валюте. Переход от преимущественного предоставления даров и субсидий к займам и от оплаты в рупиях к выплате в валюте больно ударил по экономике Пакистана и значительно ухудшил валютно-финансовое положение страны. Прирост задолженности варьировался по годам и десятилетиям: если в 60-е годы долг аккумулировался в среднем по 24% в год, в 70-е годы – почти по 11% в год (за 1971–1977 гг. он возрос более чем в два раза – с 3 млрд. до 6,3 млрд. долл.), то после 1977/78 г. его рост сократился до 6,8% в год. Лишь в отдельные годы (1974/75, 1982/83, 1984/85 гг.) наблюдалось увеличение притока валовой

помощи, в 1974/75, 1980/81 гг. он был примерно на одном уровне – 856 и 861 млн. долл., а в 1981/82 г. сократился до 809 млн. долл. В последующие годы приток валовой помощи значительно возрос. Одновременно произошло значительное сокращение чистой помощи. Официальные данные просто поражали: в 1983/84 г. чистая помощь от ее валового притока составила всего 92 млн. долл., или 13%. Это самый низкий показатель поступления чистой помощи за весь период ее предоставления. Необходимо отметить, что удельный вес чистой помощи в ее валовом притоке в 1974/75 г. составлял 75%, в 1977/78 г. – 56%. Начиная с 1980/81 г. чистая помощь составляла всего немногим более 15% валовой. В 80-е годы Пакистан после выплаты средств по обслуживанию долга и краткосрочных займов получил чуть больше $\frac{1}{10}$ – $\frac{1}{4}$ предоставленных ему средств. Так, в 1984/85 г. из фактически предоставленных ему 1107 млн. долл. было использовано всего 148, или 13%, в 1985/86 г. благодаря увеличению предоставленных средств "чистая" помощь выросла до 367 млн., или 27%, и вновь упала до самого низкого уровня (12%) в 1986/87 г. Пакистанские официальные лица считали, что при таких тенденциях страна в 90-е годы будет целиком возвращать получаемые средства в оплату долга, что поставит ее, конечно, в тяжелое положение и потребует не только определенных уступок от Запада, но и осуществления властями мер по мобилизации внутренних накоплений, сокращению импорта и росту экспорта.

За 1971–1975 гг. страны-кредиторы сократили Пакистану процент по займам, однако условия предоставления займов оставались жесткими. Как отмечала газета "Морнинг ньюс", из всех займов, полученных Пакистаном, 3% были предоставлены на срок от одного до пяти лет, 31% – на срок от пяти до 15 лет и 66% – на срок свыше 15 лет. Что касается условий займов, то 19% из них были беспроцентными, 43% предоставлены на условиях 1–3% годовых, 27% на условиях 3–6% годовых и 11% – свыше 6% годовых. Средний срок выплаты по займам в период с 1970 по 1975 г. сократился с 19,4 до 15,3 года. Льготный период (первоначальный срок, когда выплаты не производятся) уменьшился с 5,2 до 6,6%. По подсчетам, в 1982/83 г. доля займов, предоставляемых Пакистану на срок менее 10 лет и под процентную ставку более 5%, составляла около 60% (для сравнения: в 1977/78 г. – 17%)⁹.

Условия предоставления иностранных займов в 70–80-е годы были следующими (за год):

	1973 г.	1977 г.	1981 г.	1982 г.
Процент	3,2	3,8	4,0	4,2
Срок погашения	25,2	30,1	29,6	33,5
Льготный период	6,0	7,4	7,0	7,8
Грант-элемент*	45,7	49,0	51,4	48,7

* Показатель условий предоставления кредитов и займов, какую часть платежей в счет погашения недополучил кредитор.

Источник: Pakistan and Gulf Economist, 05.05.1984.

Анализ приведенных выше данных показывает, что возрос процент по займам, но в то же время увеличился срок погашения с 25,2 до 33,5 года за 1973–1982 гг. и льготный период с 6 до 7,8 года за тот же период. Рост процента по займам произошел и за счет инфляции. В связи с небольшими в целом темпами ежегодного прироста валовой помощи в 80-е годы мировая инфляция сокращала чистые реальные поступления из-за рубежа, так как темпы увеличения долгов оказывались выше темпов их обесценивания.

Если взять такой показатель, как грант-элемент, отражающий степень льготности кредитов, то для Пакистана он колебался в зависимости от политических отношений с Западом, особенно с США. Так, чрезвычайно низким (47,6%) он был в период обострения отношений в конце 60-х годов. В последующие годы грант-элемент возрастал, составив к середине 80-х годов 57%. При этом следует подчеркнуть, что степень льготности варьируется по странам. Так, грант-элемент займов, предоставляемых Канадой, составляет 91%, ФРГ – 88%, Бельгией, Японией, Нидерландами и США – варьируется от 69 до 77%. Исламские страны предоставляли займы на более жестких условиях, поэтому грант-элемент их изменяется от 45 до 68%. Условия, на которых предоставляли кредиты и займы международные организации, различаются разной степенью жесткости: грант-элемент из Обычного Фонда, предоставляемого АзБР, составляет всего 15%, Международного агентства развития – 88%. Все эти данные свидетельствуют о смягчении в целом условий предоставления помощи Пакистану за последнее десятилетие. Возраста-

ние доли даров с 10% общей суммы за 1970–1975 гг. до 16% за 1976–1986 гг. внесло свою лепту в повышение показателя льготности помощи.

Анализируя объем помощи, надо иметь в виду, что обещанная ее величина не совпадает с реально предоставленной. В результате на 31.XII.1986 г. разница составила 4,2 млрд. долл.

В 1983/84 г. Консорциумом помощи было, к примеру, обещано 1982 млн. долл., получено 1239 млн., в 1984/85 г. запрашиваемая сумма составила 1620 млн., обещанная – 2311 млн., а фактически было получено 1257 млн., или почти в 2 раза меньше¹⁰. Такая же картина наблюдалась и в 1985/86 и 1986/87 гг.

Зачастую это происходит не по вине доноров. Правительство Пакистана в 1985–1987 гг. не смогло утилизировать средства по проектам, в результате чего иностранные финансовые институты воздержались от предоставления полного объема уже согласованных займов, что и обусловило недостаток финансовых средств для претворения намеченных плановых заданий по статье "помощь по проектам" (на 24,7%).

Все более острой проблемой становилось для Пакистана погашение основного долга и расход по его обслуживанию. Эта сумма неуклонно росла, несмотря на моратории, предоставленные Пакистану Консорциумом помощи в 1970, 1974 и 1981 гг., перенос и даже списание части долгов рядом европейских стран, включая СССР.

Тяжелое валютно-финансовое положение Пакистана после нефтяного кризиса 1973 г., ухудшение торгового баланса, неуклонное сокращение чистой помощи потребовали восполнения средств за счет международного рынка капитала. Военный режим ежегодно получает ссудный капитал для частичного покрытия дефицита платежного баланса, однако год от года он становится все дороже. Достаточно вспомнить, что за 1972–1981 гг. средний уровень ставок по всем видам ссуд для развивающихся стран вырос в 2,2 раза, причем по государственным – в 1,6 раза, по частным – в 2,3 раза. В 1981 г. средний процент по всем видам ссуд по сравнению с 1978 г. повысился еще на 38%. Особую активность проявил Пакистан на европейском рынке ссудного капитала в 1979 г. Как отмечал журнал "Фар Истерн экономик ревю", Пакистан получил краткосрочные займы на сумму около 550 млн. долл. Получены они были под высокий процент – 15–17% годовых – от американских банков "Ситибэнк" и "Бэнк оф Америка". "Бэнк оф комерс энд кредит интернэшнл" (БККИ)

со штаб-квартирой в Люксембурге предоставлял 100 млн. долл. в виде беспроцентных займов от Саудовской Аравии для Исламского благотворительного фонда. Эти средства помогли частично покрыть не только дефицит платежного баланса, но и бюджетный дефицит¹¹.

В 1979/80 г. международный синдикат из 36 коммерческих банков предоставил Пакистану коммерческий заем на один год под процент, превышающий на 1,37% ЛИБОР (ставка лондонского межбанковского рынка), такое превышение значительно удорожало стоимость займа. (Рост ставки ЛИБОР на 1% увеличивает долг всех развивающихся стран на 2,8 млрд. долл.). Еще 200 млн. долл. Пакистан занял на международном рынке капитала для покупки удобрений, пищевого масла и других товаров. Эти средства были получены с помощью "Морган гэрэнти траст" и "Галф интернэшнл бэнк", которые пытались мобилизовать для Пакистана 100 млн. долл. Им удалось привлечь 300 млн. долл., однако, учитывая крайне жесткие условия займа, военный режим воспользовался только 200 млн. долл.¹². В 1983 г. Пакистан заимствовал на коммерческой основе более 500 млн. долл. В последующие годы правительство Пакистана было вынуждено брать краткосрочные займы и продовольственные кредиты на открытом рынке. Причем если в 1978/79 г. было взято 139,8 млн. рупий, в 1979/80 г. – 419 млн., то в 1984/85 г. – 975,4 млн., 1985/86 г. – 737,8 млн. и в 1986/87 г. – 802,6 млн. рупий.

Иностранная помощь, поступающая в Пакистан, в зависимости от целевой направленности по-разному влияет на накопление и воспроизводство. Известно, что она имеет два вида – проектная помощь (включая техническое сотрудничество) и непроектная помощь, которая состоит из продовольственной, товарной помощи, а также из средств на поддержание платежного баланса и на содержание беженцев. По-другому помощь можно квалифицировать как связанную и несвязанную в зависимости от того, связывается ли приобретение товаров какими-либо условиями.

Прямое и наиболее эффективное воздействие на развитие экономики оказывают средства, предоставленные на финансирование различных проектов, т.е. строительство промышленных и других хозяйственных объектов. Этот вид помощи реализуется наиболее медленно по различным объективным и субъективным причинам, так как только выбор объекта, подготовка обоснова-

ния проекта и технической документации требуют, как правило, нескольких лет, не говоря уже о самом строительстве и поставках для него необходимого оборудования.

Однако часто бывает и так, что после многолетних переговоров, согласований и проволочек западные страны вообще отказываются от строительства. Так было со строительством завода по производству пенициллина, обсуждение проекта которого растянулось на семь лет. Особенно ярким примером является история со строительством металлургического завода, когда после многолетних проволочек Запад отказался его строить, и только благодаря техническому и экономическому содействию СССР Пакистан все же начал производить чугун и сталь на этом крупнейшем в стране металлургическом заводе близ г. Карачи. За прошедшие 30 лет, пока дискутировался вопрос с Западом, стоимость подобного завода возросла с 650 млн. до 25 млрд. рупий, или почти в 38,5 раза. Затягивание ввода в строй плотины Варсак обошлось Пакистану дополнительно в 430 млн. рупий (вместо 70 млн. – 500 млн. рупий). В октябре 1983 г. американская компания "Кентрон Инк", занимавшаяся созданием системы сигнализации на железных дорогах страны, стоимостью 540 млн. рупий в счет западных займов, неожиданно прекратила работы, и все представители фирмы покинули Пакистан. Оказалось, что ею недопоставлено оборудования на 1 млн. долл. и недоделано по крайней мере 6% объема работ. Работы завершаются местными специалистами¹³. Из-за ошибок в проекте, нехватки специалистов завод удобрений в г. Мултане только в 1978/79 г. принес убытки в 75 млн. рупий. Подобных примеров можно привести множество.

В 80-е годы проектная помощь составляла основную часть займов, предоставляемых извне. Значительная часть этих средств шла на развитие производственной и социальной инфраструктуры, т.е. тех секторов экономики, которые не дают прямой материальной отдачи. Более того, при внешней привлекательности проектная помощь усиливала диспропорции между материальным и нематериальным производством, а приведенные выше примеры проволочек, несвоевременного выделения средств, удорожания строительства сокращали эффективность этого вида помощи, что вело к непредусмотренному росту потребностей в капитальных ресурсах и неблагоприятно воздействовало на процесс воспроизводства и накопления.

Предоставление займов и даров Западом, как правило, связывается условиями закупки только в стране-доноре и перевозке товаров на ее судах. Из обещанных Пакистану 22,4 млрд. долл. всего 7% было обещано в несвязанной форме – это средства на поддержание платежного баланса. 93% оказались связанными либо с определенными проектами, либо с поставкой товаров из стран-доноров. В результате большая часть товаров поставлялась по неконкурентным ценам, подчас на 40–50% выше мировых.

Существенная часть (31%) помощи материализуется в виде товарных и продовольственных поставок. И хотя эта форма оказывала инфляционное воздействие на экономику, она уже длительное время была важным источником покрытия дефицита сельскохозяйственных продуктов, сырья и капитальных ресурсов, потребности в которых не покрывались импортом из-за нехватки валютных средств.

Предоставление столь необходимых Пакистану займов Запад все чаще сопровождал различными условиями, которые были ни чем иным, как прямым вмешательством во внутренние дела страны.

Рассмотренные ранее требования МВФ по предоставлению крупного займа на сумму 1,7 млрд. долл. свидетельствовали именно о таком вмешательстве. Военный режим Пакистана пошел на ряд уступок МБРР и МВФ в рамках разработанной ими программы стабилизации экономики. Она, как уже отмечалось ранее, включала трехлетнее планирование, сокращение государственных субсидий на ряд товаров первостепенной важности, повышение цен на электричество и газ (под давлением МБРР военные власти за 1982–1984 гг. повысили цены на газ в 3 раза, тарифы на электроэнергию были увеличены на 45%, выросли также железнодорожные тарифы), предоставление максимальных льгот частному сектору идет за счет государственного, отменен контроль за ценами, прошла девальвация рупии, т.е. проведены меры, которые еще больше привязывали Пакистан к Западу политически и экономически. Западные доноры нередко прибегают и к прямым санкциям. Так, за отказом пакистанского правительства от обещания повысить тарифы на потребление электроэнергии на 10% в 1986 г. последовал отказ МБРР предоставить заем в размере 175 млн. долл. на развитие энергетического сектора; Азиатский банк развития, несмотря на подписание "меморандума понимания" о предос-

тавлении 150 млн. долл. на интенсификацию продовольственной программы, задержал их предоставление на том основании, что правительство не повысило тарифы на воду (абиана)¹⁴.

За 1981/82 – 1983/84 гг. основная часть обещанной (65; 60,7 и 70,2%) и более половины предоставленной (52,4; 56,3 и 57,9%) помощи поступило в Пакистан от Консорциума и международных финансовых организаций. Эти акции носят гарантированный характер: каждый год в Париже заключается соглашение между Пакистаном и членами Консорциума о предоставлении экономической помощи на очередной год. Пакистан заранее формулирует свои потребности, а Консорциум в той или иной мере удовлетворяет их. Кроме этих обязательств, но с их учетом, члены Консорциума оказывали помощь в разработке и осуществлении национальных программ развития, предоставляя льготные кредиты, дары, коммерческие займы под государственную гарантию. Займы и субсидии, предоставленные Консорциумом Пакистану на двусторонней основе, превышают 70% всей оказанной помощи. Среди участников Консорциума примерно 1/3 помощи приходится на МБРР и АзБР. Наиболее льготные кредиты предоставляла Международная ассоциация развития (МАР), как правило, сроком на 50 лет с 10-летним льготным периодом и 0,75% годовых за пользование займами.

Основным донором выступают США, которым Пакистан должен 3 млрд. долл. В конце 80-х годов отношения между странами оставались напряженными. Первоначально причиной осложнений явилось желание Пакистана построить завод по регенерации урана, закупить оборудование у Франции. США грозились применить экономические санкции не только против Пакистана, но и против Франции. И добились успеха: Франция отказалась от поставок, но Пакистан не отказался от идеи создания ядерной установки. Когда в печати появились сообщения о строительстве завода по регенерации урана из закупленных и похищенных за рубежом отдельных узлов в одном из районов вблизи столицы страны, США в апреле 1979 г. объявили о прекращении оказания экономической и военной помощи. В результате этого Пакистан лишился помощи, выделенной конгрессом США на 1978/79 – 1979/80 годы.

Негативное отношение правящих кругов Пакистана к апрельской революции в Афганистане, снабжение контрреволюционных банд оружием, предоставление своей территории для

подготовки диверсантов, по существу, ведение необъявленной войны против молодого государства нашло поддержку у США. Посетивший в январе 1980 г. Пакистан государственный секретарь США З. Бжезинский объявил о предоставлении стране 400 млн. долл. – поровну на экономические и военные цели. Однако военные власти Пакистана сочли, что половина этой суммы недостаточна для военных целей, и отказались от нее. Переговоры военного режима с правительством Р. Рейгана оказались несравненно более плодотворными, и в 1981 г. между двумя странами было подписано соглашение о предоставлении на пятилетний срок, начиная с 1982/83 г., 3,2 млрд. долл. поровну на экономические и военные цели. Причем эта помощь была оказана в нарушение американского законодательства, запрещающего предоставление военной помощи стране, разрабатывающей ядерную программу. В 1987 г. было подписано новое соглашение с США.

США, занимающие ведущие позиции в таких международных организациях, как МБРР, МАР, МВФ, создали в них благоприятный климат в отношении Пакистана. В результате контролируемый США Международный валютный фонд предоставил в 1980 г. Пакистану самый крупный заем, когда-либо дававшийся развивающейся стране, в размере 1,7 млрд. долл. сроком на три года.

В 80-е годы нефтеэкспортирующие страны Ближнего и Среднего Востока значительно сократили свою помощь. Если в отдельные годы прошлого десятилетия они даже опережали Консорциум по объему помощи, то в 1981–1984 гг. их доля в обещанной помощи составляла 5,5; 6,3 и 2,0% и в предоставленной – 5,9; 10 и 7,1%, а в 1985–1987 г. 1–6% обещанной и 0,7–6,3% предоставленной.

Рассмотренные выше проблемы, возникающие в связи с предоставлением помощи Западом, требуют анализа еще одного вопроса: как влияет помощь на экономический рост и накопление в Пакистане.

Что касается суммарного воздействия иностранных ресурсов на накопление, то в отличие от Индии, где в 60-е годы, несмотря на западные займы и субсидии, не наблюдалось повышения нормы накопления, в Пакистане, как считают многие исследователи, в период второго и отчасти третьего пятилетнего плана рост накоплений и инвестиций в некоторой степени происходил за счет притока внешних ресурсов.

Достаточно сказать, что доля иностранной помощи в ВВП возросла с 3,1% в 1959/60 г. до 7,1% в 1964/65 г. и опустилась вновь до 3% в 1969/70 г. Важность притока внешних ресурсов в этот период определялась тем, что оплата почти 50% всего импорта и около 40% инвестиций в отдельные годы второго пятилетнего плана шли за счет помощи, но в период третьего пятилетнего плана в связи с сокращением притока помощи эти показатели упали до 35,1 и 22,6%, оставаясь все-таки высокими. Вместе с тем внутренние частные и государственные накопления росли только в первые три года второго пятилетнего плана, т.е. 1959/60 – 1962/63 гг., а потом вплоть до 1969/70 г. они находились, по существу, в стадии стагнации, в то время как приток помощи продолжался. По всей видимости, в этот период большая часть ее потреблялась или во всяком случае поощряла избыточное потребление. Ведь при существовавшем в Пакистане большом неравенстве доходов именно верхние слои, благодаря демонстрационному эффекту, желанию жить на уровне мировых стандартов, увеличивали личное потребление независимо от роста общественного продукта. Им стремились подражать и другие слои общества. Все это привело к росту потребляемой части общественного продукта. Многие зарубежные и пакистанские исследователи указывали, что доступность иностранной помощи вела, с одной стороны, к расширению действия "черного рынка", коррупции, к излишней роскоши, строительству современных особняков и созданию другой дорогостоящей недвижимости, а с другой – к созданию избыточных мощностей в промышленности, сверхнакоплению в отдельных отраслях и, конечно, росту долгового бремени.

В 90-е годы размеры долга и проблема его выплаты по-прежнему оставались крайне серьезной нагрузкой для экономики Пакистана. Например, 1997–98 г. был отмечен самыми высокими расходами по обслуживанию долга: 47% текущих расходов. Общий же долг, согласно статистике правительства Пакистана, составил 30 млрд. долларов. Как и прежде, важным показателем остался показатель "долг – ВВП", и чем он ниже, тем лучше финансовое положение страны. Для Пакистана этот показатель составил в 1984 г. 40%, в 1994 г. – 57% (Индия – 16 и 34%, Бангладеш – 40 и 63%)¹⁵.

Озабоченное создавшейся ситуацией правительство Пакистана разработало стратегию, сформулированную в 4 пунктах и направленную на сокращение долга. Она включала Про-

грамму национального сокращения долга, специальные меры роста экспорта, либерализацию стимулов для привлечения иностранных инвестиций и увеличение национальных накоплений. В феврале 1998 г. министр финансов обнародовал новую программу из 12 пунктов, сфокусированную на проблеме управления долгом. Что же касается величины долга и его структуры, то они достигли в 1998–99 г. наивысшего размера. Так, в 1990–91 г. долгосрочные займы составили 15 млрд. долл., среднесрочные – 2 млрд., а всего – 17 млрд.; в середине 90-х годов соответствующие показатели возросли до 21,6 из общей суммы в 27 млрд.: в 1998–99 г. – 24,6 и 30 млрд. долл.¹⁶ Таким образом, за 90-е годы произошел рост иностранного долга с 17 до 30 млрд. долл., хотя правительство Пакистана громко рекламировало цели самообеспечения и стабильности, включающие минимизацию стоимости обслуживания долга, интеграцию управления обслуживания долга и макроэкономическое управление; обеспечение адекватного чистого трансферта внешних ресурсов, постепенное сокращение зависимости от внешних займов и т.д. Проблемы, связанные с иностранными средствами, должны решаться созданным Координационным советом денежной и фискальной политики, который разрабатывает стратегию и ежегодные размеры заимствований.

Что касается структуры полученных на 30 июня 2000 г. займов, то 52% было получено (16 млрд. долл.) от трех финансовых организаций – Азиатского банка развития – 7 млрд., Международной ассоциации развития – 5 млрд. и Международного банка реконструкции и развития – 4 млрд. долл. От Консорциума помощи Пакистану вливания составили 28 млрд. долл. или 39%; от стран – не членов Консорциума – 2 млрд. или 6% и от мусульманских стран 1 млрд. долл. или 3%.¹⁷

Рост внешнего долга за 1999–2000 г. достиг 37,9 млрд. долл. из-за увеличения дефицита текущего баланса (почти на 5% ВВП за 20 лет), стагнации экспорта и переводов из-за рубежа и резкого падения других частных трансфертов за 90-е годы и особенно после событий в США в 2001 г. Из всего долга (внутреннего и внешнего) почти 50% составили иностранные заимствования. И хотя правительство Пакистана в те годы предпринимало серьезные попытки направить иностранные накопления на инвестиции, но добиться самообеспечения оно не смогло.¹⁸

Серьезным фактором, повлиявшим на величину внешних ресурсов, явилось сокращение переводов пакистанцев из-за

рубежа, которые превышали поступления от экспорта в 80-е годы и сократились с 6,9% ВВП в 1991 г. до 2,8% ВВП в 1998 г. Во второй половине 90-х годов произошел драматический рост внешнего долга главным образом за счет увеличения стоимости его обслуживания. В октябре 1995 г. правительство, учитывая состояние экономики, провело девальвацию рупии на 7% с целью роста экспорта и улучшения торгового баланса, уровня местных цен и роста производства.

Начало XXI века (2002–2006 гг.) было отмечено ежегодным ростом внешнего долга на 0,9%, но за один 2007 г. он вырос на 8,9% – самую большую величину за предшествующие 6 лет. Согласно данным Госбанка Пакистана, за этот год (2007 г.) общие долг и обязательства увеличились на 5,02 триллиона рупий по причинам возросшего дефицита текущих расходов, фискального дефицита, которые увеличили финансовые потребности страны, в т.ч. рост процентных ставок внутреннего долга на 57,1%.¹⁹

Внешний долг в 2007 г. достиг 40,1 млрд. долларов, увеличившись с 35,2 млрд. в 2004 г. Произошел приток средств от Международной ассоциации развития, Азиатского банка развития и выброса новых евробондов на рынок. Последующие годы, даже без учета разразившегося мирового кризиса, должны были стать свидетелями возросших льготных выплат Парижского Клуба. В 2009 и 2010 гг. должен наступить срок выплаты Евробондов и исламских ценных бумаг Сукук. Все это должно было отразиться на величине обслуживания долга.

Реально 2007 г. оказался благоприятным для экономики Пакистана: возросли доходы от налогообложения (на 48,2%), неналоговые поступления увеличились на 26,2%, поступления от зарубежных пакистанцев – на 19,4% (5,5 млрд. долл.), чистые иностранные инвестиции – на 8,3 млрд. долл., расходы на импорт сократились на 6,9%. Наблюдался рост сельскохозяйственного производства (5%), а инвестиции и накопления до 23% и 18% ВВП соответственно. Но уже 2008 г. оказался вовсе неблагоприятным для экономического развития страны.

Это было связано, как отмечает экономист С.Н. Каменев, с ростом цен на энергоносители, а следовательно, и на развитие различных сфер национального хозяйства, с разразившимся продовольственным кризисом, а в условиях политической нестабильности с сокращением иностранных инвестиций (прямые капиталовложения сократились за 2007/08 г. на 14%)

и оттоком портфельных инвестиций. Указанные факторы вызвали чрезмерный рост валютных расходов, которые за 11 месяцев с октября 2007 г. по сентябрь 2008 г. снизились с 16,5 млрд. долл. до 8,9 млрд.²⁰

Экономическое положение Пакистана к концу 2008 г. достигло такого катастрофического положения, что правительство Гилани и президент А. Зардари обратилось к МВФ и Мировому банку за экстраординарной помощью в 7,6 млрд. долл. Исполнительный совет МВФ одобрил выделение этой суммы, однако оно сопровождалось требованием сократить фискальный дефицит до 3,3% ВВП и инфляцию до 6%. Сможет ли Пакистан выполнить это требование? Тем более, что делегация МВФ, посетившая Пакистан, оценила потребности в помощи в 13 млрд. долл. в текущем финансовом году для стабилизации экономики. Из одобренных 7,6 млрд. долл. Пакистан получит 4,7 млрд. в 2008–2009 г., а остальная сумма будет предоставлена в течение следующих 23 месяцев²¹.

Пока что в условиях мирового кризиса показатели будущего развития Пакистана достаточно неопределенны, особенно, если правительство будет повторять прошлые ошибки и не увеличивать расходы на развитие таких секторов народного хозяйства, как водные и энергетические ресурсы, здравоохранение и образование. "Многие поколения будут страдать от этих последствий, если правительство будет и впредь непроизводительно расходовать средства за счет будущего развития", – писала газета "Доон" в декабре 2008 г.²²

¹³ Dawn, 18.01.1985; Kh.A. Saeed. Economy of Pakistan. Lahore, 2000, с. 175.

¹⁴ Dawn, 20.11.1986.

¹⁵ Kh.A. Saeed. Economy of Pakistan, с. 178.

¹⁶ State Bank of Pakistan, Annual Report, 1998–99, с. 111.

¹⁷ Kh.A. Saeed. Economy of Pakistan, с. 178.

¹⁸ Dawn. 27.03.06; Pakistan Economic Review, 1996, № 9.

¹⁹ The News, 17.12.2007; Dawn, 3.12.2007.

²⁰ <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/22.09.08.htm>; Dawn, 1.12.2008.

²¹ Dawn, 26.11.2008; 1.12.2008.

²² Dawn, 1.12.2008; The News, 1.12.2008.

¹ Badr H. Aid to Pakistan. Karachi, 1973; Burke S.M. Pakistan Foreign Policy, L., 1973.

² Pakistan Economist. Karachi, 17.01.1976.

³ Pakistan and Gulf Economist, 26.06.1984.

⁴ Pakistan Economic Survey. 1973/74, с. 147; Badr H. Aid to Pakistan, с. 12.

⁵ Washington Post, 25.03.1985.

⁶ Pakistan and Gulf Economist, 05.05.1984.

⁷ Pakistan Economic Survey. 1984, с. 81; 1986/87, с. 81.

⁸ Pakistan Economic Survey. 1986/87, с. 62.

⁹ Morning News, 24.09.1980; Pakistan and Gulf Economist. 05.05.1984.

¹⁰ Pakistan Economic Survey. 1986/87, с. 60.

¹¹ Far Eastern Economic Review, 23.09.1979.

¹² Валютно-финансовые проблемы развивающихся стран. – БИКИ, 1983, №4.

Ю.В.Зинькина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОПТСКОЙ ОБЩИНЫ ЕГИПТА В XX в.**Численность и расселение**

Конфессиональный состав населения АРЕ неоднороден; большинство населения страны составляют мусульмане-сунниты, однако имеются также и другие группы. Так, в 1979 г. население Египта (39 890 000) разделялось на следующие конфессиональные группы: – 36 590 000 (91,7%) суннитов, 3000000 (7,5%) христиан-коптов, 300000 (0,8%) других христиан, 500 иудеев¹. В настоящее время на территории Египта проживают также представители иных конфессиональных общин, в частности, мусульмане-шииты, христиане-католики армянской, халдейской, греческой, маронитской, римской и сирийской церквей, протестанты, а также бахаисты².

Однако сравнительно небольшая численность большинства этих общин обуславливает их незначительную роль в политическом и социальном пространстве Египта, и общий египетский социополитический дискурс уделяет им очень мало внимания. Наиболее же статистически представительным и политически значимым конфессиональным меньшинством являются копты. Большинство коптов – православные (по разным оценкам, 93–95%), имеется также небольшая коптская католическая община (200 000–250 000 человек) и всего несколько тысяч коптов-евангелистов³. Таким образом, основная межконфессиональная коммуникация выстраивается по линии «коптское православное меньшинство – суннитское большинство». В целом египетские копты составляют самое значительное христианское меньшинство на Ближнем Востоке и в Северной Африке. За пределами Египта в настоящее время существует более 190 коптских церквей. Коптская православная церковь (КПЦ) является епископальной церковью, власть ее управляющей структуры распространяется и на эмигрантские церкви.

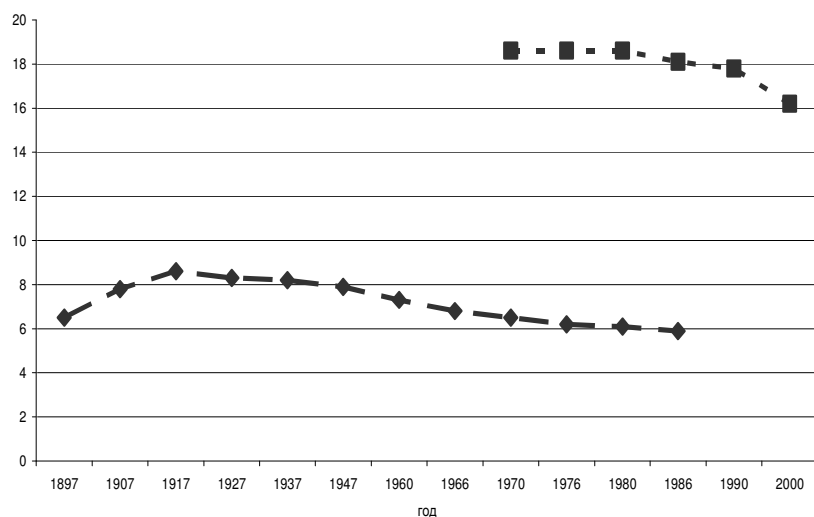
Можно выделить несколько регионов традиционного расселения коптов в Египте. Так, более 60% коптов, по данным переписи 1976 г., проживало в Верхнем Египте, где имелось даже некоторое количество деревень с практически исключительно христианским населением. Провинции вдоль Нила от Миньи до Асуана на юге страны (Минья, Асьют, Сухаг, Кена) – главный земледельческий район коптов. По данным того же переписи, копты составляли 18,6% населения Миньи и 20% населения Асьюта. На севере копты населяют в основном отдельные районы Каира (по данным 1976 г., здесь проживало 25% представителей коптской общины) и Александрии (6%). В числе пригородов Каира с самым высоким процентом христианского населения можно назвать следующие: Шубра 38,7; Азбакийя 31,0; Руд-ал-Фараг 20,9; Надха 20,1; Гелиополис 19,6; Захер 18,3; Каср-ан-Нил 18,3; Шарабийя 18,0; Сахел 17,2. Следует отметить, что в городах копты и мусульмане чаще проживают интегрированно⁴.

Что касается численности коптов в Египте, то существующие оценки сильно различаются. По данным государственного переписи 1986 г., в Египте проживало 3 млн. (6%) коптов; однако церковь представляет альтернативные оценки – 10 или даже 15 млн. (до 20%)⁵. В настоящее время оценки численности коптской общины варьируются от 6% до 15–20%. По усредненным оценкам, в целом христиане составляют не менее 10% населения⁶.

Динамика численности египетской коптской общины представлена на Графике 1. Ряд 1 показывает изменение численности коптской общины согласно официальным оценкам, ряд 2 – согласно оценкам христианских источников.

Последняя официальная оценка численности коптской общины была представлена по результатам переписи 1986 г.; перепись 1996 г. уже не учитывала характеристику «религиозная принадлежность». Большинство источников признает, что оценка 1986 г. в настоящее время неактуальна, так как численность коптов составляет примерно 10% населения. Однако правительственная политика замалчивания реального статистического представительства общины имеет целью избежание возможных конфессиональных конфликтов. Тем не менее очевидно, что коптская община является весьма существенным элементом социополитического пространства современного Египта.

График 1.
Динамика численности египетской коптской общины,
1897–2000⁷

История коптской церкви в XX в.: краткий экскурс

В начале XX в. коптская церковь переживает фазу подъема. В частности, по инициативе Хабиба Гиргиса в 1918 г. в рамках КПЦ был создан такой значимый для коптской общины институт, как воскресные школы⁸. Эти школы обретали все большую популярность, образовательный стандарт постепенно повышался⁹. Огромную важность имели воскресные школы для коптов, переезжавших из деревень в города. Они воссоздавали знакомую, почти семейную атмосферу, способствовали выстраиванию новой социокоммуникативной сети, помогали не утратить ориентиры¹⁰.

В середине XX в. КПЦ находилась в состоянии упадка, что проявилось, в частности, в плачевном состоянии института монашества (всего чуть более 200 монахов), а также и в других аспектах церковной жизни¹¹. Подъем начинается при 116-м папе Кириллусе VI, которого современники характеризовали как немногословного, серьезного человека, лично подававшего пример аскетизма. При нем церковнослужители отказались

от пышности в облачениях. Кириллус VI практически не вмешивался в политику, лишь давал согласие использовать свое имя в тех случаях, когда президенту Насеру требовалась поддержка религиозных лидеров страны¹². В 1962 г. Насер распустил Общинный совет, и папская власть лишилась основного конкурента в борьбе за влияние на коптскую общину¹³.

Ситуация резко изменилась в начале 1970-х гг., когда с разницей в несколько месяцев скончались и президент Насер, и Кириллус VI. Новым президентом был избран Анвар ас-Садат, а 117-м папой коптской церкви стал Анба Шинуда, он же Шинуда III.

Будучи по натуре своей энергичным деятелем, Шинуда III существенно активизировал деятельность КПЦ, круг церковных институциональных интересов стал включать и сферу политики.

В частности, после двух проигранных войн 1967 и 1973 гг. популярность насеризма снижается, и верховные иерархи КПЦ (в первую очередь собственно папа Шинуда III) стремятся модифицировать главный ориентир в сознании общины, увеличивая роль конфессиональной идентичности и снижая роль идентичности национальной. Одновременно КПЦ боролась с секуляристскими тенденциями внутри коптской общины, восходящими к периоду активного встраивания общины в египетское политическое пространство — периоду борьбы против колониального господства за национальное освобождение. С другой стороны, Шинуде приходилось бороться с изоляционистскими устремлениями части коптской общины, провозвестником которых стал Матта ал-Мискин. Последний полагал единственным спасением для коптов уход от бурной реальности в духовность¹⁴.

Следует отметить, что именно в период папства Шинуды III происходит социальная консолидация внутри общины, сопровождающаяся ее сегрегацией от египетского социума в целом. КПЦ подчеркивала недостаточность усилий правительства по защите прав религиозных меньшинств, стараясь сплотить коптскую общину вокруг церкви. Шинуда III стремился объединить коптов и занять позицию единственного полноправного

* Ярким представителем коптского секуляризма является Милад Ханна, ярый насерист и один из основателей партии *Тагамму*.

представителя интересов коптской общины перед государством. Об этом его стремлении свидетельствует, в частности, переназначение нескольких популярных коптских религиозных деятелей в отдаленные провинции страны¹⁵.

В 1981 г. папа Шинуда был посажен под домашний арест, а затем отправлен в ссылку. КПЦ и коптская община в целом раскололась на две части: сторонников Шинуды и сторонников Матта ал-Мискина. После трех лет неопределенности, в самом начале 1985 г. президент Мубарак официально возвратил коптского иерарха из ссылки, и Шинуда вновь вернулся к папским обязанностям. По счастью, дальнейшие конфликты иерархов не выходили за рамки конкуренции за карьеру в институциональной церкви и практически не отражались на целостности коптской общины¹⁶.

В дальнейшем все больший масштаб обретало явление, которое можно условно назвать «клерикализацией общественной жизни коптов». Церковь организует целый ряд разнообразных мероприятий, призванных объединять прихожан вне церковной службы: клубы, летние лагеря и бойскаутские организации для детей, экскурсионные поездки и др.¹⁷

Движение за национальное освобождение: «золотой век» коптской политики

Пожалуй, наивысшего уровня за всю историю общины политическая активность коптов достигла в ходе революционных событий 1919 г., в это же время они были в наибольшей степени интегрированы в египетские политические процессы. Сами копты позднее будут называть этот период своим «золотым веком». Известный исследователь-коптолог Отто Мейнардуз называет целую плеяду коптских семей, чьи отпрыски смогли добиться значительного политического успеха и/или общественного положения в конце XIX – начале XX вв.¹⁸ Однако среди действительно значимых политических фигур Египта могут быть названы два коптских деятеля – Бутрус 'Али и Макрам Убайд.

Бутрус 'Али сделал поистине блестящую карьеру: в 1893 г. он был назначен министром финансов, годом позже – министром внутренних дел, наконец, в 1908 г. 'Али достиг своего самого высокого поста – он был назначен премьер-министром и

оставался в этой должности вплоть до своей гибели в феврале 1910 г. Будучи главой правительства, 'Али обеспечил административными должностями многих других представителей своей общины (часть из них была снята с постов после его кончины)¹⁹. Следует отметить, что мнения общественности о назначении 'Али на должность главы правительства были противоречивы. Действительно, СМИ, принадлежавшие колониальным властям, освещали данное событие в позитивном ключе, равно как и коптская пресса. С другой стороны, часть мусульманской прессы, например газета «Дустур», выступала против назначения 'Али²⁰.

Крупным успехом политической карьеры Макрама Убайда стало получение им должности генерального секретаря партии *Вафд* в 1927 г. после кончины Саада Заглюля. Затем М. Убайд занимал пост министра коммуникаций, дважды (в 1930 и 1936 гг.) – пост министра финансов, впоследствии стал политическим противником партии *Вафд*²¹.

В период движения за национальное освобождение христиане и мусульмане действовали совместно (в наибольшей степени объединились деятели, выступавшие за секуляристский путь развития государства)²². Так, в составе делегации, направленной Саадом Заглюлем в Великобританию, находились два копта. Коптская община организовывала забастовки и демонстрации; так, когда новость об изгнании Саада Заглюля достигла Египта, о. Сергей (Анба Сиргиус) повел огромную демонстрацию к ал-Азхару²³. Коптские священники поднимались на кафедры мусульманских проповедников, дабы показать единство представителей христианской и мусульманской конфессий в борьбе с иностранным врагом. Мусульманские же улемы выходили на улицы с флагами, на которых были изображены символы обеих религий – мусульманский полумесяц и христианский крест²⁴.

Часть коптов в составе партии *Вафд* поддерживала премьер-министра Египта Адли-пашу, другая часть примкнула к националистическому движению. Британцы сняли Адли-пашу с должности главы правительства, назначив вместо него копта по имени Йусуф Вахба. Они надеялись таким образом отстранить коптскую общину от участия в националистическом движении, однако их план провалился. В Патриархате был проведен «митинг несогласных», который организовали несколько сотен коптов²⁵. Интересен

следующий факт: в 1922 г. копты отвергли предложение внести в Конституцию Египта статью, гарантирующую защиту прав религиозных меньшинств, так как не считали себя меньшинством²⁶.

Впоследствии роль коптов в политическом пространстве Египта снижается. В 1930–1950-х гг. участие коптской общины в политической жизни Египта намного менее заметно, нежели в 1919 г.²⁷ Более того, в 1940-х гг. копты начинают опасаться усиливающегося влияния исламистского движения «Братья-мусульмане». Избавлением от этих опасений становится приход к власти Г.А. ан-Насера, утверждение им светского режима и подавление исламистской оппозиции²⁸.

Привлечь некоторую часть коптов в оппозиционное движение смогла партия *Новый Вафд*, образованная в 1983 г. и позиционировавшая себя, как явствует из названия, в качестве наследницы партии *Вафд*, популярной в период восстания 1919 года. Однако вступление партии в коалицию с неофициальным оппозиционным исламистским движением «Братья-мусульмане» испугало коптов, и многие из них поспешили выйти из состава партии. Дабы восстановить пошатнувшуюся популярность, *Вафд* вышла из коалиции и объявила о том, что не приемлет политических партий и движений, основанных на религии. Однако коптские иерархи, опасавшиеся обострения конфессиональной ситуации в Египте по примеру Ливана, склонялись к поддержке правящей Национально-демократической партии, призывавшей египтян к национальному единству²⁹.

Проблемы коптов в свете движения исламистов

В первой половине XX века осознание египетскими христианами и мусульманами своей конфессиональной идентичности отнюдь не препятствовало мирному сосуществованию

* Партия Вафд была запрещена в 1953 г., возродилась в 1978 г., но практически сразу же была запрещена А.Садатом, опасавшимся ее популярности. Вновь открыта лишь в 1983 г. (Makram-Ebeid, 1989, 425).

двух общин в социуме. Например, интересно отметить, что традиция совместного справления некоторых религиозных праздников уходит вглубь египетской истории. Так, еще в начале XX в. во многих деревнях христиане отмечали день рождения пророка Мухаммада как День призрения сирот (ибо Мухаммад, как известно, был сиротой), мусульмане же праздновали христианское Рождество как День примирения, славящий пророка 'Ису (Иисуса)³⁰.

Также в деревнях мусульмане и христиане совместно праздновали день *Шам' ан-Насим* (следующий день после Пасхи), символизировавший приход весны³¹. Многие христиане имели обыкновение поздравлять друзей-мусульман с окончанием поста Рамадан и праздновать это событие вместе с ними. В целом представители старшего поколения мусульман и коптов сходятся во мнении, что в первой половине XX в. отношения между двумя конфессиями в Египте были значительно проще, нежели в последние десятилетия³².

Роль религиозной идентичности существенно возросла после того, как Анвар ас-Садат стал поддерживать исламистское движение, пытаясь ослабить левые силы. Садат называл себя мусульманским президентом для мусульманской нации, именно он издал постановление, согласно которому шариат стал считаться основным источником египетского законодательства. Противниками применения шариата были в основном светские мусульманские интеллектуалы и копты. Их влияние упало в 1970-е гг. как следствие возросшего влияния ислама в политическом пространстве. Страна в целом становилась более религиозной, государственные службы пребывали в упадке, и население все чаще обращалось за поддержкой к религиозным институтам³³.

Последствия этих процессов проявились в первую очередь в высших учебных заведениях. В начале 1980-х гг. обостряются отношения между христианами и мусульманскими студентами (в особенности в университетах Александрии, Миньи и Асьюта, где проживает значительная доля коптского населения), причем студенты-копты все более превращаются в обособленную группу³⁴.

В начале 1990-х гг. исламистское движение практически выходит из-под контроля правительства, представляя весьма серьезную угрозу для коптов. Действительно, радикальная часть исламистов заявляла о наличии «коптского заго-

вора», целью которого является превращение Египта в христианскую страну. Составляющими этого «заговора» именовались усилия коптов, направленные на достижение паритета между христианами и мусульманами по ряду вопросов, стремление коптов изменить демографическую ситуацию в свою пользу, интенсификация христианской пропаганды среди мусульман, стремление к контролю над территориями и богатствами страны³⁵. В этот период копты подвергаются многочисленным нападениям. Впервые за длительное время коптские женщины стали воздерживаться от открытого ношения нательных крестиков³⁶. В отдельных местностях, например, в деревне Рода, представители коптской общины старались не покидать своих домов в темное время суток³⁷. Исламистские боевики нередко атаковали коптских бизнесменов, чтобы финансировать свои операции³⁸.

Первым крупным эпизодом межконфессиональных столкновений во второй половине XX в. стал инцидент, имевший место в деревне Завийа ал-Хамра. Причиной конфликта стал спор из-за места, на котором копты хотели построить церковь, а мусульмане – мечеть. НДП сочла претензии христиан беспочвенными, после чего конфликт разгорелся с новой силой, в окрестных районах появились листовки с призывом поддержать ту или иную сторону. Кульминацией конфликта стали вооруженные столкновения, длившиеся 3 дня. Согласно официальным данным, в ходе столкновений 22 копта были убиты, еще 112 ранены, разрушено 170 магазинов и других общественных заведений³⁹. Однако нужно заметить, что далеко не все мусульмане и копты были настроены радикально. Напротив, сообщается, что многие местные жители-мусульмане пытались помочь своим друзьям-коптам, прятали их имущество в своих домах, помогали добраться до вокзала тем, кто решал переждать конфликт в других местах⁴⁰.

В течение нескольких лет после вышеописанных событий межконфессиональные отношения оставались относительно спокойными, однако к концу 1980-х гг. в обществе нарастают радикальные исламистские настроения, очевидной жертвой которых становится коптская община. Единая статистика по нападениям на коптов не велась; однако описание отдельных случаев представлено во многих различных источниках (см. Табл. 1.).

Таблица 1.

**Конфликты и нападения,
жертвами которых явились копты,
1972–2000 гг.⁴¹**

Дата	Место	Описание
11.06.1972	Ханка, Каир	Поджог церкви, разрушено несколько магазинов
03.1978	Асьют, Минья, Каир	Поджог церквей, нападения на священников (1 из них убит)
03.08.1978	Кальюбийя	Убиты 2 копта
04.09.1978	Самалут (Минья)	Убит священник
24.11.1978	Абу-Тайг (Асьют)	Убит священник
03.1979	Старый Каир	Поджог старинной церкви Каср-ар-Райхан
01.1980	Александрия	Нападение на несколько церквей
03.1981	Завийа ал-Хамра (Каир)	Вооруженные столкновения; убит 1 священник, подожжены дома 23 семей, разрушены десятки коптских магазинов
03.1987	Сухаг	Нападения Джама'ат Исламия
09.1987	Минья	Нападения Джама'ат Исламия
09.1988	Руд-ал-Фараг	Поджог церкви; разрушена полностью
11.1988	Шубра (Каир)	В церковь св. Марии брошена бомба во время свадебной церемонии
01.1989	Минья	Нападения Джама'ат Исламия
12.1989	Асьют	Нападения Джама'ат Исламия
03.1990	Абу Куркас (Минья)	Поджог нескольких коптских магазинов
04.1990	Александрия	Убиты 7 коптов, в т.ч. священник и младенец
12.05.1990	Айн Шамс (Каир)	В церковь св. Марии брошена бомба
02.1991	Бани Сувейф	Подожжены 3 коптские аптеки
04.1991	Минья	Нападения Джама'ат Исламия
04.1991	Шубра, Зайтун, Айн Шамс (Каир)	Ограблены несколько коптских ювелирных магазинов
05.1991		Исламисты расстреляли 13 коптов-феллахов.
09.1991	Имбаба (Каир)	Убито несколько коптов, разрушены их дома

...продолжение таблицы 1.

Дата	Место	Описание
10.1991	ал-Кусийа (Асьют)	Убиты 7 коптов
05.1992	Дайрут (Асьют)	Убиты 12 коптов
06.1992	Дайрут	Спор из-за денег между мусульманином и коптом; столкновение между представителями общин, погибли 2 мусульманина и копт. Мечь Джама'ат Исламийа: убито еще 16 коптов.
01.1993	Дайрут (Асьют)	Убит 1 копт
01.1993	Дайрут (Асьют)	Убит копт-владелец магазина, ранено еще трое
06.1993	Сухаг	Столкновение между мусульманской и христианской семьями, убиты 2 копта
07.1993	Асьют	Убит 1 копт
08.1993	Дайрут (Асьют)	Убит 1 копт
08.1993	Дайрут (Асьют)	Убит 1 копт, зам. директора коптской школы
08.1993	Дайрут (Асьют)	Убит 1 копт
08.1993	Асьют	Убит 1 копт, владелец ювелирного магазина
09.1993	Дайрут (Асьют)	Нападение исламистов на англиканскую церковь
10.1993	Асьют	Убиты 2 копта: владелец магазина, торговавшего алкоголем, и его сын
10.1993	Асьют	Убит 1 копт, агент тайной полиции
10.1993	Дайрут (Асьют)	Убит 1 копт-аптекарь, еще двое ранено
10.1993	Асьют	Убит 1 копт-полицейский
10.1993	Асьют	Ранен 1 копт-аптекарь
03.1994	Дейр-ал-Мухаррак (Асьют)	Нападение исламистов на монастырь; убиты 5 коптов (2 монаха и трое мирян)
02.1996	ал-Бадари (Асьют)	Убиты 7 коптов
03.1996	Кафр-Демияна (Шаркыйя)	Разрушена целая коптская деревня, ее церковь и коптские магазины
02.1997	Абу Куркас (Минья)	Нападение на церковь, убиты 10 прихожан
02.1997	-	На занятии убиты 12 коптов-учеников воскресной школы

...окончание таблицы 1.

Дата	Место	Описание
13.03.1997	Нагаа Хаммади (Кена)	Убиты 9 коптов
14.03.1997	дер. Эзбет Дауд	Исламисты открыли огонь по случайным прохожим; убито 13 человек.
23.04.1997	Минья	Убиты 2 копта, 1 из них полицейский
08.1998	ал-Кушх	Убиты 2 копта, еще 2 ранены; задержано около 1200 коптов
01.2000	ал-Кушх	Убит 21 копт, разрушены десятки коптских магазинов

В фундаментальном 4-томном труде Антуни о жизни египетских коптов в XX в. приводится описание 37 различных инцидентов, произошедших в период с 1990 г. по 2003 г. При этом отмечается, что часто бывает затруднительно провести четкую границу между отдельными проявлениями межконфессиональной розни, так как одно событие вызывает за собой цепную реакцию из еще нескольких инцидентов. Так, за массовыми столкновениями в марте 1990 г. в деревне Абу Каркас последовали нападения на дома христиан, в результате которых пострадало 38 магазинов и фирм и 8 аптек. Эти события, в свою очередь, вызвали волнения в Файюме, Дамiette, Бахире. В 1995–96 гг. митрополит Миньи и Абу Каркаса сообщал, что представители *Джама'ат Исламийа* требовали от местных коптов уплаты джизьи в размере 10000 фунтов с каждого. Был распространен список неплательщиков с призывом убить их⁴².

Приводятся лишь отдельные оценки общего числа коптов, погибших в результате таких актов. Так, есть данные, что в течение 10 лет с 1991 по 2000 гг. более 100 коптов были убиты исламистами⁴³. Однако по другим оценкам, лишь за период 1995–1997 гг. радикальные исламисты убили более 200 христиан. При этом отмечается, что большинство нападений происходило в Верхнем и Среднем Египте, где в основном и концентрируется христианское население⁴⁴. Уже в 2008 г. на заседании Ближневосточного клуба свободы в Каире было объявлено, что в течение 30 лет с 1972 по 2003 гг. жертвами 240 случаев насилия, направленного против христиан, стали 4000 убитых и раненых коптов, причем многие эпизоды были инициированы исламистами⁴⁵.

Интересно отметить статистику, касающуюся процентной доли коптов среди жертв исламистских нападений и терактов в период 1992–1996 гг. (См. Табл. 2)

Таблица 2.

**Доля коптов среди жертв
исламистских нападений и терактов,
1992–1996 гг.⁴⁶**

Год	% коптов	
	среди убитых	среди раненых
1992	53,1	16,5
1993	19,3	4,0
1994	35,7	10,1
1995	34,7	7,6
1996	42,7	23,8
Всего	36,1	9,6

Приводимые данные показывают, что процент коптов среди людей, получивших ранения в результате исламистских нападений, в среднем приблизительно равен процентной доле этой общины в составе египетского населения (если принять ее за 10%). Однако доля коптов среди убитых значительно превышает их долю в составе населения в целом (более чем в 3 раза). Таким образом, можно предположить, что копты чаще становились жертвами атак исламистов, направленных непосредственно на коптскую общину (а не случайными жертвами), причем большинство нападений имело своей целью именно физическое уничтожение.

Однако правительственная политика в отношении исламистов ужесточалась, в частности, после нападений *Джама'ат Исламия* на иностранных туристов в 1992–1993 гг., в результате которых резко сократился приток туристов, а вместе с тем и государственные доходы⁴⁷. В ноябре 1997 г. боевиками *Джама'ат Исламия* был атакован храм в Луксоре и убиты 68 иностранцев и египтян. После этого инцидента исламисты утратили значительную часть общественной поддержки⁴⁸. Именно с 1997 г. начинается фаза дерадикализации исламистского движения в Египте⁴⁹.

В это время на смену радикальным исламистам приходят более умеренные представители исламистского течения. Не-

сомненно, этот факт явился весьма значимым для коптской общины, так как снижал степень риска стать объектом нападения экстремистов. Действительно, если воинствующие исламисты делили мир на мусульман и неверных, то умеренные исламисты выступали за плюрализм, утверждая, что понятие «люди Писания» гарантирует защиту прав христиан⁵⁰. Новые исламисты, по их собственным утверждениям, видели свою роль в рационализации исламской войны, в том числе в уменьшении расхождений между коптами и мусульманами⁵¹. Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что проблема физической угрозы существованию коптов со стороны радикального исламистского движения в настоящее время утратила свою остроту. Однако отдельные нападения экстремистов на коптов имели место и позднее, в 1998, 1999 гг.⁵² (BDHRL 26.02.1999, 23.02.2000).

Таким образом, можно утверждать, что история самого крупного египетского конфессионального меньшинства может быть разделена на несколько периодов. Конец XIX в. стал временем подъема коптской общины как в культурно-образовательном, так и в экономическом плане. Вероятно, именно заложенные в этот период тенденции создали предпосылки для наступления «золотого века» коптов в период египетской борьбы за независимость, когда степень интеграции общины в социальную и политическую жизнь страны достигла своего максимального уровня. После событий 1919 г. влияние коптов в политическом пространстве Египта снижается.

В 1940-е гг. копты начинают опасаться все более возрастающего влияния организации «Братья-мусульмане». Спасением для общины становится приход к власти Г.А. Насера, в период правления которого конфессиональная идентичность граждан отходит на второй план внутривнутриполитического дискурса, уступая место национальной. Однако значимость религиозного фактора резко возрастает в период президентства А. Садата. Распространено мнение, что, педалируя межконфессиональные различия, правительство стремилось отвлечь внимание населения от целого ряда назревших к тому времени социальных, политических и экономических проблем. Результатом такой политики становится радикализация социума; одной из первоочередных жертв этого явления становится коптская община. Период с конца 1980-х по 1997 г. характеризуется многочисленными нападениями на представителей коптской

общины, их собственность и места отправления религиозного культа.

После 1997 г. исламистская угроза практически нерелевантна для египетской коптской общины. Отдельные столкновения между мусульманами и христианами имеют место быть, однако в большинстве случаев их причиной является не столько межконфессиональная неприязнь, сколько межличностные разногласия, либо остающиеся неурегулированными проблемные аспекты существования коптской общины (связанные, к примеру, со строительством церквей), которые заслуживают отдельного исследования.

¹ *The Political Role of Minority Groups in the Middle East*. Ed. by R. D. McLaurin (Ed.). NY: Praeger, 1979, с. 270.

² BDHRL. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. *Report on International Religious Freedom. Egypt*, 14.09.2007 (<http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/>).

³ Gardner F. Who are Egypt's Christians? // *BBC*, 26.02.2000 (<http://news.bbc.co.uk/>). Pennington J.D. 1982. The Copts in Modern Egypt // *Middle Eastern Studies* 18 (2), с. 158–161.

⁴ Ansari H. Sectarian Conflict in Egypt and the Political Expediency of Religion // *Middle East Journal*, 1984, № 38 (3), с. 397–418; Chitham E.J. *The Coptic Community in Egypt. Spatial and Social Change*. Durham: Centre for Middle Eastern and Islamic Studies, 1986, с. 68, 91; Minahan J. *Encyclopedia of the Stateless Nations*. Conn.: Westport, Greenwood Press, 2002, Vol 1, A-C, с. 467; Pennington J.D. *Op.cit.*, с. 159; Purcell M. A Place For the Copts: Imagined territory and Spatial Conflict in Egypt // *Ecumene*, 1998, № 5 (4), с. 434.

⁵ Botros G. 2006. Religious Identity as an Historical Narrative: Coptic Orthodox Immigrant Churches and the Representation of History // *Journal of Historical Sociology*, 2006, № 19 (2), с. 175, 182; Rizq H. 15 Million Copts // *Masri Alyoum*, 07.07.2007.

⁶ BDHRL. *op.cit.*

⁷ Рассчитано по: Ряд 1 – Бабави Н.Л. *Машакил ал-акбат фи мыср ва хулулуха*. Б.м., 2001, с. 88–92; Нахиб С. *Ал-акбат 'абра ат-тарих*. Каир: Матбу'ат Дар ал-Хыййал, 2001, с. 174; *ат-Та'дад ар-расмий ли-гумхуриййа мыср ал-арабиййа*. Каир, 1987, с. 13. Ряд 2 – Barrett D.B. *World Christian Encyclopedia*. Oxford University Press, 1982, Nairobi, с. 274.

⁸ van Doorn-Harder P. Copts: Fully Egyptian but for a Tattoo? In: Shatzmiller M. (ed.). *Nationalism and minority identities in Islamic societies*. McGill-Queen's University Press, 2005, с. 39.

⁹ Подробнее см. Meinardus O.F.A. *Two Thousand Years of Coptic Christianity*. Cairo: AUC Press, 2002, с. 93–122.

¹⁰ Pennington J.D. *Op.cit.*, с. 162.

¹¹ Isichei E.A. *A History of Christianity in Africa: from Antiquity to Present*. Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans Publishing, 1995, с. 219.

¹² *Ibid.*, с. 219–220.

¹³ Pennington J.D. *Op.cit.*, с. 165.

¹⁴ Подробнее об этом см. Фадыл С. *Ал-Каниса ал-кыбтыййа ва-с-санаваат ал-михна*. Б.м., 2007; Hanna W.A. Father Matthew the Poor – a Coptic National Treasure (1919–2006) // *The Independent Copt*, 2006, № 1 (1), с. 20–22; Talhami G.H. *The Mobilization of Muslim Women in Egypt*. Florida: University Press of Florida, 1996, с. 85–90.

¹⁵ Talhami G.H. *Op.cit.*, с. 90–92.

¹⁶ Watson J.H. *Among the Copts*. Sussex: Sussex Academic Press, 2002, с. 96, 117–118.

¹⁷ van Doorn-Harder P. *Op.cit.*, с. 38.

¹⁸ Meinardus O.F.A. *Op.cit.*, с. 82–92.

¹⁹ Meinardus O.F.A. *Op.cit.*, с. 86; Seikaly S. Prime Minister and Assassin: Burs Ghālī and Wardānī // *Middle Eastern Studies*, 1977, № 13 (1), с. 113–114.

²⁰ Seikaly S. *Op.cit.*, с. 117.

²¹ Meinardus O.F.A. *Op.cit.*, с. 86–87.

²² Isichei E.A. *Op.cit.*, с. 219.

²³ Halim H. A Lesson from History // *The Free Copts*, 12.02.2008

(<http://freecopts.net/>).

²⁴ Cachia P. Themes Related to Christianity and Judaism in Modern Egyptian Drama and Fiction // *Journal of Arabic Literature*, 1971, № 2, с. 178.

²⁵ Halim H. *Op.cit.*

²⁶ Об этом см., например, van Doorn-Harder P. *Op.cit.*, с. 26.

²⁷ Об этом см., например, van Doorn-Harder P. *Op.cit.*, с. 34.

²⁸ Pennington J.D. *Op.cit.*, с. 161.

²⁹ Makram-Ebeid M. Political Opposition in Egypt: Democratic Myth or Reality? // *Middle East Journal*, 1989, № 43 (3), с. 425–526.

³⁰ Cachia P. *Op.cit.*, с. 193; Hopwood D. *Egypt: Politics and Society: 1945–1990*. London: Routledge, 1996, с. 164.

³¹ Ghannam F. *Remaking the Modern: Space, Relocation and the Politics of Identity in a Global Cairo*. California: University of California Press, 2002, с. 120.

³² van Doorn-Harder P. *Op.cit.*, с. 22.

³³ Gauch S. Christian TV Hits Egypt's Airwaves // *Christian Science Monitor*, 08.12.2005; Peters R. Divine Law or Man-Made Law? Egypt and the Application of the Shari'a // *Arab Law Quarterly*, 1988, № 3 (3), с. 233.

- ³⁴ Talhami G.H. *Op.cit.*, с. 98.
- ³⁵ Furman U. Minorities in Contemporary Islamist Discourse // *Middle Eastern Studies*, 2000, № 36 (4), с. 105.
- ³⁶ Ibrahim M.Y. 15.03.1993. Muslims' Fury Falls on Egypt's Christians // *NY Times*.
- ³⁷ el-Gawhary K. 1995. Report from a War Zone: Gama'at vs. Government in Upper Egypt // *Middle East Report* 194/195: 49–51. С. 50.
- ³⁸ Leach S.L. 21.01.1999. Egypt's Coptic Christians // *Christian Science Monitor* (<http://www.csmonitor.com/>).
- ³⁹ Ghannam *op.cit.* С. 120.
- ⁴⁰ *Ibid.* С. 122.
- ⁴¹ Рассчитано по: Ashour O. Lions Tamed? An Inquiry into the Causes of De-Radicalisation of Armed Islamist Movements: The Case of the Egyptian Islamic Group // *The Middle East Journal*, 2007, № 61 (4), с. 611; Chaillot C. *The Coptic Orthodox Church. A Brief Introduction to its Life and Spirituality*. Paris: International Orthodox Dialogue, 2005, с. 123; The Free Copts. Egypt's History of Shame: 1972–2000 // *The Independent Copt*, 2006, № 1 (5), с. 23–24; Ibrahim M.Y. *Op.cit.*; USCA. End Human Rights Abuses against Copts in Egypt // *United States Coptic Association*, 25.02.2004 (<http://copts.com>); Wagner D. Egypt's Coptic Christians: Caught Between Renewal and Persecution // *The Washington Report on Middle East Affairs*, 1997, № 16 (3), с. 87.
- ⁴² ал-Антуни А. *Ватаниййа ал-каниса ал-кыбтыййа ва тарихуха ал-му'асыр. Джуз раби'*. Искандарийя: Ширка ат-тыба'а ал-мысрийа, 2004, с. 579–634.
- ⁴³ Chaillot C. *Op.cit.*, с. 123.
- ⁴⁴ Wagner D. *Op.cit.*, с. 87.
- ⁴⁵ OCC protest against killing Egypt Christians // *Egypt News*, 10.07.2008 (<http://news.egypt.com/>).
- ⁴⁶ Бабави Н.Л. *Op.cit.*, с. 234.
- ⁴⁷ Gray M. Economic reform, privatization, and tourism in Egypt // *Middle Eastern Studies*, 1998, № 34 (2), с. 109.
- ⁴⁸ Gerges F.A. The End of the Islamist Insurgency in Egypt? Costs and Prospects // *The Middle East Journal*, 2000, № 54 (4), с. 594.
- ⁴⁹ Ashour O. *Op.cit.*, с. 612.
- ⁵⁰ Purcell M. *Op.cit.*, с. 439–440.
- ⁵¹ Baker R.W. 2003. *Islam Without Fear. Egypt and the New Islamists*. Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press, 2003, с. 185.
- ⁵² BDHRL. 26.02.1999. – Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. *Egypt Country Report on Human Rights Practices for 1998*. (<http://www.dosfan.lib.iuc.edu>); BDHRL. 23.02.2000. – Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. *Egypt Country Report on Human Rights Practices for 1999*. (<http://www.dosfan.lib.iuc.edu>).

Л.П.Зудина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ТУНИСЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

В конце XX в. в мировой политике и экономике в связи с быстрым развитием процесса глобализации произошли серьезные изменения. Стремительный технологический прогресс, в особенности в сферах коммуникации и информатизации, утрата развивающимися странами или ослабление их прежних экономических связей, поиски новых рынков сбыта усилили процессы регионализации, формирования региональных структур с целью защиты этими странами своих политических и экономических интересов в изменившейся международной ситуации.

В этой обстановке развивающиеся страны оказались перед выбором: либо принять вызов, постепенно интегрируясь глубже в мировое экономическое сообщество, проводя глубокие рыночные реформы и модернизируя экономику, либо быть оттесненными на обочину, оставаясь глубоко зависимыми от развитых капиталистических стран.

Тунис, претерпевший серьезный политический и экономический кризис в середине 80-х годов прошлого века в связи с падением мировых цен на нефть и низкой эффективностью собственной экономики, оказался перед лицом серьезных проблем. Не обладая сколько-нибудь значительными запасами полезных ископаемых, экспорт которых мог бы принести ему необходимые для модернизации экономики средства, он принял предложенную Всемирным банком и МВФ программу стабилизации экономики и все эти годы неуклонно исполнял ее, заслужив одобрение МВФ. Программа предусматривала глубокую либерализацию экономической жизни страны, внутренней и внешней торговли, существенное ограничение роли государственного сектора в производстве, широкую приватизацию и развитие частного сектора.

Начало осуществления экономических реформ в Тунисе по времени совпало с уходом от власти национального лидера:

в ноябре 1987 г. на смену престарелому и больному Х. Бургибе пришел молодой и энергичный Зин аль-Абидин бен Али. Принимая присягу, он обещал народу проведение действенных политических и экономических реформ с целью покончить с беспорядками и коррупцией, содействовать развитию демократического процесса, модернизировать экономику, улучшить положение трудящихся и отвести угрозу религиозного экстремизма в стране.

Сегодня, спустя 20 лет после "жасминовой революции" ноября 1987 г., можно с уверенностью сказать, что в значительной степени ему удалось выполнить данные обещания. Ныне Тунис – одна из наиболее динамично развивающихся стран арабского региона. По данным Всемирного банка, среднегодовые темпы роста ВВП составили (%): 1985–1995 гг. – 3,9; 1995–2005 гг. – 4,9; 2004 г. – 6,0; 2005 г. – 4,2; 2006 г. – 5,4¹. Сократился дефицит платежного баланса, под контролем находится инфляция, составившая в 2007 г. 2,9%.

Последовательно осуществляется курс на либерализацию экономической жизни, смягчается жесткий государственный контроль над экономикой. Многие товары ввозятся в страну без предварительного лицензирования. Однако пока правительство сохраняет надзор за рядом "стратегических" отраслей экономики, куда оно относит финансы, энергетику, воздушный транспорт, водные ресурсы.

Основой структурных преобразований в экономике стала приватизация и реструктуризация предприятий малоэффективного государственного сектора, содержание которых ложилось тяжелым бременем на бюджет страны. В соответствии с правительственной программой с 31.12.1987 г. по 30.11.2007 г. было приватизировано и подвергнуто реструктуризации 209 предприятий, в том числе: приватизировано полностью 104 предприятия (50% от общего числа), приватизировано частично – 32 (15%), сдано в концессию 5 (2%), ликвидировано 41 (20%), подвергнуто другим формам приватизации и реструктуризации 27 предприятий (13%). Доходы государства от этой акции составили 5700 млн. дин. Доля иностранных инвесторов в 2005 г. составила 74,1%, национальных инвесторов – 25,9%. Охотнее всего иностранный капитал устремлялся в сферу услуг (99 предприятий, полученные доходы – 1332 млн. дин.), а также в промышленность строительных материалов, в производство стекла и керамических изделий (20 предприятий, 847 млн. дин.)².

Проведение приватизации сразу же поставило перед правительством целый ряд сложных проблем, в частности, финансовую, кадровую, проблему безработицы, которая постоянно вызывала глубокую озабоченность властей. Ликвидация нерентабельных предприятий, их реструктуризация и модернизация вели к увольнению большого количества рабочих и служащих, что еще более усугубляло положение с безработицей, составлявшей, по официальным данным, 14%, а по неофициальным, – еще больше. Появление на рынке труда новых безработных осложняло обстановку, вызывало недовольство населения, создавая препятствия для поступательного продвижения вперед, грозило срывом реформ. К тому же большинство безработных составляли молодые люди в возрасте 18–29 лет (до 60%), многие из которых являлись дипломированными специалистами.

Правительство было вынуждено принимать срочные меры. Модернизация предприятий требовала установки нового оборудования, внедрения соответствующих западному уровню форм менеджмента, учета и контроля продукции, уровня профессиональной подготовки рабочих и служащих. К середине 90-х годов правительство разработало и стало осуществлять специальную программу перестройки приватизируемых предприятий на базе европейских стандартов в производстве и управлении.

Стремясь отвести угрозу дестабилизации внутренней обстановки и замедления темпов реформ, правительство разработало и осуществляет свыше 900 специальных программ по переобучению увольняемых рабочих и служащих, повышению их квалификации, поиску вакансий для увольняемых, помощи в организации бизнеса и др. Благодаря принятым мерам тунисским властям удалось сгладить нежелательные отрицательные последствия приватизации и модернизации производства.

Рассчитывая на финансовую и техническую помощь своего главного внешнеэкономического партнера – ЕС, Тунис первым среди стран Магриба заключил с ним в 1995 г. соглашение о партнерстве, предусматривающее дальнейшую либерализацию внешнеэкономических связей и создание к 2010 г. зоны свободной торговли. На страны ЕС приходится до 3/4 внешне-торгового оборота Туниса и около 2/3 притока капиталов, главным образом в форме прямых инвестиций³. Правительство Туниса предполагает, что расширение рамок сотрудничества с Европой и создание единого евросредиземноморского экономического пространства откроет возможности для широкого

обмена товарами, преференциальный доступ тунисской продукции на евторынки, привлечет еще больше туристов из этого региона. По прогнозам, зона свободной торговли сможет включить несколько десятков стран с населением в 500 млн. человек.

Евросоюз предоставляет Тунису в рамках соглашения значительную финансовую и техническую помощь. В 2003 г. стране была выделена финансовая помощь в размере 50 млн. евро для модернизации малых и средних предприятий и повышения их конкурентоспособности. Эта помощь предоставлялась в рамках специальной программы МЕДА-1. Уже разработана и начала реализовываться программа МЕДА-2, в соответствии с которой Тунису намечено выделить 204 млн. евро в качестве финансовой помощи для разработки и осуществления целого ряда проектов стабилизации экономики. Европейский инвестиционный банк предоставил Тунису 2 ссуды на общую сумму 60 млн. евро для финансирования проектов развития автомобильных и железных дорог. В 2003 г. Европейский инвестиционный банк выдал Тунису ссуду в 395 млн. евро, что составило 35% всех внешних инвестиций в страну⁴. Значительные средства поступают в Тунис и по программе Всемирного банка. Так, эти выплаты на цели структурных реформ в экономике страны составили в 1985 г. 109 млн. долл., в 1995 г. – 138 млн. долл., в 2004 г. – 138 млн. долл.⁵.

Важным источником поступления иностранной валюты является туризм. Власти уделяют этой отрасли экономики большое внимание, расширяя гостиничную сеть и улучшая обслуживание. В 2007 г. туризм принес стране 3135 млн. дин. По прогнозам, в 2008 г. доходы от туризма еще более возрастут и составят до 3500 млн. дин.⁶

Еще одним существенным фактором экономического роста своей страны становятся тунисские граждане, уехавшие за рубеж на заработки. Согласно данным Европейского университета, более 30% опрошенных магрибинских мигрантов во время своего пребывания за границей ежегодно направляют не менее одной тысячи евро на поддержание своих семей, строительство собственного жилья, учебу детей, лечение, что в целом содействует благополучию семей и в целом повышению жизненного уровня. В 2007 г. денежные переводы тунисских мигрантов составили 2176 млн. дин.⁷

Еще совсем недавно туристический сектор являлся основным поставщиком иностранной валюты в страну. В настоящее

время эта роль перешла к легкой промышленности, в частности, к текстильной и швейной, в меньшей степени к кожевенно-обувной, продукция которых вполне конкурентоспособна на мировых рынках. Текстильная и швейная отрасли промышленности занимают 5-е место по поставкам в Европу своей продукции. Из 2 тыс. предприятий этих отраслей 1300 работают исключительно на экспорт. На них приходится 48% занятых и 47% экспорта обрабатывающей промышленности. В текстильную и швейную промышленность охотно устремляется иностранный капитал. Из 2 тыс. предприятий с участием иностранного капитала, расположенных на тунисской территории, 50% работают в текстильном секторе⁸. Экспорториентированные отрасли легкой промышленности становятся двигателем тунисской экономики. Однако с открытием зоны свободной торговли продукция этих отраслей может встретиться с жесткой конкуренцией со стороны китайских и румынских производителей текстиля и швейных изделий, устремившихся на евторынки. Чтобы выдержать конкуренцию, тунисские производители совершенствуют производственные линии и переходят на выпуск более качественных изделий и экспорт их малыми партиями.

Развивая экспортные отрасли промышленности, тунисские власти стремятся привлечь в страну иностранный инвестиционный капитал, лиц, являющихся носителями новых технологий и современного менеджмента, что способствует модернизации производственных структур и повышению конкурентоспособности предприятий.

В Тунисе действует один из наиболее либеральных среди стран арабского региона инвестиционных кодексов, предоставляющий иностранным инвесторам значительные таможенные и налоговые льготы. При этом Тунис продолжает совершенствовать свое инвестиционное законодательство. Недавно тунисский парламент принял новый закон о земле, ориентированный на иностранных инвесторов и облегчающий приобретение ими в собственность территорий и объектов, предназначенных для ведения экономической деятельности. Этот закон в значительной степени ликвидирует различные административные преграды, с которыми приходилось сталкиваться иностранному капиталу в Тунисе. Отныне покупка, аренда и другие операции с землей и недвижимостью, находящимися в промышленной и туристической зонах, освобождаются от необходимости получения предварительного разрешения властей⁹.

По данным Всемирного банка, чистый приток прямых иностранных инвестиций в Тунис увеличился со 108 млн. долл. в 1985 г. до 264 млн. долл. в 1995 г. и 593 млн. долл. в 2004 г.¹⁰ По отраслям экономики прямые иностранные инвестиции в 2004 г. распределились следующим образом (млн. дин.): всего – 795,9, в том числе: энергетика – 274,1; туризм и недвижимость – 22,1; обрабатывающая промышленность – 311,8; другие сектора – 187,9¹¹.

На конец 2000 г. из общего числа предприятий с участием иностранного капитала насчитывалось 1833 предприятия с участием капитала из стран ЕС, 41 – из США, 179 – из арабских стран, 16 – из стран Азии.

Целенаправленная и прагматичная экономическая политика, ориентированная на рыночные реформы в сочетании с последовательными социальными мерами, привела к ускорению темпов развития экономики и повышению жизненного уровня населения. Темпы роста ВВП на душу населения возросли с 1,8% в 1985–95 гг. до 3,3% в 2005 г., а показатель уровня доходов на душу населения увеличился с 1800 долл. в 1996 г. до 2200 долл. в 2001 г. и 2890 долл. в 2005 г. Благодаря успехам в развитии экономики сократился разрыв между самыми богатыми тунисцами и беднейшими слоями населения, а доля населения, живущего в бедности, уменьшилась с 12,9% в 1980 г. до 4,2% в 2000 г. Сейчас только 1 тунисец из 20 живет ниже официальной границы бедности, а в 70-х годах это соотношение составляло 1:3. Число тунисцев, проживающих в архаичных строениях, сократилось с 9% в середине 80-х годов до 2,5% в 2001 г. Сейчас 8 из 10 семей имеют собственные дома¹².

В 1993 г. в благотворительных целях был создан Фонд национальной солидарности (так называемый счет 26–26), куда шли пожертвования от отдельных граждан, тунисцев и иностранцев, организаций, государств. Официально пожертвования считались добровольными, однако на деле представителям деловых кругов нередко настойчиво "предлагали" внести средства на счет. На счете Фонда аккумулировались значительные средства, которые использовались для оказания финансовой помощи отсталым районам: на развитие хозяйственной и социальной инфраструктуры, строительство школ, больниц, прокладку водопроводов и др.

В Тунисе разработана и осуществляется программа помощи нуждающимся семьям. Число семей, охваченных помощью,

возросло с 73,6 тыс. в 1987 г. до 114,3 тыс. в 2001 г., сумма оказанной помощи составила в 2001 г. 49,8 млн. дин. Для нуждающихся семей лечение в государственных медучреждениях бесплатное. Для бедных и инвалидов предусмотрена система скидок.

Умело проводимые рыночные реформы, сбалансированная социальная политика принесли свои положительные результаты: рост экономики, увеличение численности мелкой и средней буржуазии, сокращение числа бедных в стране. Все это в конечном итоге привело к консолидации общества, политической стабилизации. Один из важнейших итогов реформ – рост прослойки "среднего класса", численность которой, по официальным данным, достигает 80%. Это самый высокий процент среди всех арабских стран. По-видимому, тунисская статистика зачислила в данную категорию всех тунисцев с определенным уровнем доходов. Официальные данные представляются завышенными. По оценкам российских специалистов, уровень не превышает 60%, но и этот показатель достаточно высок, а "средний класс" является основой, на которой формируется гражданское общество, залог политической стабильности в стране.

Тем не менее захват вооруженной группы террористов в январе 2007 г. недалеко от тунисской столицы и складов с оружием показал, что даже такая стабильная в политическом отношении страна, как Тунис, не может быть гарантирована от подобного рода вмешательства извне, что чревато дестабилизацией обстановки и замедлением хода реформ. Именно поэтому президент Бен Али выдвинул в качестве приоритетной задачи, стоящей перед страной, совместную с другими странами борьбу с международным терроризмом. Он также активно поддержал идею президента Франции Н. Саркози о создании Средиземноморского союза, в который должны войти 27 государств Евросоюза и 12 стран Южного Средиземноморья. Тунис же рассчитывает на приток новых инвестиций для успешного завершения намеченных преобразований и достижения уровня развития западных стран.

¹ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты. М., 30.10.2007; Tunisia at a Glance.

http://www.devdata.worldbank.org/AAG/tun_aag.pgf

² www.tunisieinfo.com/privatisation/statistiques.html

³ Finances et Développement, 2001, vol. 38, № 4.

⁴ Пульс планеты, 03.02.2003; 23.12.2004.

⁵ Tunisia at a Glance ...

⁶ L'économie tunisienne en chiffres. Tunis, oct. 2007.

⁷ Пульс планеты, 29.10.2007; L'économie tunisienne en chiffres...

⁸ <http://www.tunisia-portal.com/category/tunisia-news/>

⁹ Пульс планеты, 15.06.2005.

¹⁰ Tunisia at a Glance ...

¹¹ www.bct.gov.tn/english/indicateurs/index.html

¹² Ближний Восток и современность. Вып. 27. М., 2006, с. 269; The Middle East, nov. 2002, с. 34; Finances et Développement, 2001, vol. 38, № 4, с. 28.

Э.О.Касаев

КАТАР: СОСТОЯНИЕ ТЭК И ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА

Анализ состояния топливно-энергетического комплекса (ТЭК)

Среди природных ресурсов Катара наибольшую значимость для экономики этой страны представляют топливные ресурсы. Так, по запасам нефти (15, 207 млрд. барр.) Катар занимает 10-е место среди стран ОПЕК и 12-е место среди стран мира. По запасам природного газа (25,78 трлн. куб. м) Катар находится на 3-м месте в мире и на 2-м месте среди стран ОПЕК¹.

Нефтяная отрасль. Впервые нефть была обнаружена в Катаре в 1935 г., после чего было заключено концессионное соглашение на разработку месторождения с «AngloPersian Oil Company», образованной представителями Великобритании и США. Однако из-за недостаточного в те времена на рынке предложения нефти добыча началась только в 1938 г. На тот момент право на концессию было передано компании «Petroleum Development (Qatar)», которая являлась дочерним предприятием компании «Iraq Petroleum Company (IPC)», образованной с участием капиталов США, Великобритании и Франции.

В период Второй мировой войны добыча нефти в Катаре была прекращена и возобновилась только в 1947 г. на месторождении Dukhan, открытом в 1939 г.

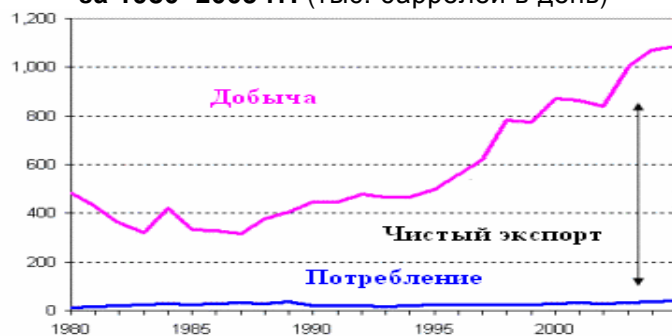
В 1952 г. компанией «Shell Company of Qatar (SCQ)» (дочерняя компания «Royal Dutch Shell») было заключено концессионное соглашение на разработку месторождения на шельфе.

Катар присоединился к ОПЕК в 1961 г., через год после создания этой организации. Практически сразу Катар в основном придерживался установленных Организацией квот, хотя неоднократно их нарушал, в том числе для получения дополнительной выгоды от роста цен на нефть во время вторжения Ирака в Кувейт в августе 1990 г.

В период с 1960 по 1970 г. объемы добычи в Катаре увеличились в два раза до 132,5 млн. барр. в год. После относительно стабильного периода в середине 80-х годов, когда добыча нефти оставалась на одном уровне, увеличение объемов произошло к 1990 г. до 146,7 млн. барр. в год² (что превысило установленную ОПЕК квоту).

Сделать заключение о развитии добычи нефти в Катаре можно при рассмотрении Диаграммы 1.

Диаграмма 1.
Динамика добычи и потребления нефти в Катаре за 1980–2005 гг. (тыс. баррелей в день)

Источник: Международное энергетическое агентство.

Данные по нефтяной отрасли Катара за 1996–2005 гг. представлены в Таблице 1.

Таблица 1.
Характеристика нефтяной отрасли Катара, 1996–2005 гг.

Показатели	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	Место в 2005 году	
									по ОПЕК	по миру
Добыча, тыс. барр./сутки	618,1	608,5	648,2	632,9	568,9	676,0	755,3	765,9	11	21
Запасы, млрд. барр.	3,700	3,700	13,157	15,207	15,207	15,207	15,207	15,207	10	12
Экспорт нефти, тыс. барр./сутки	572,4	580,5	617,6	605,5	567,8	540,7	542,7	677,3	10	23
Экспорт нефтепродуктов, тыс. барр./сутки ³	95,1	75,3	75,3	78,1	67,3	61,5	64,9	76,8	9	n/a

Источник: ОПЕК, World Energy and Economic Atlas, 2006.

Данные таблицы позволяют сделать вывод, что практически вся нефть, добываемая в Катаре, идет на экспорт. Более того, объемы экспорта нефти и нефтепродуктов превышают уровень добычи. Такой дисбаланс возникает из-за того, что на экспорт идут также значительные объемы продуктов нефтепереработки, получаемые при добыче природного газа.

Если говорить о запасах нефти Катара, то следует отметить, что существующие на настоящий момент запасы нефти Катара позволяют в будущем интенсивно эксплуатировать существующие месторождения, при этом, согласно обзору стран, подготовленному МВФ, еще более 100 нефтяных и газовых проектов находятся на стадии разработки.

В настоящий момент крупнейшими месторождениями нефти в Катаре являются следующие⁴:

– *Месторождение Духан* (с 1939 г.) Это месторождение состоит из трех нефтеносных и одного газоносного пласта. Производительность месторождения составляет 335 тыс. барр. в сутки. Запасы нефти на этом месторождении составляют 1520 млн. барр., а запасы газа 8 трлн. кубометров и 160 млн. барр. газового конденсата.

– *Месторождение Идд Ал Шаджи* (с 1960 г.) было первым месторождением, открытым в территориальных водах Катара. Оно расположено в 80–85 км от восточного побережья страны. Его производительность составляет 86 тыс. барр. в сутки в северной части и 10 тыс. барр. в сутки в южной части.

– *Месторождение Бул-Ханин* (с 1965 г.) принадлежит государству Катар с 1969 г. в результате пересмотра границ шельфовых месторождений страны. Его продуктивность составляет 67,8 тыс. барр. в сутки.

– *Месторождение Ал Шахин* (с 1992 г.) с оцененными запасами нефти 780 млн. барр. Разработка этого месторождения началась в 1994 г., когда уровень добычи составлял 30 тыс. барр. в сутки. К 2003 г. уровень добычи вырос до 182 тыс. барр. в сутки.

– *Месторождение Эль-Риян* (с 1996 г.) находится на морском шельфе вблизи Северного газового месторождения. В настоящий момент добыча нефти на месторождении составляет 70 тыс. барр. в сутки.

При анализе деятельности компаний в нефтегазовой отрасли экономики Катара следует прежде всего отметить государственную монополию ТЭК.

После получения независимости в 1971 г. была образована первая нефтяная компания «Qatar National Petroleum Company» с участием государства в 25%. Однако уже через два года была образована новая компания «Qatar General Petroleum Corporation» (QGPC), доля государства в которой составляла 60%. К 1977 г. все месторождения страны были национализированы, а концессионные соглашения с иностранными компаниями заменены на соглашения об обслуживании месторождений.

В настоящее время компания QGPC отвечает за газовую и нефтяную промышленность страны, что включает разведку месторождений и добычу нефти и газа, производство нефтепродуктов, их транспортировку, продажу и экспорт. Стратегическим планированием и контролем за развитием этой отрасли занимается Министерство энергетики и промышленности Катара. Основной целью государства в этой отрасли является дальнейшая разработка континентальных и шельфовых месторождений, увеличение их производительности, а также увеличение разведанных запасов нефти и газа.

Другой целью компании является увеличение своей роли в качестве одного из ведущих экспортеров сжиженного природного газа (СПГ). В связи с этим в Катаре на основе государственной компании QGPC было создано два акционерных общества, которые занимаются экспортом СПГ:

- Компания «Qatar LNG Company» (Qatargas);
- Компания «Ras Laffan LNG Company» (Rasgas).

Также стоит отметить, что компании QGPC принадлежат все нефтепроводы страны: Umm Bab/Umm Said, Idd El Sharghi/Halul, Maydan Mehzam/Halul, Bul Hanin/Halul, Dukhan/Messaied, Alkhaleej/Halul⁵.

Примечательно, что участие иностранных компаний в разработке катарских месторождений, начавшееся еще в 1935 г. на условиях концессионных соглашений, многие годы давало компаниям значительные привилегии.

Во-первых, компании имели право на разработку месторождений, добычу, переработку и транспортировку нефти, а также освобождались от импортных и экспортных пошлин. Единственным условием было привлечение местного населения для работы на месторождении. Во-вторых, плата за пользование недрами шла главе государства и не оказывала влияния на развитие экономики.

Однако в 1952 г. условия концессионных соглашений были пересмотрены таким образом, что 50% от прибыли компании должны были отдавать главе государства (при условии, что нового пересмотра не будет до 1963 г.). Эти средства также не попадали в экономику страны.

В настоящее время законодательством Катара иностранным лицам запрещено иметь собственность на землю, а участие в экономической деятельности ограничивается 49% уставного капитала образуемой или покупаемой компании. Однако при этом иностранные компании освобождаются от налога на прибыль корпораций, а также получают другие преимущества (использование дешевых трудовых ресурсов, а также воды и электричества Катара). Иностранный капитал допускается к участию в любой форме организации (простое или командитное товарищество, ООО, ЗАО или ОАО), тем не менее иностранные компании наиболее часто предпочитают именно форму закрытого акционерного общества, что дает им право на налоговые льготы и меньший объем отчетности, чем у открытых акционерных обществ.

Деятельность иностранных нефтяных компаний ведется в двух направлениях: континентальная добыча и добыча на шельфе.

Стоит напомнить, что в марте 1998 г. Катар подписал соглашение на континентальную разработку и добычу нефти с компанией Chevron (сейчас ChevronTexaco) на 5 лет. Соглашение покрывало практически всю территорию полуострова, а часть скважин разрабатывалась совместно с венгерской компанией «MOL».

Месторождения на шельфе являются наиболее перспективными для Катара. В результате нескольких сделок в 2000 и 2001 гг. компания «Anadarko Petroleum» скупил доли участия компаний «BP», «Wintershall» и «Gulfstream Petroleum» на одном из самых новых месторождений Эль-Рийян.

Помимо этого в разработке нефтяных месторождений участвуют и некоторые другие иностранные компании, представление о которых можно получить при анализе таблиц проектов, находящихся на стадии разработки и готовящихся к реализации в ближайшие годы.

Следует отметить, что месторождения Катара считаются одними из наиболее привлекательных в регионе благодаря низкой себестоимости добычи (на некоторых месторождениях

около 1 долл./барр.), высокому качеству нефти (Light Sweet), относительной близости к европейским рынкам и достаточно хорошо развитой инфраструктуре. В анализируемой ниже Таблице 2 большинство месторождений также обладает качеством нефти Light Sweet, и только некоторые имеют конденсат нефти и газа.

Таблица 2.

Проекты Катара в области добычи нефти

Проект/название месторождения	Тип проекта	Оператор	Дата запуска	Расчетная мощность (тыс. барр./сутки)
AKG	новая разработка	ExxonMobil	2005	50
Al-Khaleeji	увеличение добычи	QP	2005	20
Dolphin, Al Khalij	новая разработка	QP, Total	2006	100
Oryx GTL	новая разработка	Sasol	2006	34
Al Seef LAB	новая разработка	QP	2006	50
Rasgas Train 4	новая разработка	QP/ExxonMobil	2005	45
Rasgas Train 5	новая разработка	QP/ExxonMobil	2006	45
Rasgas Train 6	новая разработка	QP/ExxonMobil	2007	150
Rasgas Train 7	новая разработка	QP/ExxonMobil	2008	40
Idd al Shargi North & South Dome	увеличение добычи	Occidental	2007	30–100
Ras Laffan Condensate Refinery	новая разработка	QP	2008	140
Qatargas Train 4	новая разработка	QP/ExxonMobil	2007	80
Qatargas Train 5	новая разработка	QP/ExxonMobil	2008	80

...окончание таблицы 2.

Проект/название месторождения	Тип проекта	Оператор	Дата запуска	Расчетная мощность (тыс. барр./сутки)
Qatargas Train 6	новая разработка	QP/ExxonMobil	2009	80
Qatargas Train 7	новая разработка	QP/ExxonMobil	2010	40
AKG other phases	увеличение добычи	QP/ExxonMobil	2008	20–50
Maydan Mazham	увеличение добычи	QP, Total	2008	15
Al Rayyan	увеличение добычи	Anadarko	2008	50
Al-Shaheen	увеличение добычи	Maersk	2009	240
Pearl GTL Phase I	новая разработка	Shell	2009	70
Pearl GTL Phase II	новая разработка	Shell	2010	100
ExxonMobil GTL	новая разработка	ExxonMobil	2011	154
Oryx GTL Expansion	увеличение добычи	Sasol	2011	65

Источник: ОПЕК.

Что касается нефтеперерабатывающих мощностей, то до 2003 г. Катару их вполне хватало, хотя мощности были загружены почти на 100%. До 2001 г. мощность НПЗ Катара составляла 63 тыс. барр./сутки⁶, тогда как с 2002 г. мощность была увеличена до 80 тыс. барр./сутки. При этом уже с 2003 г. необходимость в нефтепереработке Катара составила более 100 тыс. барр./сутки, в связи с чем продолжают развиваться проекты по строительству новых НПЗ.

Так же стоит отметить, что за период с 2002 по 2005 гг. потребление продуктов нефтепереработки в Катаре возросло почти в два раза и составило 60,1 тыс. барр./сутки (что соответствует 75% перерабатывающих мощностей страны). За этот же период экспорт продуктов нефтепереработки,

резко сократившийся в конце 90-х годов, опять стал возрастать, но так и не достиг уровня 1996 г. (107 тыс. барр./сутки). Однако этот рост экспорта может объясняться увеличением производства СПГ и добычи газа, экспорт продукции которых также включается в статистику по экспорту продукции нефтепереработки. Соответственно сложившейся ситуации в Катаре разрабатываются проекты по увеличению мощности НПЗ. К этим проектам также допускаются иностранные компании (см. Таблицу 3).

Таблица 3.

Проекты Катара в области нефтепереработки

Проект/ название НПЗ	Тип	Компания	Дата запуска	Мощность (тыс. барр./сутки)
Ras Laffan	новый проект	QatarGas/Total/Exxon	2008	146
Shaheen	новый проект	QPC	2010	200

Источник: ОПЕК.

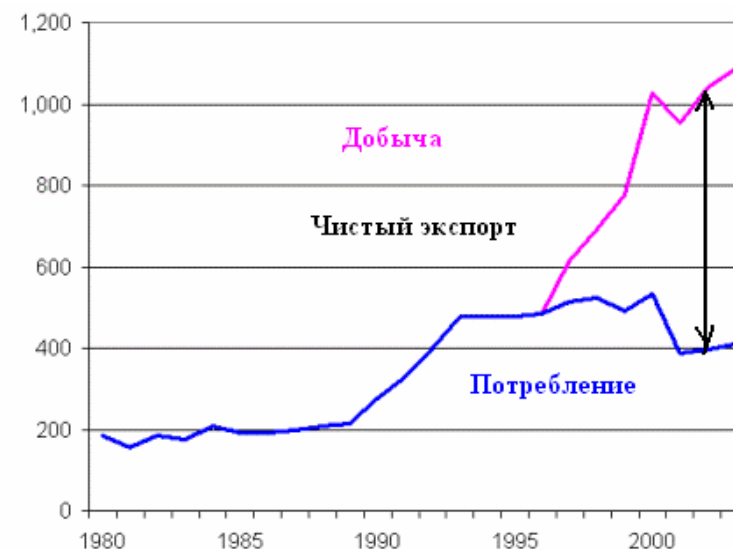
Разработка такого большого числа проектов нацелена на увеличение добычи и мощности по переработке (НПЗ по проектам более чем в 3 раза превосходят по мощности уже существующие в Катаре НПЗ). Однако вложения в нефтяной рынок могут также положительно сказаться и на диверсификации экономики, к которой стремится правительство Катара.

Не стоит оставлять без внимания и тот факт, что нефтяная отрасль страны становится зависимой от иностранных компаний, которые участвуют почти во всех проектах. Наибольшая доля участия приходится на компании ExxonMobil и Total.

Газовая отрасль. Запасы природного газа в Катаре составляют 25, 78 трлн. куб. метров, что ставит страну на 2-е место по запасам среди стран ОПЕК и на 3-е место по запасам газа в мире после России и Ирана. Большая часть запасов сосредоточена на Северном газовом месторождении, которое является крупнейшим месторождением чистого природного газа в мире. Помимо этого запасы газа также обнаружены на месторождении Духан⁷ и других нефтяных месторождениях (Идд Ал Шаджи, Мудан Махзам, Бул-Ханин и Эль-Риян).

Представление о динамике добычи и потребления природного газа в Катаре можно получить из Диаграммы 2.

Диаграмма 2.
Динамика добычи и потребления природного газа в Катаре за 1980–2003 гг. (млрд. куб. футов)

Источник: Международное энергетическое агентство.

Правительство Катара планирует увеличивать добычу природного газа, поскольку считает, что экономическое будущее страны зависит от развития высоко прибыльной газовой отрасли.

Напомним, что сокращение потребления газа в Катаре было связано в основном с увеличением производства СПГ, который заменил природный газ во многих сферах экономики.

Добыча природного газа в Катаре сосредоточена в основном на Северном месторождении, которое было открыто в 1971 г. Большая его часть расположена в шельфовой зоне на северо-востоке полуострова Катар. Это месторождение является самым крупным скоплением природного газа в мире (20% мировых запасов газа – 900 трлн. куб. метров). До 1980 г. природный газ, добываемый на месторождении Духан, полностью

удовлетворял внутренний спрос, поэтому разработка нового месторождения началась только в 1987 г., когда увеличился спрос на газ как на дешевый, экономичный и экологически чистый источник энергии. В настоящее время продуктивность месторождения составляет 800 млн. куб. метров.

При анализе сбыта природного газа следует прежде всего уделить особое внимание рынку СПГ. Правительство страны связывает экономическое развитие именно с проектами по СПГ, также этот рынок является наиболее привлекательным для иностранных инвесторов.

В настоящее время в Катаре действуют две газовые компании, которые занимаются экспортом СПГ:

– Компания «Qatar LNG Company» (Qatargas) основана в 1997 г. и является совместным предприятием компаний «Qatar Petroleum» (65%), «Total» (10%), «ExxonMobil» (10%), «Mitsui» (7,5%) и «Marubeni» (7,5%). В настоящее время компания производит 7,2 млн. тонн СПГ и ежедневно перерабатывает 60 тыс. барр. газового конденсата. В распоряжении предприятия находятся 10 судов для транспортировки СПГ, емкость которых составляет 135 тыс. кубометров. В декабре 1996 г. состоялась первая пробная поставка СПГ в Японию, после чего было подписано долгосрочное соглашение. Также в 2004 г. было подписано соглашение с Испанией о поставках СПГ в течение 20 лет.

– Компания «Ras Laffan LNG Company» (Rasgas) основана в 1993 г. компаниями «Qatar Petroleum» и «ExxonMobil». В 1999 г. был построен первый блок завода мощностью 3,3 млн. тонн/год и отправлена первая партия СПГ корейской компании «Kogas», с которой имелся долгосрочный контракт. Второй блок завода был построен в 2000 г. После этого в апреле 2001 г. компания Rasgas заключила договор на строительство третьего и четвертого блоков с компаниями «Chiyoda», «Mitsui» и «Snamprogetti». В 2007 г. был открыт пятый блок.

Помимо этого компании «Qatar Petroleum» (70%) и «ExxonMobil» (30%) подписали еще одно соглашение на строительство завода по сжижению Rasgas II мощностью 15,6 млн. тонн/год. Завод будет состоять из двух равноценных блоков и станет самым большим заводом по сжижению газа в мире. Ожидается, что строительство блоков завершится к 2009 г., после чего значительная часть СПГ будет поставляться для пополнения стратегических резервов США на побережье мексиканского залива по долгосрочному контракту (25 лет).

Еще одним соглашением между компаниями «Qatar Petroleum» и «ExxonMobil» стало строительство завода мощностью 7,8 млн. тонн/год по сжижению природного газа. Поставки с этого завода, завершение строительства которого планируется на 2008–2009 гг., будут направляться в Великобританию.

Предварительные договоры также подписаны с компаниями «ConocoPhillips» (строительство Qatargas III мощностью 7,5 млн. тонн/год для поставок в США – завершение строительства в 2009 г.), «Shell» (строительство Qatargas IV для поставок на рынки стран Северной Америки – завершение строительства в 2010 г.).

Следует отметить, что экспорт СПГ Катара ориентирован в основном на рынки Японии и Южной Кореи, однако в 1999 г. было также подписано соглашение с индийской компанией «Petronet» на поставку 7,5 млн. тонн СПГ в год.

Наиболее подробно контракты на поставки СПГ из Катара рассмотрены в Таблице 4.

Таблица 4.

Долгосрочные контракты Катара на поставку СПГ

(млн. тонн/год)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Япония (Qatargas)	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7
Южная Корея (RasGas)	4,8	4,8	6,8	8,8	8,8	8,8	6,8	4,8	4,8	4,8	4,8
Индия (RasGas II)	-	-	2,5	5,1	7,5	7,5	7,5	7,5	7,5	7,5	7,5
Италия (RasGas II)	-	-	-	-	-	4,7	4,7	4,7	4,7	4,7	4,7
Испания (Qatargas)	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	0,7	0,7	0,7
Испания (Qatargas)	-	0,2	0,8	0,8	0,6	-	-	-	-	-	-
Испания (RasGas II)	-	-	-	0,6	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8
Итого	12,9	13,1	18,2	23,4	25,8	29,9	27,9	25,9	25,2	25,2	25,2

Источник: посольство Катара в США.

Как можно заключить из приведенной выше таблицы, увеличение поставок СПГ по планам компаний произойдет немного раньше, чем завершение строительства добавочных мощностей по некоторым из контрактов. Это означает, что список контрактов, существующий на настоящий момент, будет в ближайшее время дополнен, а некоторые из новых мощностей, может быть, заменят уже изношенные.

В целом стоит отметить, что экспорт СПГ стал одной из ключевых сфер, способствовавших развитию экономики Ката-

ра. Так, доходы от экспорта помогли сократить внешний долг государства.

Многие аналитики из европейских стран (в том числе и МВФ) полагали, что к 2005 г. экспорт СПГ Катара подойдет вплотную к 20 млн. тонн/год, однако это значение было превышено. Возможно, что активное строительство заводов по производству СПГ в перспективе приведет к еще более высоким темпам экономического роста и притоку иностранных инвестиций.

Обзор иностранных инвестиций и деятельности иностранных компаний

Инвестиционная политика Катара в настоящее время направлена на создание условий для привлечения иностранного капитала. Для этого были внесены определенные поправки в законодательство. Иностранные компании освобождаются от уплаты налога на прибыль на протяжении 10 лет. Помимо этого может быть допущено иностранное участие в размере 100% уставного капитала, если правительство посчитает инвестиционный проект государственным приоритетом. Также иностранные компании могут беспешинно ввозить машины и оборудование для проектов и другие товары, если в Катаре не существует аналогичных по назначению и качеству.

По данным ЮНКТАД, в настоящий момент Катар занимает 67-е место в мире по объемам привлекаемых инвестиций, что превышает уровень 2001–2003 гг., но отстает от рейтинга, присвоенного Катару до падения цен на нефть в 1998 г. Также специалисты ЮНКТАД считают, что объем прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) Катара намного отстает от потенциально возможного. С чем это связано?

Нежелание компаний инвестировать в эту страну может быть связано с незначительным объемом рынка, медленными темпами процесса приватизации, низкой квалификацией рабочей силы и запретами правительства на участие иностранного капитала в ряде стратегических отраслей. Тем не менее существующие ограничения не останавливают иностранные компании инвестировать в экономику Катара. Инвестиции Катара за рубежом относительно невелики и направлены в экономики других стран Персидского залива.

Представление о динамике ПЗИ Катара можно получить из Таблицы 5.

Таблица 5.

ПЗИ Катара за 1998–2005 гг. (млн. долл. США)

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Поток ПЗИ в Катар	347	113	252	296	631	625	1199	1469
Накопленные ПЗИ в Катаре	1555	1668	1920	2216	2847	3247	4655	6124
Накопленные ПЗИ (% от ВВП)	15,2	13,5	10,8	12,5	14,4	15,9	16,4	16,2
ПЗИ Катара за рубежом	20	30	41	112	61	71	192	352
Накопленные ПЗИ Катара за рубежом	110	140	181	293	353	424	n/a	612
Накопленные ПЗИ (% от ВВП)	1,1	1,1	1,0	1,7	1,8	2,1	n/a	1,6

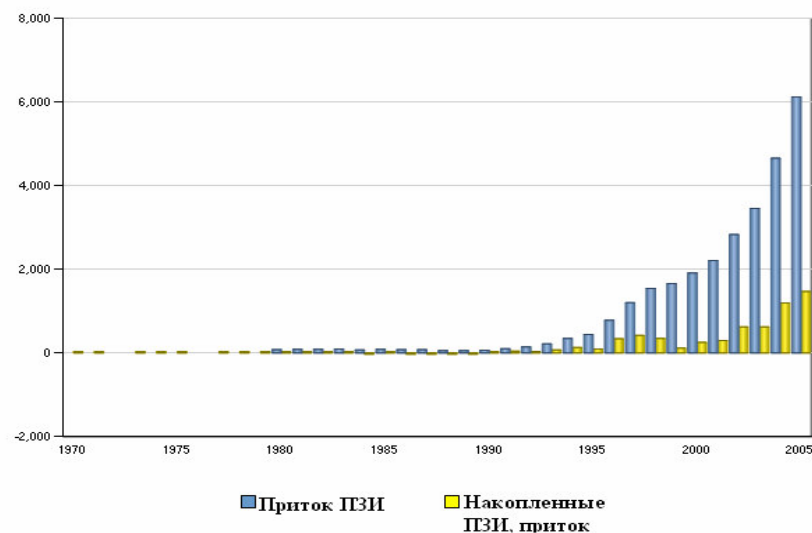
Из данных таблицы становится понятным, что ПЗИ других стран в Катар во многом связаны с его нефтяной отраслью. Так, при падении цен на нефть в 1998 г. иностранные инвестиции в Катар резко сократились. Правительство страны сделало правильные выводы из сложившейся ситуации и предприняло шаги по активной диверсификации экономики. После 2002 г. большая часть ПЗИ направлялась на строительство новых мощностей для производства СПГ, причем объемы ПЗИ нарастали соразмерно заключенным контрактам.

Динамика ПЗИ может также объясняться присвоением Катару в 2004 г. агентством Standard&Poor's инвестиционного рейтинга «А+». Среди преимуществ вложений в эту страну аналитики отмечают лояльный к инвестициям налоговый режим и высокий экономический рост. Однако существуют и негативные факторы: высокий уровень внешней и внутренней задолженности, а также неразвитость демократических институтов.

ПЗИ Катара за рубежом не превышали 10% от притока ПЗИ в Катар. После значительного притока ПЗИ в страну и увеличения доходов правительства от реализуемых проектов все большие потоки ПЗИ, значительную часть которых составляли именно государственные средства, стали направляться за рубеж.

Более наглядно динамику потоков ПЗИ можно представить на Диаграмме 3.

Динамика ПЗИ Катара в 1970–2005 гг.
(млн. долл. США)

Источник: www.heritage.org

Нефтегазовая отрасль Катара привлекала иностранные компании еще в начале XX века. Однако в настоящий момент все больше компаний стремится к созданию совместных проектов по добыче и переработке топливных ископаемых, а также компаний химической отрасли. Краткий список крупнейших компаний Катара с долями иностранного участия приведен ниже:

– «Qatar Petrochemical Company» (QAPCO): 80% – Правительство Катара, 10% – «CDF Chimie Atochem» (Франция), 10% – «Enichem» (Италия);

– «Qatar Fertilizer Company» (QAFCO): 70% – Правительство Катара, 25% – «Norsk Hydro» (Норвегия), 3% – «Davy McKee Ltd.» (Великобритания), 2% – «Hambros Bank Ltd.» (Великобритания);

– «Qatar Liquefied Gas Company» (Qatargas): 65% – QGPC (Катар), 10% «Total» (Франция), 7,5% – «Marubeni» (Япония), 7,5% – «Mitsui» (Япония), 10% – «Mobil Oil» (США);

– «Ras Laffan Liquefied Natural Gas Company» (Rasgas): 70% – QGPC (Катар), 10% – «Mobil Oil» (США);

– «Qatar Chemical Company» (Q-Chem): 51% – QGPC (Катар), 49% – «Phillips Investment Company» (США), 20% – другие компании;

– «Qatar Fuel Additives Company» (QAFAC): 51% – QGPC (Катар), 20% – «Chinese Petroleum Corporation» (Тайвань), 14,5% – «Lee Chang Yung Chemical Industry Corporation» (Тайвань), 14,5% – «International Octane Ltd.» (Канада).

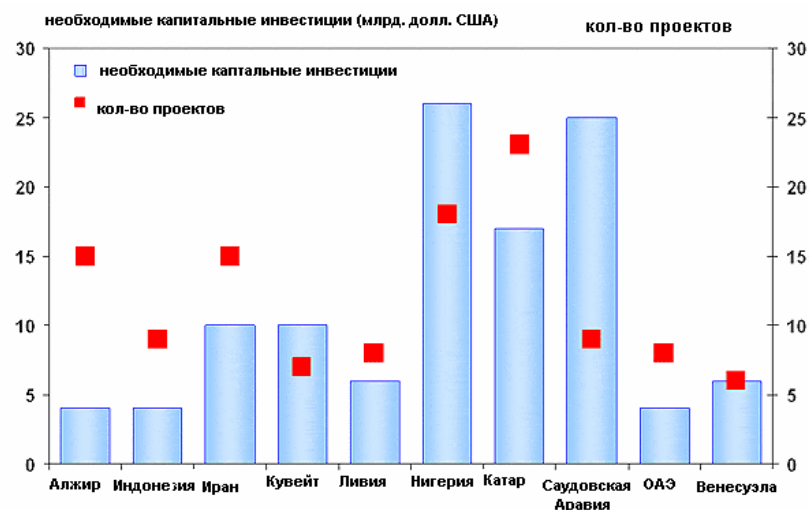
При кажущемся небольшом участии компаний США в уставном капитале компаний Катара следует отметить, что компании США были одними из первых, кто инвестировал в Катар, и их доля может быть в меньшем числе компаний, но большей по объему. Так, по данным Министерства иностранных дел Катара, инвестиции американских компаний в экономику Катара составляют почти 8 млрд. долл., при этом только 1,5 млрд. долл. приходится на компанию «ExxonMobil».

Что касается распределения инвестиций по остальным странам, то наиболее активными инвесторами по числу проектов на данный момент в Катаре являются те страны, которые в большей степени заинтересованы в долгосрочных контрактах на поставку энергоносителей.

Не менее интересными для рассмотрения могут оказаться и те перспективы привлечения инвестиций, которые формируются правительством государства, исходя из планов по реализации проектов. Поскольку нефтегазовый сектор является основным для экономики этой страны, то в статье представлена сравнительная Диаграмма 4 по странам ОПЕК о прогнозируемых инвестициях в добычу и переработку нефти.

Как видно из Диаграммы 4, планы Катара по увеличению добычи намного выше, чем у других стран, а количество необходимых инвестиций уступает только Саудовской Аравии и Нигерии. Что касается переработки нефти, то прогнозы Катара в этом секторе намного скромнее и ориентированы в основном на дистилляцию. Соответственно и инвестиции намного отстают от других стран и превышают только прогнозы Нигерии и Венесуэлы. Эти прогнозы Катара по развитию нефтяной отрасли могут показаться немного странными, особенно учитывая тот факт, что Катару значительно недостает перерабатывающих мощностей для экспортного и внутреннего производства, так что часть продуктов переработки нефти поступает из газовой отрасли.

Диаграмма 4.
Прогноз стран ОПЕК по инвестированию в добычу нефти
в 2005–2010 годах

Источник: ОПЕК.

Оценка инвестиционного климата

Современный Катар является мощным, динамично развивающимся центром, где сосредоточены интересы ведущих западных стран и их экономических операторов, которых привлекают богатые природные ресурсы и внутривосточная стабильность этой страны.

Геополитический аспект

Геополитические позиции Катара в регионе и в мире основываются на доверительных и союзнических отношениях с США, свидетельством чему является завершение строительства крупнейшей в Заливе военно-воздушной базы США в 2002 г. Кроме того, в эмирате также размещен штаб Объединенного центрального командования ВС США (СЕНТКОМ), на создание которого ушло более 1 млрд. долл. Своим присутствием американцы обеспечивают «зонтик безопасности», и de-facto Катар находится под протекторатом США.

Однако несмотря на американскую защиту, внешняя политика Катара характеризуется максимальной сбалансированностью, в эмирате объективно пересекаются интересы многих других промышленно развитых государств и их экономических операторов, активно осваивающих углеводородные ресурсы региона. Развивая сбалансированные отношения со всеми странами и привлекая иностранные компании в свою экономику, эмират решает наиболее актуальные проблемы региональной безопасности, перекладывая их частично на плечи своих политических и экономических партнеров.

Одной из потенциальных внешних угроз Катара экспертами называется Иран. В северной части приграничной территории Катара расположено одно из крупнейших в мире газовых месторождений, которое соединено с крупным иранским резервуаром природного газа. В последние годы власти Катара планируют приступить к освоению этого месторождения, однако еще в 2004 г. руководство Ирана призвало воздержаться от этого. В противном случае Иран пообещал найти «иные пути решения этого вопроса». Исходя из этого, многие наблюдатели отмечают, что угроза конфликта между Катаром и Ираном является весьма высокой.

В то же время реальные и насущные проблемы у Катара возникали со своими арабскими соседями, многие из которых не сразу поддержали приход к власти нового эмира в результате ненасильственного переворота в 1995 г. Так, уже длительное время отношения между Катаром и Саудовской Аравией характеризуются как напряженные: Эр-Рияд не раз срывал крупные региональные экономические проекты, инициированные Дохой (строительство газопровода Катар-Кувейт, возведение дамбы Катар-ОАЭ). Кроме того, из-за разногласий между двумя странами в 2005 г. было распущено 20-тысячное совместное воинское подразделение «Щит полуострова», призванное решать задачи обеспечения региональной безопасности.

С другими малыми арабскими княжествами Катар старается поддерживать взвешенные отношения в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), внутри которого запущены совместные оборонные и экономические инициативы, одна из которых предусматривает создание валютного союза к концу 2009 г. В 2003 г. страны-члены ССАГПЗ образовали единое таможенное пространство⁸.

На региональной и межарабской аренах Катар выступает последовательным сторонником демократизации и либерализации общественно-политической жизни. При этом эмир Катара не раз выступал с «обличительными» речами в адрес руководства арабских стран, обвиняя их в коррупции и nepoтизме. Одним из инструментов межарабской политики Катара является спутниковый телеканал «Аль-Джазира», который претендует на всестороннее и прозрачное освещение аспектов общественно-политической ситуации в арабо-мусульманском мире. Такое внешнеполитическое позиционирование Катара ведет к обострению его отношений не только с ближайшими соседями, но и с большинством арабских стран, которые обвиняют катарские власти в тенденциозности, двойных стандартах и исполнении политических заказов, поступающих из США.

Пожалуй, в этом есть доля правды. Ведь свобода слова на телеканале «Аль-Джазира» и вообще в катарских СМИ не такая уж и неограниченная: некоторые темы, касающиеся внутренних проблем Катара, – «табу» для журналистов.

Обстановка в Ираке, а также развитие ситуации вокруг Ирана будут оказывать непосредственное влияние на Катар. Во-первых, развитие ситуации в этих странах по кризисному сценарию может затронуть стабильность в соседних государствах, особенно в среде многочисленной шиитской общины в них, и вызвать эффект цепной реакции, которая наверняка докатится и до Катара. Во-вторых, боевики, направляющиеся в Ирак и возвращающиеся из него, могут время от времени представлять прямую опасность для внутривосточной стабильности Катара и безопасности его подданных.

Экономический аспект

На протяжении последних нескольких лет экономика Катара стремительно развивается и уже превратилась в одну из самых динамично растущих в мире. В номинальных ценах увеличение ВВП Катара фиксируется в двузначных цифрах – в среднем 18–20% в год, начиная с 1999 г. За период 1999–2006 гг. экономика эмирата увеличилась в три раза. Динамика экономического роста за последние два года также положительна. В 2005 г. рост ВВП составил 33%, в 2006 г., по имеющимся прогнозам, достигнет 27%. По итогам 2007 г. произошло 17%-ное увеличение ВВП.

Основной источник экономического роста – нефтегазовая отрасль (60% ВВП), производство в которой увеличивается в денежном выражении благодаря благоприятной мировой конъюнктуре нефтяных цен. Так, в 2005 г. нефтегазовый сектор продемонстрировал рост в 46%, в то время как все остальные отрасли увеличили свое производство на 18%. В 2006 г. эти показатели, по прогнозным данным, составят 29% и 23% соответственно, а в 2007 г. – соответственно 14 и 20%.

В то же время стремительный экономический рост Катара сопровождается ускорением инфляции. В 2005 г. ее уровень составил 8,5% – наивысший показатель с 1981 г. В качестве причин ускорения роста внутренних цен называются мировое падение курса доллара, к которому привязан катарский риал, а также «бум» на рынке недвижимости.

Несмотря на высокую инфляцию, фискальные и финансовые показатели Катара остаются устойчивыми. Бюджет страны ежегодно сводится со значительным профицитом в размере 13–15% ВВП, что объясняется тем, что в его основу закладывается крайне низкий уровень цены на нефть.

С 2004 г. суверенный кредитный рейтинг (агентство Standard & Poors) Катара стабильно держится на уровне «А+», что характеризуется как «умеренно высокая способность своевременно и полностью выполнять свои долговые обязательства, однако при большой чувствительности к воздействию неблагоприятных перемен в коммерческих, финансовых и экономических условиях».

Катар активно стремится диверсифицировать свою экономику, чтобы снизить ее зависимость от нефти. Одним из главных локомотивов, стимулирующих соответствующую инвестиционную активность, является государство, которое избрало в качестве приоритетного направления всестороннее развитие газовой отрасли. При этом руководство страны планирует поощрять хозяйственную активность и в других секторах экономики, в том числе с участием иностранных инвесторов. В апреле 2006 г. министр финансов и торговли объявил, что в ближайшие пять лет Катар рассчитывает привлечь 130 млрд. долл. иностранных капиталовложений, из которых 80 млрд. пойдут в газовую отрасль, 20 млрд. – на развитие туризма, 10 млрд. – на развитие инфраструктуры и еще 10 млрд. – в другие хозяйственные проекты.

Крупнейшими инвестиционными проектами в газовой отрасли являются строительство газопровода в ОАЭ, а также

планы провести отдельную газовую трубу в Кувейт, Бахрейн и Пакистан. Кроме того, правительство заключило контракты с иностранными компаниями («Oryx», «Shell», «ConocoPhillips», «ExxonMobil», «Chevron» и др.) на создание совместных предприятий по производству СПГ, а также синтетических видов топлива на основе природного газа. В настоящее время, однако, руководство страны взяло «паузу» на запуск новых инвестиционных проектов в газовой сфере.

С целью поощрения активности частного сектора правительство последовательно осуществляет приватизацию государственных предприятий. За последние 10 лет на местный фондовый рынок были частично выведены акции компаний коммунальной сферы, телекоммуникационной отрасли, топливозаправочных станций, производства удобрений и нефтехимии. В 2004 г. завершена реструктуризация Катарской газотранспортной компании, а на бирже размещены 60% ее акций. Благодаря этому удалось привлечь рекордные 3,8 млрд. долл., а сама компания стала крупнейшим объектом купли-продажи частных инвесторов на фондовом рынке.

Положение иностранных инвесторов

С 2000 г. в Катаре внесен ряд изменений в законодательство по регулированию иностранных инвестиций, что привело к снижению юридических барьеров на пути доступа иностранных инвесторов на местные рынки. Правительство обещало продолжить процесс либерализации, однако изменения затягиваются. Местные законы полностью признают частную собственность и контрактные обязательства, тем самым риски экспроприации очень малы, хотя судебная система в Катаре работает медленно, а административные методы разрешения споров ограничены.

Несмотря на недавние изменения, в стране отсутствует эффективный закон о конкуренции, а иностранные инвесторы изначально поставлены в неравные условия по сравнению с национальными операторами.

В правовой системе Катара зафиксировано дискриминационное отношение к иностранным инвесторам, чьи права ограничиваются по сравнению с катарскими компаниями. Это, например, касается процедур заключения государственных контрактов на выполнение подрядных работ, для участия в которых иностранный партнер обязан работать на местном рынке

через катарского агента. Кроме того, иностранцы не могут приобретать недвижимость в собственность, лишь недавно им было разрешено брать в долгосрочную (99 лет) аренду жилые помещения и только в специально отведенных районах (искусственный остров «Жемчужина залива»), а также свободно инвестировать финансовые средства на фондовом рынке. Более того, в отличие от катарских компаний и фирм из стран ССАГПЗ иностранные компании платят все налоги, если только они не действуют в свободных экономических зонах.

Судебная система Катара наименее приспособлена для решения коммерческих споров. Опыт свидетельствует, что арбитражное урегулирование возникающих разногласий в целом допускается по закону, однако разрешение коммерческого спора таким путем, если только это не предусмотрено отдельно в договоре, фактически не практикуется. Поэтому обычно в контрактах договаривающимися сторонами прописывается ссылка на международный арбитраж, к вердиктам которого правительство Катара относится благосклонно.

В сфере инвестиционного законодательства отмечается некоторое движение в сторону повышения привлекательности Катара для иностранных капиталовложений. В принятом в 2000 г. законе большинство отраслей были открыты для иностранных компаний, прописаны некоторые инвестиционные и налоговые льготы для инвесторов.

Кроме того, обещано изменить или снять некоторые дискриминационные нормы в существующем законодательстве, в том числе обязательства иностранных компаний иметь местного агента для работы в Катаре. В то же время вряд ли стоит ожидать, что правительство при нынешней благоприятной макроэкономической ситуации будет смягчать условия вхождения иностранных инвесторов на местный рынок, особенно в том, что касается снятия ограничений на 100%-ное владение активами в ключевых отраслях и тем более в нефтегазовом секторе.

Корпоративные доходы до 26 тыс. долл. подлежат налогом не облагаются. Доходы свыше 1,35 млн. долл. облагаются по максимальной ставке – 35%.

Корпоративные доходы нефтегазовых компаний облагаются 50%-ной налоговой ставкой. Кроме того, они также выплачивают государству 12,5% роялти. Однако большая часть иностранных энергетических компаний, инвестировавших свои ка-

питалы в совместные проекты в Катаре, добились одобрения различных обходных схем налогообложения.

Как правило, решение об этом согласуется лично с эмиром Катара, а его суть зависит от «национальной значимости сделки». Обычно вне рамок налоговой системы Катара создаются специальные параллельные структуры с заранее оговариваемой нормой прибыли, в которых правительству полагается определенная доля отчислений. В любом случае согласование налоговых льгот должно происходить до подписания контракта.

Налоговые каникулы, льготы и послабления будут применяться на системной основе в отношении иностранных юридических лиц в специально отведенных свободных зонах. В запускаемой в настоящее время Свободной инвестиционной зоне фирмы, работающие в неэнергетических секторах хозяйства, освобождаются от уплаты налогов на 20 лет. Площадка свободной зоны расположена в районе нового международного аэропорта Дохи. В случае успеха этого проекта правительство намерено создать дополнительно 5–7 подобных зон.

Физические лица не платят подоходный налог в Катаре. В то же время иностранцы в отличие от катарских подданных оплачивают медицинские услуги, предоставляемые государством, а также пошлины за получение документа на жительство, на работу и на выезд из страны. Зачастую оплата этих пошлин организуется не на индивидуальной основе, а через компанию-работодателя.

В Катаре отсутствуют какие-либо отчисления из зарплат на социальные услуги. Нет налога на добавленную стоимость, налога с продаж и каких-либо акцизов на товары. Нет также налога на недвижимость или налога на подарки.

* * *

В целом инвестиционному климату в Катаре не хватает прозрачности, однако это объясняется не высоким уровнем коррупции, а целенаправленной политикой властей по поддержке и стимулированию национального бизнеса. Предоставление контрактов, а также инвестиционных льгот не систематизировано и зачастую осуществляется в зависимости от случая и произвольного решения чиновника. Подобная ситуация во многом объясняется тем, что Катар сравнительно недавно приступил к экономическим преобразованиям и практическим шагам по либерализации условий хозяйствования.

¹ World Economic Atlas 2006, World Oil and Gas Review, ОПЕК.

² See: Congress Library – Country study.

³ В данные включены объемы реэкспорта и экспорта нефти с СПГ-станций.

⁴ По данным интернет-ресурса: www.mofa.gov.qa

⁵ По данным организации ОПЕК.

⁶ Здесь и далее в абзаце приводятся данные организации ОПЕК.

⁷ Как чистый природный газ, так и газ, идущий совместно с нефтью.

⁸ См. об этом подробнее: *Бирюков Е.С.* Страны ССАГПЗ на мировых рынках финансовых услуг. – М.: Изд-во «Экономика», 2007.

Г.Г.Косач

АРАБСКИЙ МИР:
ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРУКТУРА
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Арабский мир – конструкт или, если использовать выражение современного арабского исследователя, «зыбкая и текучая данность»¹, что в равной мере относится как к идее арабской идентичности, так и к практике ее воплощения в реальности существования и арабского геополитического пространства (политически объединяемого Лигой арабских государств – ЛАГ), и арабского этнического сообщества. Условность границ государств, обычно определяемых в качестве арабских, определяется чаще всего тем, что контролируемая ими территория возникла как итог мощного воздействия извне, со стороны европейских держав, а не внутренних процессов, что, в свою очередь, делает неопределенными «внешние» границы самого арабского мира. Даже если на те или иные территории современных арабских государств и не было распространено европейское политическое управление (Саудовская Аравия или Северный Йемен тому наиболее яркие примеры), то возможность их сохранения в качестве независимых образований, а порой и осуществлявшейся (как это было в саудовском случае) их правителями территориальной экспансии в решающей степени зависела от действовавшей на Ближнем Востоке ведущей нерегиональной силы времени 1920–1940-х гг. – Великобритании. С другой стороны, сама же территория этих государств достаточно часто является местом проживания человеческих групп, которые не всегда квалифицируют себя в качестве арабских, вне зависимости от того, стало ли это проживание побочным результатом процесса становления соответствующей территории или последующего (уже в эпоху после обретения политической самостоятельности) формирования в ее пределах неарабских этнических движений.

I

Тем не менее «общеарабская» национальная идея, идея «арабизма» – реальность. Как, с другой стороны, является реальностью и основанный на этой идее «общеарабский» этнический проект.

Идея «арабизма – аль-уруба»² есть некая претензия на выражение интересов провозглашаемой исторически устойчивой человеческой группы, идентифицируемой как *арабская нация* (*аль-умма аль-арабийя*), объединенной общим, восходящим к Корану *литературным* языком и созданной на его основе *арабской* (понимаемой в качестве надконфессиональной и пренебрегающей существующими государственными границами) культурой, общим самосознанием и психологией. Определяя понятие «аль-уруба», один из наиболее ярких представителей «общеарабской» национальной мысли Саты Аль-Хусри писал в начале 1950 г. в работе «Арабизм прежде всего (*Аль-Уруба аввалян*)»: «Арабизм – принадлежность к географическому пространству – “арабской родине” и обращение к арабскому языку в качестве языка общения и взаимопонимания. Арабизм – выше религиозной ограниченности. Он не связан только лишь с жителями Аравийского полуострова или мусульманами. Арабы – это все, кто живет в арабских странах и говорит по-арабски, будь они египтянами, кувейтцами или марокканцами, мусульманами или христианами, суннитами или друзами, католиками, православными или протестантами. Все они – дети арабской нации до тех пор, пока связаны со странами арабского мира и говорят на арабском языке».

Эта «нация» квалифицируется как *вечное*, всегда существовавшее и внутренне *единое* сообщество, обладающее *естественным* и однажды бывшим *единым* (апелляция к *золотому* прошлому, времени *арабских* халифатов, здесь принципиальна) пространством собственной жизнедеятельности – *арабским отечеством* (*аль-ватан аль-арабий*), границы которого простираются «от Океана (Атлантического – Г.К.) до Залива»³ (Персидского – Г.К.). В силу привходящих обстоятельств – итога действий внешних по отношению к региону «колониальных» сил (в первую очередь европейских держав-метрополий, но также и «турецкой» Османской империи) «арабское отечество»

не было обрaмлено фиксирующим его единым *государственным* образованием, став совокупностью *страновых (аль-актар⁴)* суверенных государств. *Народы*, проживающие в этих «страновых» государствах, принадлежат «арабской нации». Задача арабского *национального* движения, его *миссия (ар-рисаля)* – воссоздание *единства (аль-вахда)* арабов. Методы этого воссоздания варьируются от требования немедленной (и порой насильственной) ликвидации разделяющих «отечество» внутренних границ до обеспечения координации действий «страновых» государств.

Однако идея «арабизма» в качестве пути к созданию политически единого сообщества по своему внутреннему содержанию значительно шире. Ее центральным звеном выступает реализация *национального возрождения*, – едва ли не разрыв с предшествовавшими ей способами организации арабских обществ и основами их жизнедеятельности. Этим обществам следует придать новое структурное оформление. Если в пределах «арабского отечества» (подспудно заявляют ведущие идеологи разных течений «арабизма») когда-либо и возникнет спаянное и ориентированное на *национальные* идеалы сообщество, то оно будет адекватно нациям Запада. Но как создать это по-новому сконструированное сообщество?

Идея «арабизма» всегда обрaмлялась *социально*, и каждый раз это «социальное» начало специфически артикулировалось: просвещение народа, его мобилизация на противостояние внешней силе или решение задач социальной и экономической модернизации общества, оставаясь призывом и практикой *сотрудничества, содружества, солидарности* всех страт, слоев и общественных групп. Именно эти представления и лежали в основе арабского термина, обычно понимаемого как *социализм – аль-иштиракийя*.

Наконец, идея «арабизма» содержала в себе и третий – *цивилизационный* – элемент, который, как и социальная идея, был инструментом реализации задачи *национального возрождения*. Если арабское сообщество должно стать адекватным нациям Запада, то это означает, что оно обладает жизнеспособной цивилизационной *матрицей*. Если на Западе такой матрицей было греко-римское прошлое Европы, то в арабском мире – наследие местной культуры. Эта культура отнюдь не всегда и не во всех случаях ассоциировалась с исламом, но слишком часто провозглашалась уходящей в доисламские глубины истории, когда «араба-

ми» объявлялись, по крайней мере, семитоязычные (что, впрочем, не всегда относилось к древним Израилю и Иудее) жители Ближнего Востока, хотя «арабская» принадлежность, в частности, аккадцев, ассирийцев и арамейцев – неоспоримая данность. В этой связи не менее принципиально и другое обстоятельство: «арабский» этнический субстрат был «внесен» в регион Северной Африки, когда уже исповедовавшие ислам значительные человеческие массы перемещались с территории своего традиционного проживания в Египет и в дальнейшем – в направлении Магриба и Пиренейского полуострова.

Даже поверхностный взгляд на резюме «национальной» доктрины заставляет увидеть в ней миф.

Арабский «литературный (*аль-фусха*)» язык – явление позднее, появившееся как итог вызванного европейским вызовом многогранного процесса модернизации (включившего и лингвистическую сферу) времени двух последних столетий, что означает, что любая попытка полного соотнесения языка Корана и средневековых текстов с нынешней, фиксируемой письменно нормой этого языка выглядит по меньшей мере неплодотворно. Но и сама возможность параллели между «литературным» языком и языком Корана оспаривается арабскими христианами, вовсе не стремящимися видеть в *аль-фусха* некое *мусульманское* начало. Более того, все та же «литературная» норма современного арабского языка представляет собой совокупность появившихся во многом самостоятельно (не только не совпадающих, но и все еще формирующихся) норм в различных регионах арабского мира. В арабских странах остро стоит вопрос и о соотношении этих письменных литературных норм и живого *диалектального* арабского языка, выступающего в качестве единственного инструмента разговорной коммуникации на уровне различных «страновых» государств. В свою очередь, границы «арабского отечества» и территории халифатов никогда не совпадали, что, в частности, означает, что из «арабо-мусульманской» культуры всегда изымались значительные пласты восходящего к раннему времени распространения ислама цивилизационного наследия. Другие же пласты того же наследия успешно оспариваются у арабского этнического проекта иными национальными движениями, действующими в ареале распространения исламского вероучения.

Конечно же, арабские «национальные» авторы уточняли предложенную ими матрицу, внося в нее порой существенные

детали: «Первоначально понятие “арабское отечество” относилось лишь к Аравийскому полуострову, – писал один из них, – затем включило в себя арабскую Азию, где и возникло современное арабское национальное движение, и только в дальнейшем это понятие было распространено на Северную Африку»⁵. Сам же вывод и основанная на нем идея «арабизма» незыблемы, – они необходимы для построения мифологии «отечества» как обоснования сегодняшней (но осмысляемой также и в качестве будущей) политической реальности.

Вместе с тем «национальная» мысль неизменно ощущала существующие в этой реальности внутренние зазоры. «Арабское отечество», по уже цитировавшимся словам все того же автора, «зыбкая данность» потому, что арабский регион «не имеет четкого научного определения, идентичного понятию “Китай”, “Япония”, “Франция” или какому-либо иному термину другой национальной географии. «Определение “отечество”, – продолжал он, – используемое современными арабскими национальными авторами, демонстрирует, скорее, единство судеб группы людей, квалифицируемой как “арабское сообщество”, но не целостную совокупность определенного географического местоположения». Территория «отечества» может сокращаться, – из него изъят «Александреттский санджак и Арабистан»⁶. Впрочем, равным образом эта территория способна расширяться: еще недавно, – пишет тот же автор, «Сомали, Мавритания и Джибути не были частью арабской политической географии». Стоило бы добавить, что речь не идет только об этих нынешних членах ЛАГ, – в этой организации представлена и Республика Коморские острова. Но в «отечество» гораздо раньше вводились все теми же европейскими метрополиями (и только впоследствии осмыслялись в качестве «арабских») и другие территориальные единицы (шиитский юг и курдский север современного Ирака, Судан, внутренние территории современного Алжира), – дополнительное доказательство того, что «арабское отечество» не только «зыбко», оно «бесконечно текуче, оно – движение»⁷.

Это качество «арабского отечества» вовсе не означает, что для национальной мысли оно перестает быть реальностью. Напротив, реальность арабского геополитического сообщества скреплена его «местоположением» и вытекающими из этого обстоятельства последствиями, – «отечество» – «стратегически важная равнинная сердцевина мира», *хартленд*, постоянно привлекающий взоры «окружающих его и враждебных ему со-

седей». Далее этот автор продолжал: «Равнинное арабское отечество не защищено мощными естественными преградами. Эти преграды (турецкое Анатолийское и иранское Персидское нагорья, как и эфиопское Абиссинское нагорье) защищают не арабское отечество, а его соседей. Пространство арабского отечества ограничено границами этих соседей и их естественными пределами. Оттуда на арабский регион не раз, со времен древнего Ближнего Востока и до эпохи османского государства обрушивались волны разрушавших все на своем пути азиатских кочевников. Равнинная специфика арабского региона оказалась вставшим перед Ираком препятствием в ходе войны с Ираном. Равнинный характер региона позволяет израильским военно-воздушным и сухопутным силам направлять свои удары по арабскому миру, лишая арабское сопротивление необходимого ему прикрытия местности»⁸. Равным образом срединное положение «арабского отечества» – причина «захватнических устремлений великих держав»⁹, проявляющихся, в частности, и через «направляющиеся в регион миграции людей» (эволюционируя, феномен арабского национализма пополнял первоначальный список внешних угроз, включая в него сионизм и основанный на сионистском же этническом проекте Израиль), стремящихся установить (или восстановить) политический контроль над арабским миром.

Однако это объединяющее арабов «отечество» несет в себе отчетливо видимый негативный оттенок (связанный с тем, что провозглашаемое национальной мыслью в качестве реальности явление существует только потому, что оно является предметом вождельных внешних сил), а это означает лишь, что процесс этнической мобилизации в масштабе «зыбкого» пространства не может быть успешным. «Национальный» автор, по сути дела, пессимистичен: «В конечном итоге, национальный дух нуждается в четко очерченном географическом отечестве, где он и будет способен к самореализации. Это отечество он сможет решительно защитить только тогда, когда оно будет окончательно демаркировано»¹⁰. Его пессимизм оправдан, – только дважды в XX веке практика действий в направлении достижения «национального» единства увенчалась (но лишь временным) успехом.

Первая из этих попыток во временном отношении сравнительно далека – *великая арабская революция* 1916 г. (едва ли, однако, не инициированная Великобританией ради разгрома

Османской империи), когда «арабо-сирийские» националисты пытались, опираясь на *хашимитских* правителей Хиджаза, приглашенных ими на трон в Дамаске, создать «арабское» государство в пределах «исторической Сирии», включая часть Ирака и Хиджаз. Сегодня это – элемент современной арабской исторической мифологии. Речь не идет лишь о том, что этот эксперимент полностью зависел от достижения англо-французского стратегического согласия в этой части современного арабского регионального пространства. Более существенно другое обстоятельство, – то, что националисты «исторической Сирии» называли тогда «арабским» государством, было явлением, способным (но только потенциально) реализовать себя в крайне узких географических границах, и не имело никакого отношения к большей части Аравийского полуострова и к Северной Африке. Впрочем, в состав его территории не должна была войти большая часть современного Ирака, Йемен, как и нынешние «малые» арабские политические образования, расположенные на западном побережье Персидского залива.

Вторая же попытка достижения национального «единства» была связана с укреплением роли насеровского Египта как ведущего регионального «центра силы», совпавшим с необходимостью положить конец вспшке центробежных тенденций во внутривосточной жизни Сирии. Оба этих обстоятельства вызвали к жизни египетско-сирийское «органическое единство» эпохи 1958–1961 гг. и, как его итог, недолговечную Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Но этот объединительный эксперимент ощутимо продемонстрировал жизнеспособность «страновых» государств, – попытка Г.А. Насера ограничить сферу властных полномочий сирийской политической элиты немедленно вызвала реакцию отторжения межгосударственной унии.

Но эта проблема выглядит еще более сложной в силу гетерогенности внутренней структуры арабского геополитического пространства.

II

Чаще всего то или иное из нынешних государств арабского мира обрело свою этническую идентичность (или, иными словами, становилось «арабским»), присоединяясь к ЛАГ, что, в свою очередь, предполагало вступление «страновых» нацио-

нальных движений на определенный этап их внутренней эволюции. Однако документы этой организации ни в коей мере не определяют понятие «арабское государство», делая акцент, скорее, на ином качестве ее членов – их «независимом» статусе. Более того, входящие в Лигу государства не стремятся ограничить себя лишь приобретенным благодаря их вступлению в ЛАГ «арабским» определением. Становясь частью «арабского отечества» (хотя это положение в случае многих из этих субъектов конституционно и не прокламируется), члены Лиги в равной мере остаются Сирией, Египтом, Марокко, Коморскими островами или Бахрейном. Часто (но это правило не обходится без, порой, существенных исключений) граждане этих государств провозглашаются «арабскими народами», в свою очередь, составляющими «арабскую нацию». Однако «жизнеописания» этих государств и, соответственно, населяющих их человеческих сообществ едва ли не каждый раз доказывают, что они куда как более древни, чем и «арабское отечество», и «арабская нация».

«Арабский» Ирак – «местоположение шумерской, вавилонской и ассирийской цивилизаций», подспудно понимаемых как псевдонимы его шиитского, суннитского и курдского населения¹¹. В свою очередь, Сирия не только «трепещущее сердце арабизма», но и страна, где правила царица Пальмиры Зенобия и где в Угарите «возник древнейший алфавит, давший начало греческой азбуке» (впрочем, для версии ливанского «жизнеописания» этот алфавит появился в Библиосе-Джубейле). Египетское государственное сообщество невозможно без апелляции к наследию «фараонов». Осью ливанской внутривосточной жизни всегда было противостояние между «арабской» самоидентификацией мусульманских (но также православных и греко-католиков) этноконфессиональных общин и «ливано-финикийским» выбором маронитов, значительно снижающим роль арабского языка в жизни этого элемента ливанского сообщества. Наконец, «тунисская нация» обращена к «эпохе Карфагена», а ее «арабизм» – не более чем одна из составляющих «туниССкой личности». Присутствуя в «жизнеописаниях» государств ЛАГ, «арабизм» чаще всего – однажды приобретенный, хотя и, несомненно, важный, компонент их идентичности.

Принципиально важный элемент арабской мифологии – «великая арабская революция» и попытка создания национальной государственности со столицей в Дамаске кажется

важным только для Машрика. Если цветовые гаммы флагов государств, появившихся в пределах «исторической Сирии», и повторяют ее знамя, то в полной мере это относится только к Иордании (где правит собственная ветвь хашимитской династии) и Палестинской национальной администрации. Но эта гамма отброшена в Ливане и переосмыслена (в том числе, и с точки зрения ее интерпретации) в Сирии и Ираке. Ее не полностью повторяют флаги Египта и Йемена, но воспроизводят флаги Кувейта (с особой историей обретения им политической самостоятельности, как и притязаний на его территорию со стороны соседнего Ирака) и Государства Объединенных Арабских Эмиратов (впрочем, в этом случае речь идет о федерации, каждый из членов которой располагает собственными государственными символами).

Тогда какова внутренняя структура арабского мира? Возможно ли понять ее, опираясь на феномен самоидентификации составляющих его государственных образований? Существуют ли, с одной стороны, в границах этого конструкта некое центральное звено, а с другой, периферия? Какова эта периферия, и как она соотносится с центральным звеном соответствующего геополитического пространства? Наконец, в какой мере с точки зрения своей внутренней структуры арабский геополитический конструкт может рассматриваться как устойчивое явление?

Начиная с 1944 г., объединяемое ЛАГ геополитическое пространство имело тенденцию к своему последовательному расширению, но, порой, действительно, если обратиться к уже цитировавшемуся автору, теряло некоторые свои элементы – не только Александреттский санджак и «Арабистан», но и значительную часть Палестины, как и острова в зоне Персидского залива, еще и сегодня рассматриваемые как территория осуществления «арабского» этнического проекта. Впрочем, тенденция потери отдельных частей «арабского отечества» и населяющих эти части «арабских» же народов является реальностью сегодняшнего дня, если иметь в виду ситуацию, по крайней мере, Ирака и Судана. Тем не менее с момента создания ЛАГ основавшие ее государства, кажущиеся «центром» арабского геополитического пространства – «арабского отечества», постепенно обретали свою периферию.

В рамках этой периферии, если исходить из идеи самоидентификации, возникал ее наиболее удаленный от этого центра «маргинальный пояс» – определение, которое может

быть с достаточным основанием отнесено к Сомали, Джибути, Мавритании или Республике Коморские острова. Обращение этих «маргиналов» – беднейших стран современного арабского геополитического пространства к «арабской идее» было итогом деятельности тех или иных групп местных «правлящих классов», благодаря чему эти государства могли обрести (и сохранить) статус субъектов международных отношений или, вступив в ЛАГ, получить гарантии внутривосточной стабильности, а также финансовую помощь со стороны ведущих членов этой организации. В любом случае вступление этих государств в ряды «общеарабской» региональной организации вряд ли определялось их принадлежностью к ареалу «арабской» культуры, – если их что-либо и связывало с «арабским» центром, то эта связь вытекала из их принадлежности к миру ислама.

Но и в границах ближайшего к странам-основателям пояса «периферии» идея «арабской» культуры все так же не может быть распространена на значительные группы объединенных местными государствами человеческих сообществ. Даже более того, эта идея слишком часто категорически отвергается претендующими на выражение интересов этих групп политическими партиями и движениями. Примеры этой ситуации очевидны – суданский Юг и Дарфур, берберы, по крайней мере, двух магрибинских стран – Алжира и Марокко. Впрочем, даже если во «внутреннем» Омане претендовавшие на свой социальный характер политические движения и не провозглашали своей целью сецессию, в их деятельности подспудно присутствовал этнический мотив, оправдывавший себя «непричастностью» к «арабской» идее. И не был ли южнотиморский «социализм» (при всем многообразии его связей с одним из социально окрашенных «общеарабских» движений, как и его прежде всего левыми палестинскими осколками) проявлением «периферийности» этого ушедшего в прошлое государства в контексте «общеарабского» геополитического пространства?

III

Идея самостоятельности «арабской» идентичности или нахождения магрибинских стран в поясе «ближайшей периферии» называющего себя «арабским» геополитического пространства всегда присутствовала в воззрениях основателей местного на-

ционального движения. Его ведущая фигура – Алляль Аль-Фаси был абсолютно откровенен, подчеркивая еще в конце 1930-х гг., что «страны Магриба *связаны* (подчеркнуто мною – Г.К.) с Ближним Востоком и расположенными там центрами Божественного откровения только огромной пустыней». Продолжая свою мысль, он говорил: «Марокканец на всех этапах развития его страны никогда не подчинялся внешней, а только национальной власти. ... Он принял ислам, но отказался подчиниться Аббасидскому халифату, как и халифату Омейядскому, правившему рядом с его страной – в Андалусии»¹².

В равной мере и сегодня, идентифицируя марокканское государство, его конституция всего лишь подчеркивает статус арабского языка в качестве «официального» средства коммуникации (ислам, конечно же, провозглашается «государственной религией») и называет страну «частью Великого Арабского Магриба»¹³. Но эта ситуация имеет отношение и к Алжиру, – действующая конституция этой страны подчеркивает, что «принципиальными составляющими ее идентичности выступают ислам, арабизм и *амазигизм*¹⁴», а Алжир в этом контексте – «страна ислама, интегральная часть Великого Магриба и арабская страна»¹⁵. В свою очередь едва ли не идентично определяется и Тунис: «религия Туниса – ислам, его язык – арабский», а «Тунисская Республика составляет часть Великого Арабского Магриба», ее народ «принадлежит к арабской семье»¹⁶. Африканская идентичность Ливии провозглашается основополагающим элементом ее государственной политики.

Однако и на Востоке арабского мира ситуация вовсе не выглядит отличной от той, которая существует на его Западе. Катар всего лишь «независимое и суверенное арабское государство»¹⁷, как и Оман – «полностью суверенное, независимое арабское и исламское государство»¹⁸. Конституции этих двух стран недвусмысленно игнорируют их принадлежность к «арабскому отечеству». Впрочем, и бахрейнская конституция делает акцент на принадлежности Королевства Бахрейн, в первую очередь, к «региону» его местоположения в его качестве единого целого, лишь затем входящего в искомое «отечество»¹⁹. Равным образом это относится и к Кувейту – «независимому, полностью суверенному арабскому государству», хотя «народ Кувейта» и провозглашается «частью арабской нации»²⁰. Но и важнейший конституционный акт одного из государств-основателей ЛАГ современной Саудовской Аравии – принятый

в начале 1990-х гг. Основной закон правления не упоминает ни «арабского отечества», ни принадлежности проживающего на территории королевства человеческого сообщества к «арабской нации». Этот конституционный акт всего лишь подчеркивает, что «Королевство Саудовская Аравия – полностью суверенное арабское и исламское государство, религией которого является ислам, конституцией – Книга Всевышнего Господа и Сунна Его Пророка, а языком – арабский язык»²¹.

Существует, тем не менее, и иной показатель «периферийности» ближайшего к странам-основателям ЛАГ пояса арабского мира. Он выражает себя в создании собственных региональных организаций (вне зависимости от уровня их жизнеспособности или апелляции к «общеарабскому» организационному центру). Если речь идет о магрибинских государствах, то это Союз арабского Магриба. Если же вопрос касается восточной оконечности арабского геополитического пространства, то это Совет сотрудничества арабских государств Залива. Ведущая (хотя и оспариваемая другими членами этой организации) роль Саудовской Аравии в составе Совета сотрудничества, провозглашение зоны Персидского залива основным полем внешнеполитической деятельности саудовского королевства – все это ставит вопросы, касающиеся, в том числе, и того, как сочетаются «общеарабский» и регионалистский мотивы (имея в виду и то, как это государство определяет его Основной закон правления) в самоидентификации Саудовской Аравии.

Иными словами, и государства-основатели ЛАГ – центральное звено «арабского» геополитического пространства обладают качествами внутренней «периферийности». Они все так же легитимируют свое существование уходящим в глубины «неарабской» (или выдаваемой за «арабскую») истории «жизнеописанием». Их «государственно-арабская» самоидентификация (в саудовском случае едва начинающая конкурировать с мусульманской, но уже пытающаяся включить в свой политический дискурс и важнейший памятник набатейского присутствия на территории Хиджаза – Мадаин-Салех) ни в коей мере не скрывает присутствия в составе их «арабских народов» порой достаточно значимых человеческих групп, отнюдь не стремящихся к тому, чтобы ощущать свою культурную принадлежность к миру «арабской нации».

Речь здесь вовсе не идет лишь о значительных иноязычных вкраплениях, представленных, в частности, курдами, ассирий-

цами Ирака и Сирии или относительно существенным армянским сообществом Ливана, в действиях которых очевидны политическая устремленность к сецессии от провозглашающего себя «арабским» государства или, по крайней мере, желание добиться административной автономии, как и всемерное поддержание «национальной» идентичности. Вопрос связан, в том числе, и с хотя и арабоязычными, но далекими от «арабского» проекта прошлого и настоящего и в малой степени ассоциирующими себя с идеей «арабской» культуры шиитскими сообществами Ирака, Ливана, Саудовской Аравии, предпочитающими говорить в лучшем случае не о своей «арабской», а соответствующей «государственной» идентичности. Впрочем, и вопрос об «арабской» идентичности египетских коптов не кажется сегодня окончательно решенным, а сама эта идентичность также выглядит как апелляция к египетской государственности.

Присутствие «периферийного» начала в списке характеристик стран-основателей ЛАГ доказывается и фиксируемым конституционными актами этих стран (в этом отношении сопоставимыми со странами обоих поясов «арабской» периферии) их статусом «суверенных государств». Этот статус всего лишь оттеняет те или иные формы их связей с «арабским отечеством», что, в свою очередь, превращает национальные сообщества этих стран во все так же «суверенные народы» (здесь существенны и ощутимые различия между местными вариантами «единого» литературного языка арабского мира). Местная «арабо-государственная» идентичность становится конкурентом «общеарабской» идеи. Более того, эта идентичность – важнейшее орудие ликвидации «периферийности» в странах-основателях ЛАГ, которая воплощается во внутренних центробежных тенденциях регионального, религиозного или этнокультурного партикуляризма, а также в традиционных формах лояльности. Искореня эти тенденции, «арабо-государственная» или «страновая» идентичность формально направлена на достижение «общеарабского» единства. Но «арабо-государственный» национализм, уничтожающий партикуляристские тенденции, создает «государственно-арабские» нации, вновь и вновь воспроизводя феномен «периферийности», если иметь в виду, что «арабский» проект прокламирует конечное единство «арабского отечества» и «арабской нации». Эта «периферийность» не преходяща, – ее возникновение и эволюция определяются одновременностью появления «арабо-государственных» на-

ционализмов, разнообразием вызвавших их к жизни причин, а также разнородностью составивших эти национализмы внутренних компонентов.

Если один из таких «арабо-государственных» национализмов впервые и возник в пределах «исторической Сирии», то это не означает, что путь иных арабских государств к выработке ими своей «арабской» идентичности проходил через экспансию «арабо-сирийского» национализма в направлении других регионов нынешнего арабского мира. «Зыбкость» и «текучесть» самого «арабского отечества» предполагают, что феномен «арабизма» возникал не только в границах «исторической Сирии», но и иных регионах современного арабского мира – странах Магриба, на Аравийском полуострове, в уже возникшем Ираке и «долине Нила». Там (а также на большей части самой «исторической Сирии») появлялись суверенные государства, не одновременно и не сразу, а самостоятельно выработавшие формальные аналоги «сирийского» понимания «арабского отечества», как и собственного места, а также роли в этом «отечестве». Самостоятельность действий местных национальных движений или политических элит современных государств создали собственную, соответствовавшую условиям развития того или иного из них трактовку этнонима «араб», как и соответствующую этой трактовке «арабо-государственную» риторику. Но важно и еще одно обстоятельство: «арабо-сирийский» национальный проект был не только ограничен частью пространства современного Машрика, но и не выдержал испытания времени, расщепившись, в конечном итоге, на несколько «арабо-государственных» проектов – собственно сирийский, ливанский, иорданский и палестинский²².

IV

«Общеарабский» этнический проект в его развитой форме – явление позднее, возникновение которого еще продолжающим свое конструирование «зыбким» и «текучим» статусом «арабского отечества». Выступая на разных этапах своей эволюции в качестве фактора сплочения арабского мира, фактора региональной политики (отношения со странами-соседями, включая и Израиль) и политики международной (отношения с ведущими мировыми «центрами силы»), этот проект всего лишь аккумуля-

лировал некоторые представления действующих в арабском сообществе политических игроков (государств, групп политического действия). «Общеарабский» проект отнюдь не всегда мог быть (и в большой степени не является сегодня) результатом консенсуса этих представлений, – многочисленность акторов сообщества и противоречивое многообразие выдвигаемых ими собственных целей и задач представляют собой важнейшее препятствие на пути к достижению этого консенсуса. Да и сама возможность появления этого проекта едва ли не полностью зависела (и зависит) от того, насколько целенаправленно интересы этих акторов были настроены на использование арабской «национальной» идеи. «Общеарабский» проект создает не более чем «абрис» искомого «арабского отечества», демонстрируя не только пытающиеся сплотить это «отечество» центры (возникновение которых всегда определялось не столько идеей «общееарабской» идентичности, сколько обстоятельствами «текучести» арабского мира, воздействия на этот процесс внешних сил, а также возможностями материальной силы в ее самых разнообразных проявлениях), но и столь же отчетливо проявляющуюся «периферию» арабского геополитического пространства.

Это пространство, иными словами, многослойно и многоуровнево, с нечетко различимым центральным звеном и его столь же многослойной «периферией». Более того, это пространство условно и нестабильно. Оно способно создавать многочисленность конкурирующих «центров силы», вовсе не принадлежащих только к государствам-создателям ЛАГ, но и к их ближайшей периферии (роль Катара в урегулировании внутрисуданской или внутривосточной ситуации). Каждый из этих «центров» (с точки зрения тех или иных параметров) может быть ассоциирован с тем или иным государством или политическим движением. Множественность присутствующих на поле «общееарабской» политики игроков связана с созданием наций и строительством национальных государств; многогранность арабского пространства содержит в себе вопросы этнической идентификации, политического конфессионализма (в его разнообразных мусульманских или христианских формах) и регионализма; в его многоуровневости отражается и степень вовлеченности нерегиональных (в том числе и государств-соседей арабского мира) сил в процессы, развивающиеся в границах арабского геополитического пространства.

Однако, претендуя на свой «общееарабский» характер, эти игроки «периферийны», что доказывает градация развивающихся в пределах арабского геополитического пространства конфликтов. Если палестинская ситуация и может (но только с определенной точки зрения) рассматриваться в качестве фактора, воздействующего на формирование «общееарабской» системы межгосударственных отношений, то конфликт в Дарфуре «периферийен», хотя и обретает «общееарабское» измерение, но только в свете его международных последствий, заставляющих арабский мир вырабатывать «единую» политику в отношении этого конфликта. Однако и в первом, и во втором случае (не говоря уже о конфликтных ситуациях прошлых лет) арабский мир не оказывается «единым», а апелляция любого игрока на поле «общееарабской» политики к соответствующей ситуации лишь доказывает стремление этого игрока к решению его собственных государственных ли задач, задач ли, связанных с иным статусом этого игрока (политическое движение или партия), которые, тем не менее, всегда остаются «периферийными».

И все же «общееарабский» этнический проект остается реальностью, постоянно апеллируя к двум важнейшим положениям его «общенационального» дискурса – «арабской нации» и «арабскому отечеству», которые, тем не менее, реализуются в форме «арабо-государственной», «страновой» идентичности, когда появляются «народы арабской нации», соответствующие национальным сообществам государств-членов ЛАГ. При этом возможность взаимодействия между ними легитимизируется ссылками на единство языка, культуры, а ныне – и религиозной принадлежности. Однако эти ссылки – итог процесса, порождённому возникшему и эволюционировавшему в том или ином государстве остающегося аморфным современным арабского мира. Этот мир – «отечество», «абрис» которого далек от того, чтобы быть четким и завершённым. В течение всего времени его становления попытки структурирования этого «отечества» вокруг какого-либо «странового» государства оказывались неэффективными, – национализмы других «страновых» государств были слишком сильны, чтобы в арабском мире мог появиться единственный, «стягивающий» его в реальное геополитическое пространство «центр силы», пользующийся неоспоримым признанием других членов ЛАГ. Отсутствие такого «центра» всегда исключало даже потенциальную возможность становления какой-либо структуры политической иерархии (не говоря уже

о сколько-либо высоком уровне экономического сотрудничества²³⁾ провозглашающих себя «арабскими» государствам.

В лучшем случае современный арабский мир – это совокупность региональных пространств Машрика и Магриба (*историческая Сирия*, Аравийский полуостров и зона Персидского залива, к которой тяготеет юг Ирака, *долина Нила* – Египет и Судан, запад Северной Африки), к которым примыкают расположенные за пределами этих пространств (или на их периферии) маргиналы этого мира. Более того, наличие в границах этих пространств претендующих на роль «центров силы» государств или региональных организаций также не означает, что формирующие эти пространства государства смогли создать собственные структуры политической иерархии или достичь высокого уровня хозяйственной интеграции. «Общенациональная» идея, хотя и легитимирующая существование «арабского отечества», не стала, преодолев сопротивление «страновых» национализмов, средством его сплочения.

Но и «народы арабской нации» – явление аморфное, находящееся на этапе своего формирования в качестве самостоятельных национальных сообществ. В их случае обращение к «общенациональной» идее необходимо для того, чтобы успешнее завершить этот все еще продолжающийся процесс. Тем не менее эта идея, став средством «арабо-государственной» этнической мобилизации, не смогла в полном объеме сыграть возлагавшуюся на нее роль, – изменение параметров развития (Алжир) или внешнее вмешательство (Ирак) способно привести к крушению казавшегося в условиях авторитарного правления прежних лет сплоченным и действительно «национальным» человеческому сообществу. В этом сообществе вновь возникают этнические, конфессиональные и регионалистские разломы, которые ставят вопрос об адекватности «арабизма» как орудия гомогенизации «странового» социума. Реальная практика «арабо-государственной» (как, впрочем, и «общенациональной») этнической мобилизации способна лишь доказать, что «арабская» идея не более чем ориентир для действий в ситуации, когда «страновое», «арабо-государственное» территориальное пространство разрознено и плохо состыковано экономически, социально, а порой и этнически или конфессионально гетерогенно.

Однако элиты (и контрэлиты) арабского мира продолжают обращаться к положениям «общенационального» дискурса

много лет спустя после ухода великих фигур (в первую очередь Г.А. Насера) «арабизма». Меняется лишь аспект обрамления этого обращения, – социальное начало «национальной» идеи постепенно (но не окончательно²⁴⁾) уступает место ее «цивилизационной» нюансировке в ее мусульманском прежде всего оформлении, что внутренне трансформирует и само первоначальное представление об «арабизме» как о надконфессиональной политической идее. Но и сама «цивилизационная» нюансировка идеи «арабизма» не только отражает уже складывающуюся новую действительность (религиозно арабский мир становится гомогеннее), но и подталкивает процесс этой гомогенизации, содействуя росту христианского миграционного потока (вслед за потоком евреев после 1948 и 1967 гг.) за пределы «арабского отечества».

Невозможность же создать иерархизированную структуру огромного геополитического пространства позволяет использовать «общенациональную» идею только для того, чтобы обеспечить единство внешнеполитических действий арабских государств. Идея «отечества» трансформируется: под его «единством» понимается сегодня «единство взглядов, согласие и солидарность между арабскими руководителями»²⁵⁾. В свою очередь, все та же идея «отечества» (несмотря на свою ущербность) остается орудием конструирования «страновых», «арабо-государственных» национальных сообществ.

V

Вместе с тем обращение к положениям «общенационального» дискурса определяется и более важным обстоятельством, – арабское геополитическое сообщество продолжает свою адаптацию к вызовам глоболизирующегося мира. В равной мере это относится даже к тем его государствам, которые, казалось бы (Саудовская Аравия после событий 11 сентября 2001 г. тому пример), всегда видели себя частью ориентированной на Запад системы мирохозяйственных связей.

Этот глоболизирующийся мир (включающий и Израиль) в арабских странах всегда рассматривали как источник неадекватных вызовов. Еще в первой половине 1990-х гг. инициированный в Мадриде процесс ближневосточного урегулирования представал как предпосылка крушения идей «арабского отече-

ства» и «арабской нации». Однако отсутствие сколько-либо ощутимого прогресса в становлении палестинской государственности (вне зависимости от порождающих это отсутствие причин) вновь сплачивает арабский мир, заставляя его (включая и те страны, которые прямо или косвенно поддерживают отношения с Израилем) смотреть на себя как на консолидированное сообщество, считающее своим долгом оказать помощь «палестинским братьям, борющимся против государственного терроризма Израиля» и за создание «собственного (все так же «независимого и суверенного», но «арабского» – Г.К.) государства»²⁶. В равной мере это относится и к Ираку, «единство территории» которого, «суверенитет и независимость» не могут быть предметом дискуссий. Без адекватного решения палестинской и иракской проблем говорить о способности арабского мира принять идею «Большого Ближнего Востока» (включающую налаживание арабо-израильского сотрудничества, открытость национальных экономик и полномасштабное взаимодействие с Западом) непродуктивно.

Становление глобализирующегося мира (после событий 11 сентября 2001 г. и в дальнейшем, после свержения режима С. Хусейна в Ираке) бросает арабскому сообществу и другой, более существенный вызов – требование демократизации. Этот вызов, обращенный на внутривосточные проблемы «страновых» государств, вновь стимулирует мысль о единстве «народов арабской нации»²⁷. Эти «народы», конечно же, способны «обеспечить модернизацию и реформу своих стран и обществ». Но решать эту задачу они будут только на основе «базовых принципов собственной культуры и религии» и при условии, что «мировое сообщество (как подчеркивает один из документов саммита ЛАГ, состоявшегося в мае 2004 г. в Тунисе, и подтверждают соответствующие положения 2009 г. на саммите ЛАГ в катарской Дохе²⁸) удвоит свои усилия в интересах достижения справедливого, всеобъемлющего и окончательного решения арабо-израильского противостояния»²⁹.

Но стоит ли, тем не менее, противопоставлять «общеарабскую» национальную идею (как и «общеарабский» же этнический проект) ее «страновым» или, говоря иначе, «арабо-государственным» вариантам, местным «страновым» национализмам?

Это противопоставление вовсе не кажется продуктивным. Напротив, возникшие под влиянием мощного европейского вызова и существующие только потому, что арабский мир все

еще продолжает входить в сферу действия мирохозяйственных связей и мировой политики, как «общенациональная» идея, так и «арабо-государственные» национальные проекты взаимосвязаны, взаимодополняемы и взаимопроникаемы. Решение задач, стоящих перед любым из «страновых» национализмов, невозможно без обращения к идее, поддерживающей существование всего сообщества. Сама же «общенациональная» идея становится реальностью только потому, что существуют арабские «страновые» проекты. Но проблема не резюмируется лишь этим обстоятельством.

Многослойна не только конструкция арабского национализма, многогранно и поле практики арабского национализма/арабских национализмов. Его характеризует множественность акторов, оно связано с созиданием наций и строительством национальных государств; его многогранность содержит в себе вопросы этнической идентификации, политического конфессионализма и регионализма. В равной степени содержание этого национализма заставляет обращаться к международным соглашениям и ставит вопросы этнических и религиозных меньшинств, выражая себя с помощью широкого спектра дискурса, в котором присутствует обращение к исламской вероисповедной доктрине (как и к христианству, по крайней мере, в его ливано-маронитском случае), идеалы почвеннического или либерального развития или акцент, поставленный на специфике культуры в ее «общенациональном» или «арабско-государственном» – «страновом» варианте. Существование этого поля сегодня едва ли не в первую очередь зависит от успеха процесса модернизации и демократизации и арабского сообщества, в целом, и каждой из составляющих его стран.

Арабский национализм, как и «страновые» – «арабо-государственные» национализмы, – явление не только многогранное, но и далекое от того, чтобы рассматриваться в качестве устоявшегося и в силу этого фиксированного феномена. «Общеарабский» проект или его «арабо-государственные» аналоги (как и соответствующее им «общенациональное» или «страновое» пространство) «зыбки» и «текучи», постоянно трансформируясь в зависимости от развития как региональной, так и международной ситуации и одновременно создавая множество вариантов этнической идентификации. На него накладывают свой отпечаток политические претензии этноконфессиональных и региональных групп элиты. Сохраняя (казалось бы, в не-

изменной форме) свои основные постулаты – «нация», «отечество», «страновое государство», арабский национализм в обоих вариантах своего проявления постоянно варьируется, перебирая не только иерархию «страновых» лояльностей, но и «центров силы» в пределах всего арабского геополитического пространства, а также составляющих это пространство регионов. Наконец, находящееся в постоянном движении внутреннее содержание доктрины «арабизма» – идея «национального возрождения» и ее «социальное» и «цивилизационное» обрамление создает широкий спектр политических партий и движений (в своей основе регионалистских, этноконфессиональных или клановых, даже если они и претендуют на выражение «общенациональных» или «страновых» чаяний), апеллирующих к одной из форм обрамления идеи «возрождения». В итоге национализм окрашивается в «социальные» или «цивилизационные» тона. Сегодняшние (но также и прошлые) носители идеи «национального возрождения» могут представлять как группы «коммунистического», «социалистического» или как сегодня кажущиеся постоянно набирающими силу группы и движения религиозно-исламского действия.

Можно назвать еще одно существенное обстоятельство в связи и с «общеарабским», и «арабо-государственным» – «страновым» национализмом. В свете перемен и на Ближнем Востоке, включая и Северную Африку, и в мире, уже произошедших или способных произойти в будущем, «общеарабский» национализм, а также его «страновые» аналоги будут ставить вопросы, связанные с отношениями между значительной группой современных государств, идентифицирующих себя в качестве «арабских» (а часто и «мусульманских»), и международным сообществом. Сегодня очевидно, что цель этих государств – стать интегральной частью становящегося единым мира. Иными словами, что центральные элементы «общенационального» дискурса, как и основные положения «страновых» национализмов, конечно же, подвергнутся реинтерпретации, что приведет к тому, что в будущем в арабском мире появятся как новые формы этнической идентификации, так и новые подходы к решению проблем развития составляющих этот мир стран. Этот процесс неизбежен, пусть даже сегодня в арабском мире все еще с огромной долей осторожности (причины этого многообразны, вытекающая в первую очередь из развития ситуации в регионе арабского мира и подходов к ней ведущих центров

международного сообщества) относятся к этому будущему. А это означает, в свою очередь, что и в обозримой, и в более далекой перспективе обе идеи и формы реализации «арабского» этнического проекта («общеарабская» и «арабо-государственная») останутся (хотя и видоизменившейся) реальностью, способной проявлять свое многогранное воздействие как на уровне региона Ближнего Востока и Северной Африки, так и в окружающем этот регион мире.

¹ Здесь и далее см.: – *Аль-Ансари М.Дж.* Таквин аль-араб ас-сиясий ва магза ад-дауля аль-кутрийя. Мадхаль иля ибада фахм аль-вакиъа аль-арабий (Политическое формирование арабов и смысл странового государства. К вопросу о пересмотре понимания арабской реальности). Бейрут, 1994, с. 41.

² *Аль-Хусри С.* Аль-Уруба аввалян (Арабизм прежде всего). – Цит. по: *Аль-Бадви А.-М.* Мавакиф аль-муфаккирин аль-араб фи кадая ан-нахда фи аль-алям аль-арабий мин матляъа аль-карн иля мауфи ас-ситтинат (Позиции арабских мыслителей по вопросам возрождения арабского мира от начала века до периода шестидесятых годов). Тунис, 1996, с. 411–412.

³ В настоящее время арабская *национальная* география неизменно называет этот залив *Арабским*.

⁴ Множественное число от слова *аль-кутр*.

Предлагаемый автором перевод этого термина арабской политической речи осознается им самим как неадекватный и приблизительный, поскольку он может только приблизительно соотнесен с понятием «страна». Во всяком случае, арабское *билад* – «страна» есть принимаемая населяющим ее человеческим сообществом политическая и социокультурная реальность, *аль-кутр* же – временная реальность, подлежащая постепенной отмене или насильственной ликвидации в более или менее обозримом будущем.

⁵ *Аль-Ансари М.Дж.* Таквин аль-араб ас-сиясий ва магза ад-дауля аль-кутрийя. Мадхаль иля ибада фахм аль-вакиъа аль-арабий (Политическое формирование арабов и смысл странового государства. К вопросу о пересмотре понимания арабской реальности). Бейрут, 1994, с. 41.

⁶ Александреттский санджак – ныне провинция Хотай с центром в Александретте (арабо-турецкое название *Искандерун*) на юго-западе современной Турции.

Арабистан – иранская провинция Хузестан (побережье Персидского залива) с центром в Ахвазе.

⁷ Здесь и далее см.: – *Аль-Ансари М.Дж.* Цит. произв., с. 41.

⁸ Выражение М.Дж. Аль-Ансари. – Там же, с. 40–42.

⁹ Здесь и далее: Там же, с. 42–43.

¹⁰ Там же, с. 41.

¹¹ Здесь и далее см. об этом более подробно: *Косач Г.Г.* Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // *Национализм в мировой истории / Отв. ред. Тишков В.А., Шнирельман В.А.* – М., 2007, с. 259–266.

¹² *Аль-Фаси А.* Ан-Накд аз-затий (Самокритика). Ар-Рибат (Рабат), 1974, с. 130, 132. Работа этого марокканского политика цитируется по ее современному переизданию.

¹³ Аль-Мамляка аль-магрибийя. Ад-Дустур. Тасдыр. Аль-Мабадиа аль-асасийя (Королевство Марокко. Конституция. Преамбула. Основные принципы.). Ар-Рибат (Рабат), 1992, с. 3, 5.

¹⁴ *Амазиг* – самоназвание североафриканских групп бербероязычного населения. См. об этом более подробно: *Сергеев М.С.* Берберы Северной Африки. М., 2003, с. 3.

¹⁵ République Algérienne Démocratique et Populaire. Constitution. Préambule. Alger, 1996, с. 3.

¹⁶ La constitution de la République Tunisienne. Préambule. Dispositions générales. Tunis, 1990, с. 3–4.

¹⁷ Дустур Дауля Катар. Аль-Баб аль-авваль. Ад-Дауля ва усус аль-хукм (Конституция Государства Катар. Глава I. Государство и основы власти). Ст. I. – <http://arabic.mofa.gov.qa/details.cfm?id=206>.

¹⁸ Султана Оман. Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм. Аль-Баб аль-авваль. Ад-Дауля ва низам аль-хукм (Султанат Оман. Основной закон правления. Глава I. Государство и основы власти). Ст. I. – <http://omanet.om/arabic/government/gov9.asp?cat=gov&subcat=gov3>.

¹⁹ Дустур Мамляка Бахрейн. Аль-Баб аль-авваль. Ад-Дауля (Конституция Королевства Бахрейн. Глава I. Государство). Ст. I. – <http://www.bahrain.bh/pubportal/wps/wcm/connect/26c2f7804b96f828807c8713d8048f0c/BhcConstitution.pdf?MOD=AJPERES>.

²⁰ Дустур Дауля Аль-Кувейт. Аль-Баб аль-авваль. Ад-Дауля ва низам аль-хукм (Конституция Государства Кувейт. Глава I. Государство и основы власти). Ст. I. – Маджмуа аль-каванин ва ат-ташриъат ли Дауля Аль-Кувейт (Сборник законов и законодательных актов Государства Кувейт). Эль-Кувейт, 1973? с. 3.

²¹ Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм. Аль-Баб аль-авваль. Аль-Мабадиа аль-амма (Основной закон правления. Глава III. Общие положения). Ст. I. –

Цит. по: *Бен Баз А.А.* Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Политическая и конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 2000, с. 264.

²² См. об этом более подробно: *Косач Г.Г.* Цит. произв., с. 267–290.

²³ Документы ЛАГ и встреч в верхах глав государств и правительств арабских стран ставят вопрос о расширении экономического сотрудничества между этими странами, включая, в том числе, и задачу создания «арабского общего рынка». Тем не менее эта задача далека от своего решения. – См., например: Аль-Байян аль-хитамий ли кыммат Тунис, ийяр 2004 (Заключительное заявление Тунисской встречи в верхах, май 2004 г.) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 24.05.2004.

Здесь и далее это издающееся в Лондоне ведущее арабское издание цитируется по его электронной версии – <http://www.aawsat.com>

²⁴ В арабском мире продолжают действовать и коммунисты, и националисты, апеллирующие к идеям Г.А. Насера. Их стремление вступить в коалицию со сторонниками «политического ислама» очевидно. – См. об этом, в частности: *Ланда Р.Г.* Политический ислам и социальная революция // *Ближний Восток и современность*. Вып. 18. М., 2003, с. 3–23; *Косач Г.Г.* Коммунисты в баасистском национальном контексте: пример Сирии // Там же, с. 277–325; а также: *Косач Г.Г.* Марксисты в контексте интифады: демократический фронт освобождения Палестины // *Ближний Восток и современность*. Вып. 15. М., 2002, с. 102–138.

²⁵ Название одного из основополагающих документов Тунисского саммита 2004 г. – См.: Насс васика аль-ахд ва аль-вифак ва ат-тадамун байн аль-када аль-араб (Текст документа «Единство взглядов, согласие и солидарность между арабскими руководителями») // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 24.05.2004.

²⁶ Здесь и далее: Аль-Байян аль-хитамий ли кыммат Тунис, ийяр 2004.

²⁷ Здесь и далее цит.: Насс васика «Масира ат-татвир ва ат-тахдис ва аль-ислях» аль-лятия иъатамадатха аль-кымма. Тунис, ийяр 2004 (Текст документа «Путь развития, модернизации и реформы», принятого саммитом. Тунис, май 2004) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 24.05.2004.

²⁸ См. в этой связи: Маджлис Джамийа ад-дуваль аль-арабийя аля мустава аль-кымма. Иъалян Доха. 30 март 2009 (Совет Лиги арабских государств на уровне встречи в верхах. Декларация Дохи. 30 марта 2009). – http://www.arableagueonline.org/las/picture_gallery/doha30-31mar2009.pdf

²⁹ Насс васика «Масира ат-татвир ва ат-тахдис ва аль-ислях».

А.И.Куприн

ПРОФСОЮЗЫ И ГОСУДАРСТВО В АЛЖИРЕ

В развернувшейся борьбе за власть в Алжире в июле-сентябре 1962 г. Всеобщий союз алжирских трудящихся – ВСАТ (профсоюзная конфедерация), созданный в феврале 1956 г., занял нейтральную позицию. Руководитель ВСАТ Б.Буруиба заявил 31 августа 1962 г., что «народ и трудящиеся... не хотят быть игрушкой в руках кланов... Говорят от имени народа, но хотят игнорировать то, что он думает и говорит. Пусть вожди сойдут со своих пьедесталов и услышат слова народа»¹. Тем самым он дал понять о намерении ВСАТ проводить независимый курс. 20 декабря 1962 г. Временное национальное бюро ВСАТ и ФНО заключили соглашение, предусматривавшее, что «трудящиеся демократическим путем избирают своих руководителей» и что ФНО обязуется не «принимать никаких мер, ограничивающих свободу действий и выражения мнения профсоюзных активистов в рамках деятельности их организаций»². Однако во время подготовки I съезда ВСАТ* и в ходе его работы (17–19 января 1963 г.) Фронт национального освобождения удалось навязать ВСАТ руководство, склонное признавать главенство ФНО. В Алжирской хартии 1964 г. была определена роль массовых организаций, то есть и ВСАТ, как опоры ФНО в реализации его планов. В ней отмечалось, что «партия должна уделять пристальное внимание усилению и развитию массовых организаций, которые необходимы для ее успешной деятельности»³. В другом месте хартии говорилось, что Национальный союз алжирских женщин [эти же слова можно отнести и к любой другой массовой организации – А.К.]

* I съезд ВСАТ состоялся лишь в январе 1963 г., потому что с ноября 1954 г. алжирский народ вел национально-освободительную войну, которая завершилась подписанием 18 марта 1962 г. в Эвиане соглашений о прекращении огня и самоопределении Алжира путем референдума.

«должен претворять в жизнь политику партии и бороться за ее торжество»⁴. Однако новое руководство ВСАТ не смогло помешать в 1964 г. и в первой половине 1965 г. проведению рабочими ряда забастовок. Как сообщают французские авторы Ж.Лека и Ж.-К. Лека, рабочие критически высказывались в адрес руководства ВСАТ⁵. II съезд ВСАТ (23–28 марта 1965 г.) в отличие от I съезда прошел в относительно демократической обстановке. Возможно, что президент Алжира Бен Белла стремился повысить авторитет и представительность массовых организаций, чтобы в какой-то мере ослабить влияние армии.

С приходом к власти Х.Бумедьена контроль властей над профсоюзами усилился. На III съезде ВСАТ (5–9 мая 1969 г.) власти заменили все старое руководство ВСАТ. В новом уставе ВСАТ этот профцентр* был назван общественно-политической организацией ФНО⁶. В Национальной хартии 1976 г. перед ВСАТ фактически была поставлена задача по предотвращению социальных конфликтов: «По мере расширения экономической базы социализма профсоюз перестает быть инструментом борьбы против эксплуататорского государства, превращаясь в неотъемлемую составную часть власти, осуществляемой в рамках находящегося на службе у трудящихся и крестьян социалистического государства»⁷. В ней подчеркивалось, что партия призвана играть роль движущей силы, направляющей и контролирующей массовые организации... Поэтому необходимо, чтобы начиная с определенного уровня лица, занимающие ответственные посты в массовых организациях, являлись членами партии»⁸. Если в ст. 20 конституции 1963 г. говорилось, что права «профессиональных союзов, право на забастовку... признаются и осуществляются в рамках закона»⁹, то в конституции 1976 г. это право сохранялось лишь за частным сектором: «Трудовые отношения в социалистическом секторе регулируются законодательными и регламентарными постановлениями, относящимися к социалистическим формам управления. В частном секторе признается право на забастовку. Его осуществление регулируется законом»¹⁰. Если в Алжире и происходили забастовки во второй половине 1970-х годов, то в них участвовали лишь некоторые низовые организации ВСАТ.

* Термины *профсоюзная конфедерация* и *профцентр* употребляются в статье как синонимы.

С приходом к власти Ш.Бенджедида в феврале 1979 г. жесткий контроль властей над ВСАТ сохранился. Внеочередной съезд ФНО в июне 1980 г. принял новый устав партии. Согласно ст. 120, положение которой было включено в устав ВСАТ на VI съезде ВСАТ (12–15 апреля 1982 г.), все ответственные лица в органах профцентра должны быть активистами ФНО¹¹. С января 1981 г. ВСАТ был провозглашен единственным признанным правительством профсоюзом. Роль ВСАТ сводилась к выполнению директив властей. Забастовки в госсекторе были запрещены, и задача ВСАТ заключалась в предотвращении социальных конфликтов¹².

В 1988–1991 гг. после октябрьских событий 1988 г. наступила, по образному выражению Р.Г.Ланды, «политическая весна»¹³, широкая волна политической либерализации. Были созданы десятки профсоюзов. В 1989 г. правительство приняло новую конституцию страны, в которой целая глава была посвящена правам и свободам, в частности можно упомянуть следующие статьи:

«Ст. 39: Гражданину гарантируются свободы выражения, ассоциации и собраний;

Ст. 53: Профсоюзные права признаются за всеми гражданами;

Ст. 54: Признается право на забастовку в рамках закона...»¹⁴ (таким образом, забастовки стали возможными в государственном секторе).

Свобода выражения мнения и ассоциации, профсоюзные свободы и право на забастовку гарантируются и конституцией 1996 г. – соответственно статьями 41, 56 и 57¹⁵. Был принят закон 90-14 о профсоюзах, утвердивший профсоюзный плюрализм, однако некоторые его положения противоречили конвенциям Международной организации труда (МОТ) или были использованы властями против независимых профсоюзов.

Руководство ВСАТ было недовольно законом 90-14, так как подрывалась его монополия в области профсоюзного движения. Однако после января 1992 г. ВСАТ вновь стал пользоваться поддержкой правящего режима. Это стало возможным благодаря старым связям профцентра с государственным аппаратом, энергичной поддержке ВСАТ отмены второго раунда парламентских выборов и введения чрезвычайного положения в начале января 1992 г., борьбы против радикальных исламистов. ВСАТ с тревогой наблюдал за подъемом радикального исламизма в стране. Под прикрытием профсоюзного плюра-

лизма исламисты создали 30 июня 1990 г. Исламский профсоюз труда, в уставе которого была четко обозначена конечная цель – учреждение исламской республики. Исламистский профсоюз прекратил существование в марте 1992 г. с запрещением ИФС. В декабре 1991 г. генеральный секретарь ВСАТ А. Бенхамуда вместе с другими профсоюзными и политическими деятелями создал Национальный комитет спасения Алжира. О контактах между А.Бенхамудой и Управлением разведки и безопасности (УРБ) вспоминал впоследствии М.Самрауи, фигура № 2 в УРБ: «После проведения первого тура выборов и победы в нем ИФС в декабре 1991 г. Абдельхамид Бенхамуда был проинформирован УРБ о необходимости мобилизации членов ВСАТ для противостояния исламистам...Он встречался, по крайней мере, три раза с генералом Мухаммадом Медиеном по прозвищу «Тауфик», руководителем УРБ, и полковником Салахом (ответственным работником службы прессы и документации УРБ) между 28 декабря 1991 г. и 2 января 1992 г.¹⁶ А. Бенхамуда, подобно некоторым другим профсоюзным активистам, как утверждают, стал жертвой исламистского террора 28 января 1997 г. (на него уже совершалось покушение в 1993 г., а спустя год были убиты его брат и дядя в Константине)¹⁷. Правда, согласно некоторым источникам, с 1996 г. А. Бенхамуда собирался организовать политическую партию или с согласия президента Л. Зеруаля, или по собственной инициативе. Последними словами А. Бенхамуды были: «Камаль, мой друг [или брат], они предали нас». Это, а также тот факт, что А. Бенхамуда был убит в оживленной центральной части столицы, насыщенной силами правопорядка, и убийцам удалось скрыться, наводит на мысль о возможной причастности к гибели генерального секретаря ВСАТ какой-либо группировки военного режима, возможно, даже политического соперника Л. Зеруаля¹⁸.

ВСАТ постоянно поддерживал официальных кандидатов в президенты как до 1990 г., так и в 1995, 1999 и 2004 гг. Он был с 1991 г. единственным профсоюзом среди многих других, с которым консультировалось правительство. Руководители ВСАТ могли позволить себе критиковать отдельных министров и их решения, но никогда не затрагивали личности президента. Вместе с тем руководство ВСАТ должно было учитывать, что члены конфедерации были настроены против мер правительства по приватизации, опасаясь потери работы, ухудшения условий труда и сокращения заработной платы. Сами лидеры

ВСАТ также выступали против приватизации, не желая терять своих привилегий, прочного положения в государственном секторе, в частности, против закона о широкой приватизации, принятого в 1995 г., и поправок к нему, принятых в 1996 г., распространивших денационализацию на предприятия, которые находились в ведении местных властей.

При сменившем М.Бенхамуду А.Сиди Саиде ВСАТ продолжал сопротивляться приватизации. В 2001 г. А.Бутефлика заявил о намерении начать разгосударствление нефтегазового конгломерата СОНАТРАК. Однако его законопроект был заблокирован ВСАТ и парламентом. Под давлением ВСАТ несколько министров, сторонников экономической либерализации, были отправлены в отставку в начале 2000-х годов. 25–26 февраля 2003 г. ВСАТ впервые с 1991 г. организовал забастовку в знак протеста против приватизации. После своего переизбрания в 2004 г. на второй срок президент А.Бутефлика, который, не опираясь на армию, убедительно победил А.Бенфлиса и подчинил себе ФНО, контролировавший ВСАТ, вернулся к законопроекту о приватизации. Он внес в него незначительные поправки, и в марте 2005 г. закон о приватизации углеводородного сектора был принят.

Ранее в этом же месяце Алжир ратифицировал соглашение об ассоциации с ЕС, и перед европейскими инвесторами открылись новые возможности. В соответствии с этим законом СОНАТРАК больше не гарантировалось автоматическое участие во всех проектах, осуществляемых иностранными компаниями в Алжире. Однако в июле 2006 г. А.Бутефлика внес поправки в этот закон, в соответствии с которыми СОНАТРАК вернул себе доминирующие позиции: доля участия СОНАТРАК в контрактах в области прокладки трубопроводов и разведки и добычи углеводородов должна составлять не менее 51%¹⁹.

После переизбрания А. Бутефлики генеральный секретарь ВСАТ А. Сиди Саид обещал поддержать программу приватизации, против которой руководство ВСАТ ранее постоянно выступало, и закон о приватизации сектора углеводородов при условии соблюдения интересов работников²⁰. И действительно, 5 января 2005 г. А. Сиди Саид заявил по алжирскому телевидению, что тема приватизации для ВСАТ больше не является «табу» и что нет идеологических догм, связанных с этой проблемой²¹. Руководство ВСАТ пришло к выводу о невозможности дальнейшего противодействия политике приватизации. Коорди-

национное совещание национальных федераций ВСАТ в начале 2005 г. по существу поддержало правительственную политику приватизации государственных предприятий. Если в заключительном заявлении не говорилось прямо о поддержке ВСАТ приватизации государственного сектора, то в нем указывалось, что «в свете мирового опыта в этой области приватизация, кроме ее влияния на долговременную занятость, должна быть фактором мобилизации производительных инвестиций, привнести технологию и лежать в основе создания богатства и рабочих мест». До принятия этой заключительной резолюции А. Сиди Саид в своем выступлении обрисовал контуры окончательной позиции своей организации: «Приватизация – это факт, и она будет проводиться с нами или без нас...Нужно ли в таком случае бороться, чтобы добиваться наших прав, или не реагировать и начинать жаловаться, выражая свою полную беспомощность? Я думаю, что у нас нет выбора. Мы за приватизацию, создающую рабочие места и богатства, но всегда против приватизации распродажи», – подчеркнул А. Сиди Саид. ВСАТ полагает, что освобождение государства от экономических обязательств не означает отказ от социальных обязательств²².

В процессе приватизации алжирским профсоюзам приходится адаптироваться к новым условиям. Организация Американский центр международной рабочей солидарности (ACILS), как она заявила, выразила желание содействовать повышению роли ВСАТ и независимых профсоюзов в проведении политических и экономических реформ и отстаивании алжирскими работниками своих прав и открыла в Алжире свое представительство. Она провела с апреля 2005 г. по июнь 2006 г. несколько семинаров на тему «профсоюзы в частном секторе», с июня 2006 г. по март 2007 г. – семинары по здоровью и безопасности труда для работников в строительной промышленности и углеводородном секторе²³. В частном секторе многие предприниматели не считают с кодексом труда. Они часто не регистрируют своих работников, которые поэтому не имеют минимальной заработной платы, социальной защиты и пенсий. Работники боятся вступать в профсоюзы, опасаясь потерять работу. Происходит деградация условий труда.

В начале 2005 г. А. Сиди Саид по случаю совместной конференции с одним из французских профессиональных объединений на тему «трудовое право и глобализация» сообщил, что в частном секторе в профсоюзы входят менее 1% работников,

в то время как на государственных предприятиях членами профсоюзов являются в среднем 20% работников. Он подчеркнул, что профсоюзы должны учитывать процесс приватизации и приложить усилия по сохранению профсоюзов на приватизированных предприятиях²⁴. В последнее время авторитет генерального секретаря ВСАТ несколько укрепился после выдвижения им требований о повышении заработной платы и их удовлетворения правительством. В начале октября 2007 г. после трехсторонних переговоров между правительством, ВСАТ и представителями частного сектора было объявлено о повышении минимальной заработной платы с 10 тыс. алжирских динаров до 12 тыс. (около 170 амер. долларов). Заработная плата работников с января 2007 г. в государственном секторе должна была возрасти на 20–25% и в частном секторе – на 10–20%²⁵. Это повышение заработной платы, так же как и сокращение уровня бедности до менее чем 6% в 2005 г. и безработицы с 30% в 1999 г. до 15,3 % в 2006 г. стали возможными благодаря высоким доходам от экспорта углеводородов, позволившим реализовать различные проекты и создать дополнительные рабочие места²⁶. С 1990 г. экспорт нефти составлял от 75 до 95% всего экспорта Алжира, на нефть приходилось от 30 до 50% ВВП. Ненефтяной промышленный сектор (меньше 10% ВВП), 80% которого приватизировано, дает менее 5% поступлений от экспорта²⁷. Однако социально-экономическая ситуация в стране может ухудшиться в связи с мировым финансовым кризисом, разразившимся в 2008 г.

Если влияние ВСАТ распространяется в основном на экономические предприятия государственного сектора, то новые, независимые профсоюзы (их насчитывается около 70) наиболее представлены в сфере образования, существуют также профсоюзы медицинских работников, пилотов гражданской авиации, авиатехников, авиадиспетчеров, командного состава торгового флота, бухгалтеров, инженеров по труду, налоговых инспекторов. Независимые профсоюзы часто сталкиваются с трудностями при попытке регистрации. Например, правительство отказывалось регистрировать некоторые профсоюзы на том основании, что те не предоставляют списки членов профсоюза. Международная организация труда (МОТ) не раз напоминала алжирскому правительству, что подобное требование несовместимо с принципом свободы ассоциации, так как возникает опасность дискриминации членов профсоюзов. Вла-

сти иногда избегают регистрации профсоюзов, утверждая, что не получали просьбы о ней. Они в течение длительного времени не посылают профсоюзам уведомления о регистрации.

Стремясь ослабить независимое профсоюзное движение, они пытаются расколоть отдельные профсоюзы, например Национальный независимый совет преподавателей среднего и технического образования (CNAPEST). В январе 2006 г. бывшим национальным координатором CNAPEST Мезианом Марианом был создан профсоюз практически под тем же названием (Национальный независимый координационный комитет преподавателей среднего и технического образования) и идентичным акронимом (CNAPEST). Правительство благосклонно относится к этому профсоюзу, разрешает ему проводить все свои собрания²⁸.

В начальный период существования независимых профсоюзов в некоторых из них происходила борьба двух течений. Одно выступало за проведение соглашательского, проправительственного курса, которого придерживался ВСАТ. Другое последовательно отстаивало права работников, добивалось достойной заработной платы и нормальных условий труда. Например, в профсоюзе Национальный совет преподавателей высшего образования (CNES), возникшем в 1989 г. и зарегистрированном 7 января 1992 г., в 1992–1996 гг. доминировало оппортунистическое течение. Бывший генеральный секретарь профсоюза даже был назначен членом Переходного национального совета, что противоречило уставу профсоюза. 27–29 июля 1997 г. на съезде CNES победили сторонники независимого курса, отстаивания интересов работников. Они приняли новую программу действий²⁹.

О степени представительности ряда независимых профсоюзов свидетельствует тот факт, что когда они организовали в 2003 г. акции протеста в столице, в них, по оценкам профсоюзов, участвовали 94% учителей средней школы³⁰. Несмотря на усиление активности независимых профсоюзов и на то, что некоторые из них признаны правительством*, правящий режим

* Например, такие крупные профсоюзы, как Национальный совет преподавателей высшего образования – CNES (признан в январе 1992 г.), Независимый профсоюз работников образования и подготовки кадров – SATEF (признан в 1990 г.), Национальный совет преподавателей среднего и технического образования – SNAPEST (признан лишь в 2007 г.), Национальный профсоюз работников образования – SNTE.

по-прежнему принимает решения по социальным вопросам, консультируясь лишь с ВСАТ, полностью игнорируя независимые профсоюзы. Одно из самых последних важных решений – это принятие правительством совместно с ВСАТ новой шкалы, или структуры заработной платы, не удовлетворившей независимые профсоюзы. 15 января 2008 г. они провели забастовку, протестуя против этого решения.

Независимые профсоюзы не в полной мере удовлетворены законом 90-14 от 2 июня 1990 г., модифицированным и дополненным законом 91-30 от 21 декабря 1991 г. и ордонансом 96-12 от 10 июня 1996 г., хотя тот позволил развиваться независимому профсоюзному движению. Некоторые положения закона противоречат конвенциям МОТ, например конвенции МОТ № 87 (9 июля 1948 г.) о свободе ассоциации и защите права на их организацию, а точнее статьям 2 и 5:

«Ст. 2. Работники и работодатели без какого бы то ни было различия имеют право создавать по своему выбору организации без предварительного на то разрешения, а также право вступать в такие организации на единственном условии подчинения уставам этих последних;

Ст. 5. Организации работников и работодателей имеют право создавать федерации и конфедерации...»³¹

Статья 8 закона 90-14 в отличие от ст.2 конвенции МОТ № 87 требует предварительного разрешения властей:

«Профсоюзная организация провозглашается учрежденной:

– после подачи заявления о создании соответствующему государственному органу...

– после вручения соответствующим государственным органом уведомления о регистрации заявления о создании не позже чем через 30 дней после поступления этого заявления;

– после опубликования этого заявления за счет профсоюзной организации, по крайней мере, в одном государственном информационном ежедневном издании»³².

Также противоречат статье 2 конвенции МОТ № 87 статьи 2 и 4 закона 90-14, препятствующие созданию неотраслевых профессиональных союзов, федераций и конфедераций. В соответствии со статьей 2 алжирского закона «наемные работники, с одной стороны, и работодатели, с другой, тех же самых профессий, отраслей или секторов занятости имеют право объединяться в профсоюзные организации для защиты своих материальных и моральных интересов». Согласно статье 4

того же закона, «деятельность союзов, федераций и конфедераций профсоюзных организаций регламентируется теми же положениями, которые применяются в отношении профсоюзных организаций»³³. Ссылаясь на эти статьи, правительство дважды отказалось удовлетворить просьбу Национального независимого профсоюза государственных служащих (SNAPAP) разрешить создать конфедерацию профсоюзов государственных служащих, с которой он обратился 20 сентября 2000 г. и 31 марта 2001 г. (в первом случае под названием «Национальный независимый союз алжирских работников» и во втором – «Алжирская конфедерация независимых профсоюзов») ³⁴.

Работодатели, частные или государственные, требуют предоставления им списков членов профсоюзов для подтверждения репрезентативности профсоюза (профсоюз имеет право действовать на предприятии, если в него входят не менее 20% его работников),³⁵ а затем члены профсоюзов становятся объектом преследований. При этом нарушаются положения конвенции МОТ № 98 о применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров (Женева, 1 июля 1949 г.):

«Статья 1.

– Работники пользуются надлежащей защитой против любых дискриминационных действий, направленных на ущемление свободы объединения в области труда.

– Такая защита применяется в особенности в отношении действий, целью которых является:

а) подчинить прием работника на работу или сохранение им работы условию, чтобы он не вступал в профсоюз или вышел из профсоюза;

б) увольнять или любым другим способом наносить ущерб работнику на том основании, что он является членом профсоюза или принимает участие в профсоюзной работе в нерабочее время или, с согласия предпринимателя, в рабочее время»³⁶.

Алжирское правительство, длительное время не ратифицировавшее конвенцию МОТ № 135 о защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях (23 июня 1971 г.), в 2008 г. обещало ратифицировать ее.

Хотя в конституциях Алжира 1989 г. и 1996 г. имеются статьи о праве на забастовку (соответственно ст. 54 и 57), это право фактически ограничивается. Правительство может за-

претить забастовку, если та, по его мнению, вызовет серьезный экономический кризис. МОТ неоднократно просило правящий режим аннулировать это положение о забастовке³⁷. Кроме того, в соответствии с декретом о борьбе против подрывной деятельности и терроризма (сентябрь 1992 г.), любое «правонарушение, угрожающее безопасности государства, территориальной целостности, стабильности и нормальному функционированию институтов», квалифицируется как подрывной или террористический акт (ст. 1) и карается тюремным заключением от 10 до 20 лет (ст. 3)³⁸. Правительство может отнести ту или иную забастовку к таким правонарушениям.

Конвенция МОТ о свободе ассоциаций и защите права на организацию не содержит положения о праве на забастовку. Тем не менее Комитет Административного Совета МОТ исходит из тесной связи этого права со свободой ассоциации, о которой говорится в ст. 3 раздела I конвенции МОТ № 87: «Организации работников и предпринимателей имеют право вырабатывать свои уставы и административные регламенты, свободно выбирать своих представителей, организовывать свой аппарат и свою деятельность и формулировать свою программу действий»³⁹. Комитет подчеркивает, что «право на забастовку является одним из основных средств, с помощью которого работники и их организации могут защищать свои экономические и социальные интересы и содействовать их осуществлению»⁴⁰.

Чтобы препятствовать забастовкам, работодатели и власти все чаще нанимают работников по временному контракту. Участникам забастовки контракт не продлевают. Работодатели нередко нарушают статью 33 закона № 90-02 от 6 февраля 1990 г., где говорится, что запрещается прием на работу с целью замены забастовщиков, а также что не могут быть приняты какие-либо санкции против участников забастовки⁴¹. Право на забастовку очень часто оспаривается предпринимателями и властями, которые используют суд для подавления забастовочного движения. Работодатели и власти вмешиваются во внутренние дела профсоюзов, перлюстрируют их почтовую корреспонденцию.

20 октября 2004 г. после забастовки медицинского персонала правительство опубликовало коммюнике, где поставило под вопрос право на забастовку. После этого подавление забастовочного движения еще более усилилось. Так, 12 октября 2005 г. министр высшего образования и научных исследований

обратился за помощью к полиции, чтобы та разогнала группу служащих министерства, которые проводили сидячую забастовку, пытаясь добиться удовлетворения своих требований. При разгоне забастовщиков были ранены 7 человек, в том числе беременная женщина⁴². Однако даже в таких условиях забастовщики, проявляя стойкость, добивались победы. В экзаменационную сессию в конце мая 2005 г. преподаватели Оранского университета естественных наук и технологии объявили забастовку, отстаивая свои профессиональные требования. Забастовка длилась две недели. Ректор университета трижды обращался в суд, чтобы тот признал забастовку незаконной, но местное отделение Национального совета высшего образования три раза направляло администрации предварительное уведомление о забастовке. В конечном счете, забастовщики добились частичного удовлетворения своих требований.

Основные цели независимых профсоюзов – повышение заработной платы, принятие нового закона о государственных служащих, улучшение условий труда и права на забастовку – особенно в свете усиления с начала 2000-х годов давления на забастовочное движение. Все более усиливается тенденция к совместным действиям профсоюзов в ходе забастовок и даже к образованию профсоюзных объединений, освещающих и координирующих деятельность профсоюзов, распространяющих «профсоюзную культуру». Одно из них – Национальный комитет по профсоюзным свободам – CNLS, созданный в октябре 2003 г., 31 марта 2004 г. была принята хартия CNLS. Во втором пункте хартии говорится, что свобода выражения и ассоциации – «непременное условие постоянного прогресса». Пункт 4 гласит: «Алжирские работники и работодатели имеют право без каких-либо различий создавать профсоюзные организации по своему выбору и без предварительного уведомления»⁴³. Второе объединение такого рода – это Национальный координационный комитет независимых профсоюзов государственных служащих (La Coordination nationale des syndicats autonomes de la Fonction publique), созданный в 2007 г., в который вошли более 15 профсоюзов начального, среднего и высшего образования и здравоохранения⁴⁴.

Весной 2008 г. по инициативе Национального независимого профсоюза государственных служащих (SNAPAP) был создан вебсайт «Дом алжирских профсоюзов» («Maison des syndicats algériens») ⁴⁵. Он должен стать местом виртуальных встреч

независимых профсоюзов, поскольку те не располагают помещениями для проведения собраний или не могут арендовать их. Здесь они, как отмечается на вебсайте, имеют возможность обмениваться мнениями, дискутировать, сравнивать свои идеи и программы, согласовывать действия, демонстрировать солидарность с коллегами.

До 1989 г. ВСАТ был в Алжире единственным профсоюзом (или профсоюзной конфедерацией)*. Его попытки в первой половине 1960-х годов обрести некоторую самостоятельность потерпели неудачу, и при президентах Х. Бумедьене и Ш. Бенджедиде (до 1989 г.) власти через ФНО жестко контролировали ВСАТ. Руководство профцентра пользовалось поддержкой правительства. После кратковременного периода неопределенности (1988–1991 гг.) ВСАТ восстановил свои позиции. В 1992–1999 гг. власти особенно нуждались в помощи ВСАТ в борьбе против радикального исламизма, а Л.Зеруаль и А. Бутефлика – на президентских выборах 1995, 1999 и 2004 гг. Поэтому по сравнению с периодом до 1989 г. руководство ВСАТ пользовалось некоторым влиянием в общественно-политической жизни страны. Оно смогло затормозить процесс приватизации, были сообщения о возможности создания А. Бенхамудой политической партии, пропрезидентской или его собственной. Лишь после того как А.Бутефлика без поддержки армии победил на апрельских выборах 2004 г., подтвердив тем самым легитимность своего избрания, и фактически переподчинил себе ФНО, он форсировал приватизацию, с чем ВСАТ был вынужден согласиться.

Независимые профсоюзы, возникавшие с 1988 г., с середины 1990-х годов постоянно подвергались давлению и преследованиям со стороны властей. Это началось с репрессий против Профсоюза пилотов алжирской гражданской авиации (SPLA), забастовка которых в 1995 г. была объявлена незаконной, и

* Существует широко распространенное мнение, что в русском языке предлог «до» во временном значении является синонимом предлога «по». Например, в «Большом толковом словаре русского языка» (автор и руководитель проекта, гл. ред. С.А.Кузнецов, СПб, 2000) оба предлога равнозначны. Обычно же считается, что «с 1 до 15 июня» значит «1,2...14 июня». Автор данной статьи разделяет эту точку зрения. Поэтому в данном случае 1989 г. не включается.

против Национального профсоюза высшего образования (CNES) после его забастовки осенью 1996 г.⁴⁶ Правительство ограничивало деятельность независимого профсоюзного движения, используя некоторые положения закона № 90-14 и нарушая конвенции МОТ. Оно может запретить забастовки и ограничить профсоюзные свободы, ссылаясь на сложную экономическую ситуацию или на декрет о борьбе против подрывной деятельности и терроризма. Практика совместных действий показала независимым профсоюзам необходимость крепить солидарность и координировать свои выступления. Так появились два национальных комитета независимых профсоюзов. Большие надежды независимые профсоюзы связывают с использованием Интернета.

¹ Цит. по: Клименко М.Н. Профсоюзы и политические движения в переходном обществе (на примере Алжира) // Актуальные проблемы рабочего и профсоюзного движения освободившихся стран. М., 1989, с. 198.

² Цит. по: Syndicats ou organisations de masse? // Balta P., Rulleau Cl. L'Algérie des algériens: vingt ans après... P., 1981, с. 68.

³ Die Charta von Algier. Dritten Teil, Kapitel I: Die Partei und die Massenorganisationen, § 17. Berlin, 1965, с. 113.

⁴ Там же, § 23, с. 115.

⁵ Leca J., Leca J.-Cl. L'Algérie politique, institutions et régime. P., 1975, с. 159.

⁶ Клименко М.Н. Профсоюзы и политические движения в переходном обществе (на примере Алжира) // Актуальные проблемы рабочего и профсоюзного движения освободившихся стран. М., 1989, с. 205.

⁷ Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики 1976. М., 1979, с. 61.

⁸ Там же.

⁹ Конституция Алжирской Народной Демократической Республики. 10 сентября 1963 г. Основные права. // Конституции государств Африки. Т. 2. М., 1966, с. 21.

¹⁰ Конституция Алжирской Народной Демократической Республики (Одобрена на референдуме 19 ноября 1976 г. Вступила в силу 24 ноября 1976 г.). // Алжир (справочник). М., 1977, с. 323.

¹¹ Abderrahim Taleb. Les rapports parti-syndicat en Algérie à travers l'application de l'article 120 des statuts du FLN. // Annuaire de l'Afrique du Nord 1982. P., 1984, с. 185.

¹² The Façade of Democracy and Obstacles to the Exercise of Trade Union Rights in Algeria. Soleiman Adel Guémar. «Hysbysu. The Magazine of

the South Wales WEA – community Education in Wales» (Autumn 2005) // http://www.algeria-watch.de/en/analyses/trade_union_rights.htm

¹³ Ланда Р.Г. История Алжира: XX век. М., 1999, с. 207.

¹⁴ Статьи конституции цит. по: Nations Unies. Conseil économique et social. Rapport initial: Algeria. 17/10/94. E/1990/5/Add. 22. (State Party Report) // [http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/E.1990.5.Add.22.Fr?Opendocument](http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/E.1990.5.Add.22.Fr?Opendocument)

¹⁵ People's Democratic Republic of Algeria. Text of the Constitution of 28 November 1996. // <http://www.geocities.com/CapitolHill/1078/econst00.htm>

¹⁶ Comité Justice pour l'Algérie. Les violations des libertés syndicales. Dossier № 08. Sahra Kettab. Mai 2004. // http://www.algerie-tpp.org/tpp/pdf/dossier_8_libertes_syndicales.pdf

¹⁷ L'Humanité. Abdelhak Benhamouda assassiné. Article paru le 29 janvier 1997. // http://www.humanite.fr/1997-01-29_Articles_-Abdelhak-Benhamouda-assassine

¹⁸ См., например: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9A01E6DF133DF931A35751C0A961958260&sec=&spon=&pagewanted=all>

¹⁹ Openness to Foreign Investment // http://www.buyusa.gov/algeria/en/openness_to_foreign_investment.html

²⁰ November 13, 2006. Algeria risk: Labour market risk. From the Economist intelligence unit. // <http://www.tmcnet.com/usubmit/2006/11/13/2072798.htm>

²¹ Informeller Sektor, Privatisierung und Widerstände der Arbeiter gegen die Privatisierung. Von Bernhard Schmid. // <http://www.labournet.de/internationales/dz/dreieinigkei.html>

²² Privatisations. L'UGTA s'aligne. Le Soir d'Algérie, 3 février 2005. // http://www.algeria-watch.org/fr/article/eco/privatisations/alignement_ugta.htm

²³ Strengthening Labor Unions in Algeria // <http://www.solidaritycenter-dz.org/b1.php>

²⁴ Informeller Sektor, Privatisierung und Widerstände der Arbeiter gegen die Privatisierung. Von Bernhard Schmid. // <http://www.labournet.de/internationales/dz/dreieinigkei.html>

²⁵ Wage hike for the workers // <http://taplow.net/Focus/Algeria/1006/AF%20Part%202--Oct%2006.doc>

²⁶ Study finds poverty levels in Algeria have dropped to below six per cent. 2006-08-27 // http://www.magharebia.com/cocoon/awi/xhtml1/en_GB/features/awi/features/2006/08/27/feature-02

²⁷ Conclusions d'un document de l'agence française de développement. L'économie algérienne reste minée par la rente pétrolière. Par: Meziane Rabhi, Liberté, 7 août 2008 // http://www.algeria-watch.de/fr/article/eco/economie_minee.htm

²⁸ International Trade Union Confederation (ITUC). 2007. Annual Survey of Violations of Trade Union rights. Algeria. // <http://survey07.ituc-csi.org/getcountry.php?IDCountry=DZA&IDLang=EN>

²⁹ Analyse du mouvement syndical autonome en Algérie (2ème partie et fin). Mercredi 1er décembre 2004. Par Farid Cherbal, El Watan // <http://www.algerie-dz.Com/article1309.html>

³⁰ Independent trade unionization in Algeria. Dimanche 2 septembre 2007. // http://www.sudeducation.org/article2133.html?var_recherche=foreseen

³¹ Конвенция МОТ № 87 о свободе ассоциации и защите права на организацию (Сан-Франциско, 9 июля 1948 г.) // <http://www.sotsprof.ru/download.php?file=1205927972.rtf>

³² Algérie. Modalités d'exercice du droit syndical. Loi № 90-14 du 2 juin 1990 modifiée et complétée par la loi № 91-30 du 21 décembre 1991 et l'ordonnance 96-12 du 10 juin 1996 // <http://www.droit-afrique.com/images/textes/Algerie/Algerie%20-%20Droit%20syndical.pdf>

³³ Там же.

³⁴ Complaint against the Government of Algeria presented by the National Autonomous Union of Public Administration Staff (SNAPAP) Report No. 327, Case(s) No(s). 2153. ILO. // <http://www.oit.org/ilolex/cgi-lex/pdconv.pl?host=status01&textbase=iloeng&document=1140&chapter=3&query=Algeria%40ref&highlight=&querytype=bool&context=0>

³⁵ International Trade Union Confederation (ITUC). 2007. Annual Survey of Violations of Trade Union rights. Algeria. // <http://survey07.ituc-csi.org/getcountry.php?IDCountry=DZA&IDLang=EN>

³⁶ Конвенция МОТ № 98 о применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров (Женева, 1 июля 1949 г.) // <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1159620>

³⁷ International Trade Union Confederation (ITUC). 2007. Annual Survey of Violations of Trade Union rights. Algeria. // <http://survey07.ituc-csi.org/getcountry.php?IDCountry=DZA&IDLang=EN>

³⁸ Algérie, 30 septembre 1992. Décret législative № 92-03 du 30 septembre 1992 relatif à la lutte contre la subversion et terrorisme. // <http://www.algeria-watch.org/farticle/docu/decret1992.htm>

³⁹ Конвенция МОТ № 87 о свободе ассоциации и защите права на организацию (Сан-Франциско, 9 июля 1948 г.) // <http://www.sotsprof.ru/download.php?file=1205927972.rtf>

⁴⁰ Свобода объединения. Сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов. Четвертое издание (пересмотренное). Международное Бюро Труда. Женева, 1997, с. 101. Цит. по: Григорашенко Л.А., преподаватель ВГУ. Контроль МОТ за применением международных норм о свободе объединения. // <http://kursach.com/biblio/00010100/012.htm>

⁴¹ Loi № 90-02 du 6 février 1990 relative à la prevention et au règlement des conflits collectives de travail et à l'exercice du droit de grève. // Journal officiel de la République Algérienne № 06, 7 février 1990 // <http://www.dgfp.gov.dz/texte/08.pdf>

⁴² Farid Cherbal (universitaire syndicaliste). Le mouvement syndical autonome et les libertés syndicales en Algérie: enjeux et lutes. El Watan-Edition du 9–10 10 novembre 2005. //

<http://www.cnt-f.org/cnt31/spip.php?article341>

⁴³ Charte du Comité National des Libertés Syndicales. //

<http://cnls.site.voila.fr/cnls/charte.html>

⁴⁴ Une revolution: les syndicats libres ont enterré l'UGTA. Le Matin, le 16 Janvier 2008. //

<http://www.lematindz.net/news/une-revolution-les-syndicats-libres-ont-enterrer-lugta.html>

⁴⁵ Bienvenus dans le site de la Maison des syndicats autonomes algériens. //

http://www.maisondessyndicats-dz.com/presentationdu_ms.php

⁴⁶ Evolution du pluralisme syndical en Algérie. Par Kaddour Chouicha. Mardi 2 septembre 2008, par Rédaction Journal3. //

<http://journal3.net/spip.php?article468>.

А.Б.Подцероб

РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР – ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Прежде чем приступить к раскрытию данной темы, целесообразно, видимо, дать определение понятию «цивилизация», что не так-то просто, как это может показаться на первый взгляд, учитывая существующий на сей счет разнородный во взглядах. Не собираясь вдаваться в выходящую за рамки обсуждаемой темы дискуссию по данному вопросу, хотелось бы лишь отметить, что с точки зрения автора, «цивилизация» представляет собою культурную, религиозную, историческую общность людей, обитающих на определенной территории, объединенных образом жизни, национальным характером, системой мышления и организованных в государство. При этом культура, порождающая интеллектуальную и духовную жизнь, мораль, этику и вводящая их в определенные рамки, представляет собою тот фундамент, на котором строится здание цивилизации. Разрушение культуры неизбежно влечет за собою гибель цивилизации.

Россию нередко – и совершенно обоснованно – называют самой восточной страной Запада и самой западной страной Востока. Тремя источниками и тремя составными частями российской цивилизации были Византия, Западная Европа, мусульманский мир. Контакты с мусульманами русы установили со своих самых первых веков. Уже в процессе колонизации Северо-Восточной Руси они соприкасались с исповедующей ислам мещерой. Позже Владимиро-Суздальское княжество установило дипломатические отношения с Булгарией. Русские купцы и паломники быстро освоили пути, ведущие на Ближний и Средний Восток.

После нашествия в 1238–1239 гг. монгольского хана Батыя Русь на два с половиной столетия стала вассалом мусульманского государства – Золотой Орды. Контакты с татарами, а главное – необходимость мобилизации средств и сил

для борьбы с внешней угрозой привели к внедрению в социально-экономическую систему и последующей консервации черт «азиатского способа производства». Вплоть до конца XVIII в. сохранялась государственная собственность на значительную часть средств производства (государственные земли, заводы, крепостные), существовало служилое дворянство, а община (в форме колхозов) исчезла лишь в конце XX в. Подобная ситуация наложила отпечаток и на русский национальный характер, сделав его в чем-то похожим на национальный характер народов исламского Востока.

По мере расширения Московского государства в его состав включалось все больше территорий, населенных другими народами, исповедовавшими не православие, а иные религии. «Русская земля, – писал крупнейший ученый-гуманитарий XX века Д. С. Лихачёв, – всегда была не только тысячей городов, но и тысячей культур».¹

Хотя не все в отношениях русских с мусульманами было однозначно (можно вспомнить, например, о политике царя Иоанна Грозного в отношении казанских татар), в целом в России мусульмане пользовались достаточно широкими – и большими, чем, например, католики – правами, и попытки их насильственной русификации не предпринимались. В силу заметной роли, которую играла в Московской Руси мусульманская знать, нашу страну в Западной Европе зачастую именовали «Московской Татарией». Характерно, что мусульмане, принимавшие широкое участие в восстаниях С. Разина и Е. Пугачёва, сражались не за выход из России, а – совместно с русскими крестьянами и казаками – за «хорошего царя». В 1845 г. известный русский беллетрист и литературный критик В. Г. Белинский характеризовал петербургское общество как азиатское по сущности.² Стоит, видимо, напомнить и о том, что в начале XX в. самыми богатыми капиталистами в Российской Империи были азербайджанские промышленники Аликуперовы. Во всем этом состояло коренное отличие российской колонизации от колониальных завоеваний западноевропейских держав.

Еще один характерный факт. В столице Российской Империи Санкт-Петербурге была почти напротив Зимнего дворца сооружена соборная мечеть. В столице Советского Союза Москве действовала мечеть, в которой молились главы многих иностранных государств, включая президента Египта

Г. Абдель Насера. В столице Российской Федерации Москве в районе Отрадное по инициативе московской мусульманской общины создан межрелигиозный центр, включающий православный храм, суннитскую и шиитскую мечети, синагогу, библиотеку, конференц-зал. В посвященный победе СССР во Второй мировой войне мемориальный комплекс на Поклонной горе входят, в том числе, православная церковь, мечеть и синагога.

В русской культуре четко прослеживаются восточные мотивы. Достаточно вспомнить произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.С. Гумилёва, музыку С.В. Рахманинова, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского, картины В.В. Верещагина.

Сложившаяся ситуация способствовала тому, что и у российских мусульман достаточно быстро – по историческим меркам – сформировались нормы сосуществования не только с христианами и иудеями, но и с буддистами, язычниками, атеистами. Таким образом, в России возник особый тип межрелигиозных и межнациональных отношений, названный татарским просветителем конца XIX-начала XX вв. И. Касперским «исламо-христианским консенсусом»³.

Во внешней политике России вплоть до XVII-XVIII вв. главным направлением было не западное, а восточное, «центр тяжести» в ней был смещен на Казань, Астрахань, Крым, Турцию, Персию.

В XVIII–XIX вв. весьма непростой характер носили отношения России с Османской империей и Персией. Но при этом не следует упускать из виду, что, хотя и та, и другая сторона широко использовала в ходе вооруженных конфликтов религиозную риторику, на деле российско-турецкие и российско-персидские войны носили межгосударственный, а не междоцивилизационный и не межрелигиозный характер. Свидетельство тому – отсутствие попыток русификации сохранивших приверженность исламу народов Абхазии, Аджарии, Крыма, Азербайджана. С другой стороны, не являлась чем-то необычным эмиграция русских сектантов, в частности некрасовцев, в Турцию или Персию, где – в отличие от России – они не подвергались преследованиям. Нельзя к тому же забывать, что русские, османы и персы не только воевали друг с другом. Между тремя державами поддерживались активные дипломатические и торгово-экономические отношения.

Что касается арабской цивилизации, то она возникла на основе синтеза культур Византии, Персии, Средней Азии.

Арабы сумели сохранить греко-римское наследие и через Испанию, Сицилию, государства крестоносцев вернуть его Западной Европе. Знакомство с греческой мыслью положило начало культурной эволюции европейцев, оказало влияние на христианскую теологию и привело к Ренессансу. Появление этой своеобразной «сильсилы» – перехода от античной цивилизации к цивилизации арабо-мусульманской, а через нее к европейскому Возрождению – стало возможным благодаря естественным транскультурным влияниям, ведущим к синтезу культур. Характерной чертой арабо-мусульманской цивилизации периода расцвета была ее открытость к взаимодействию с другими культурами. Яркий пример тому – взаимопроникновение исламской и индийской культур на территории Индостана и Персии. Позже, в колониальный период арабо-мусульманская цивилизация продемонстрировала высокий уровень устойчивости, свидетельством чему стала неудача попыток западноевропейских держав добиться культурной переориентации народов колоний.

В отношениях мусульман с иноверцами не все было, конечно же, однозначно (один из примеров тому – гонения на христиан при первых Аббасидах). В целом, однако, арабам был свойственен более высокий, чем западноевропейцам уровень веротерпимости – и отнюдь не только в одной арабской Испании. Это предопределялось зафиксированными в Коране принципами об отношениях мусульман с «людьми Писания», т.е. с христианами и иудеями, о недопустимости принуждения в делах веры и т.д. Веротерпимость и сейчас является одной из характерных черт образа жизни арабов. Одно из последних свидетельств тому – реакция в Саудовской Аравии на установку там памятника Христу, подаренного россиянами местным христианам. Как заявил на устроенной в этой связи в Дамаске 16 сентября 2008 г. пресс-конференции ректор Исламского духовного училища С. Кифтаро, «Иисус Христос дорог и известен каждому мусульманину... Ислам всегда выступает в союзе с христианством. Мусульмане в Сирии всегда жили в единстве с братьями-христианами».

Россией устойчивые связи с арабами начали поддерживаться с конца XVIII века. В 1771 г. командующий русской средиземноморской эскадрой граф А.Г. Орлов-Чесменский завязал дипломатические сношения с шейх аль-Баядом Каира Али-беем Великим и оказал ему военную помощь в борьбе

с Турцией, что можно рассматривать как первый пример военно-технического сотрудничества России с арабскими странами. В начале XIX в. российская миссия во главе с Е.П. Ковалевским провела по просьбе паши Египта Мухаммеда Али геологические изыскания в Египетском Судане, открыла там золото и оказала содействие в сооружении золотодобывающей фабрики. С конца XVIII в. в арабских странах начали открываться российские консульские учреждения, и в начале XX столетия Россия имела дипмиссию в Марокко, генеральное консульство и дипломатическое агентство в Каире и целый ряд консульств в Ливане, Палестине, Египте, Алжире. В Сирии и Палестине были учреждены многочисленные русские школы.

Если в свое время вхождение Руси в состав Золотой Орды наложило отпечаток на эволюцию социально-экономической формации в нашей стране, то во второй половине XX в. пример Советского Союза оказал воздействие на социалистический выбор Объединенной Арабской Республики, Ирака, Сирии, Алжира, Южного Йемена. Естественно, существовавшие там социально-экономические и политические системы не являлись повторением советской, но факт частичного копирования невозможно не видеть.

В современном мире проблема межцивилизационных отношений приобрела особую значимость. После террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. стало ощущаться нарастание на Западе ксенофобии и религиозной нетерпимости, отторжение «чужого». Сейчас мир оказался как бы на перепутье, и остро стоит вопрос, какую из дорог он выберет – ведущую к конфликту цивилизаций или ведущую к их взаимодействию.

И здесь Россия и мусульманские страны сталкиваются со схожими проблемами. Одной из основных среди них является тенденция к доминированию западной цивилизации как наиболее развитой и технически оснащенной. Название «западная», впрочем, довольно условно. Речь идет об американской культуре, вытеснившей после Второй мировой войны старую западноевропейскую культуру. Достижения западной цивилизации, конечно, неоспоримы, но неоспоримы и ее существенные минусы. Главный из этих минусов, который сводит на нет ее достижения, заключается в том, что она основана на «защищенном оружии потребительства»,

как назвал данный феномен сопредседатель Международного общественного форума «Диалог цивилизаций», индийский философ Дж. Капур⁴.

Серьезная опасность заключается в стремлении навязать эту цивилизацию другим народам, имеющим иные – отличающиеся от западных – исторический опыт, культуру, традиции, свои национальные характеры и свою шкалу жизненных ценностей. По существу, речь идет о попытке уничтожить религиозное и культурное, но также и политическое и экономическое многообразие мира, заменив его унифицированной цивилизационной моделью, основанной на законах рынка и на построенной по американскому типу демократии. Без такой замены, без трансформации иных культур, без разрушения традиций и религиозных, философских, эстетических и моральных устоев других наций, без вытравливания их этнического самосознания, без оболванивания населения невозможно построить глобальное «общество потребления». Западная культура превращается, таким образом, в орудие колонизации.

Яркий пример подобного подхода – попытки Соединенных Штатов внедрить и в Россию, и в исламские государства собственную модель демократии. Ни для РФ, ни для мусульманских стран копирование западных политических стандартов не представляется приемлемым. Дело прежде всего в том, что демократическую модель невозможно навязать извне. Процессы политической либерализации неразрывно связаны с процессами формирования гражданского общества. При этом каждый народ имеет право на использование таких демократических форм, которые соответствуют его традициям, реалиям его общественной жизни, а также стереотипам его массового сознания.

Восприятие ценностей потребительства неизбежно ведет к культурной деградации, к подмене культуры субкультурой, а затем и к разрушению основ существования цивилизаций. Ментальность человека оказывается втиснутой в рамки стремления к обретению все новых и новых материальных ценностей, люди превращаются в запрограммированных потребителей товаров и услуг. Главным и даже единственным мерилom ценности человеческой личности становится количество денежных знаков, которыми эта личность обладает. Средства массовой информации с гордостью сообщают не о том, какие успехи достигнуты в той или иной стране в борь-

бе с бедностью и в решении социальных проблем, а о количестве живущих в ней мультимиллионеров. Обитавший в бочке философ Диоген Синопский не пользовался бы в современном мире ни уважением, ни авторитетом.

Происходит размывание моральных принципов, подрыв способности различать добро и зло. Автору запомнилось выступление в Тунисе на встрече с соотечественниками в 2001 г. митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, который обратил внимание на то, что сейчас много говорят о всевозможных кризисах – экономическом, социальном, политическом, идеологическом. Но в основе всех них, подчеркнул Кирилл, лежит один кризис – кризис морали.

В массовое сознание внедряются представления о насилии как наиболее эффективном средстве решения любых проблем. Результатом стала поддержка целыми народами действий своих правительств, несущих гибель ни в чем неповинным гражданам других стран, мужчинам, женщинам, детям других наций. Все, похоже, идет к тому, что представляющие собою одно из проявлений конфликта цивилизаций этнические чистки будут скоро рассматриваться чуть ли не как нормальное явление. Последнее свидетельство тому – безучастное отношение в мире к преступлениям, которые творила грузинская армия во время вторжения в Южную Осетию.

Следствием тирании приобретательства стало разбазаривание невозполнимых природных ресурсов, разрушение экологии Земли, уже начавшей превращаться в умирающую планету. При этом безмерное расточительство не ведет к решению существующих социальных проблем: следствием выставляемого на показ богатства одних становится крайнее обнищание других.

Сейчас налицо активное и пассивное противодействие сотен миллионов людей угрозе, создаваемой их самобытностью, культурным и религиозным ценностям и цивилизационному своеобразию вторжением западной субкультуры и образа жизни. Это не означает, однако, неприятия всего, что связано с западной цивилизацией. Нельзя не видеть стремления к заимствованию экономических достижений и научно-технических инноваций Запада. Все более четко прорисовывается и позитивная тенденция к приспособлению культурных и религиозных традиций к новым, быстро меняющимся условиям бытия.

Реакцией на вторжение чужой цивилизации нередко становится религиозный фундаментализм, представляющий, с одной стороны, попытку отстоять самобытность мусульманских народов, а с другой, – намерение активного меньшинства силой навязать обществу свои взгляды. «Салафитский проект» выглядит как еще одна эгалитаристская утопия. Невозможность его успешной реализации показывает неудача предпринимавшихся в разное время попыток претворить в жизнь исповедуемые исламистами идеи в «Исламском эмирате Афганистан», Пакистане, Судане. Но при этом стремление салафитов навязать свою модель выливается в насилие по отношению к собственным народам. К каким трагедиям и жертвам это приводит, показывает опыт целого ряда стран, и в первую очередь многострадальных Афганистана и Алжира. С точки зрения межцивилизационных отношений терроризм опасен тем, что создает повод к проведению под предлогом борьбы с этим феноменом разделительных линий между Западом и исламским миром, зачислению чуть ли не всех мусульман в число противников цивилизации. Существуют, увы, и планы противопоставления друг другу России и мусульманских стран, реализация которых нанесла бы гигантский ущерб и РФ, и государствам Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки.

В создавшихся условиях для России и для исламского мира особую важность приобретает наращивание межцивилизационного диалога, проведение которого априори предполагает существование и сохранение многообразия культур и цивилизаций. Понимание и оценка по достоинству других культур призваны способствовать созданию новых возможностей для развития каждой отдельной культуры. Важно создать климат, благоприятствующий цивилизационному самовыражению народов. Необходимость искать возможности сосуществования и сотрудничества диктуется к тому же и нарастающими процессами глобализации. Только на путях поощрения естественных межцивилизационных обменов и естественного же взаимодействия цивилизаций возможна реализация давней мечты человечества о превращении мира в одну большую семью.

Нами накоплен немалый опыт такого диалога с арабами. Достаточно упомянуть о взаимодействии в данной сфере с Арабской организацией по вопросам образования, культуры

и науки, о контактах с Исламской организацией по вопросам образования, науки и культуры. Вместе с тем приходится констатировать, что пока российско-арабский диалог, сводящийся в основном к обмену мнениями между учеными, не позволил четко определить цели и наметить пути их достижения. И вряд ли утешением может здесь служить то, что с аналогичными проблемами сталкивается и диалог цивилизаций в целом. Как представляется, одной из задач межцивилизационного диалога мог бы стать поиск подходов к тому, как противостоять «парадигме потребительства», навязывающей модель единой цивилизации. Важно вернуть индивиду понимание того, что «не хлебом единым жив человек», позволить ему стать выше страсти к приобретению, вернуть способность мыслить за пределами узких рамок потребительской выгоды.

Еще одной задачей обмена мнениями между нами могло бы стать формирование непредвзятых представлений об эволюции российской и арабо-мусульманской цивилизаций, об исторических процессах в России и странах Ближнего Востока и Северной Африки. «Народы, – с тревогой констатировал Д.С. Лихачёв, – слишком мало знают друг о друге, не знают культуры своих соседей, имеют самые посредственные знания по истории. При этом в исторической науке много мифов, ложных представлений, фальсификаций».⁵

Главным же в настоящее время является продвижение межцивилизационного диалога за рамки научных конгрессов, более активное подключение к нему правительств, политических партий и общественных организаций, средств массовой информации, наращивание их усилий по распространению религиозной толерантности, преодоления стереотипов настроенного отношения к «чужому», внедрению объективных представлений об иных цивилизациях и культурах.

Процессы, происходящие в настоящее время в межцивилизационных отношениях, не являются однозначными. Но при этом нельзя не видеть четкой тенденции к упрочению взаимосвязи и гомогенизации цивилизаций. Начали вырисовываться перспективы формирования общечеловеческой цивилизации на основе взаимного культурного обогащения, естественного межцивилизационного взаимодействия, способного в конечном счете привести к конвергенции культур. Не вызывает сомнения, что существенный вклад в этот процесс могут и

должны внести две великие цивилизации и культуры – российская и арабо-мусульманская.

¹ Цит. по: Асадулин Ф. История без купюр. Перспектива исламо-христианского диалога: необходимости прорубать «окно на восток» нет и не было. –

<http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=666>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Капур Дж. Наше будущее: потребительство или гуманизм. М., 2008, с. 203.

⁵ Цит. по: Асадулин Ф. Указ. соч.

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА РОССИИ И ИРАНА

В современном мире стратегическое партнерство держав, таких крупных и близких друг к другу географически, каковыми являются сегодня Иран и Россия, может играть заметную роль в деле обеспечения региональной стабильности и безопасности с целью создания благоприятной обстановки для развития взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества. Также оно имеет задачу ограничить влияние других крупных политических блоков, географически более удаленных, но преследующих свои собственные интересы в данном регионе (особенно если эти интересы не согласуются с интересами двух сотрудничающих государств). На взгляд автора, именно в этих обстоятельствах заключаются предпосылки для развития российско-иранского стратегического партнерства. Проблема будущего российско-иранского сотрудничества еще более возрастает в настоящий момент, в преддверии президентских выборов в Исламской Республике Иран, назначенных на июнь 2009 г. Несомненно, что от качества партнерства и характера взаимоотношений России и Ирана зависит сегодня геополитическая обстановка на всем евразийском континенте, и прежде всего на так называемом «постсоветском пространстве». В то же время, учитывая специфику правящего режима в современном Иране, следует иметь в виду, что политический курс этой страны может и круто измениться (особенно после летних выборов); следовательно, перспективы российско-иранского партнерства могут оказаться под вопросом.

Сегодня Иран и Россия объективно являются государствами, занимающими важное геополитическое положение, обладающими крупными запасами стратегически значимых полезных ископаемых, большими человеческими ресурсами и имеющими мощный военный и экономический потенциал. Так, площадь Ирана составляет 1648 тыс. кв. км; это самое боль-

шое по территории государство на Ближнем и Среднем Востоке (более чем в два раза превышающее площадь Турции), имеющее выходы к морям (1/3 границ Ирана морские). Это, несомненно, облегчает экономические связи Ирана со многими странами мира. По запасам нефти (только разведанные запасы которой составляют 8 млрд. т) Иран занимает одно из первых мест в мире. Богат Иран и природным газом, а также таким стратегически важным сырьем, как медные руды, хромиты, никель и кобальт¹. По населению Исламская Республика Иран (ИРИ) – одно из самых крупных государств Среднего и Ближнего Востока (около 70 млн. чел.). Иран, как и Россию, можно назвать многонациональным и поликонфессиональным государством. Данное обстоятельство очень важно для Ирана с точки зрения поддержания региональной стабильности, особенно на «постсоветском» пространстве (в республиках Закавказья и Средней Азии), а также в Афганистане. Любая дестабилизация обстановки здесь может негативно сказаться на этноконфессиональной ситуации в самом Иране и создать угрозу территориальной целостности страны. Именно поэтому Ирану необходимо сегодня сотрудничество с другой крупной региональной силой – Россией, не утратившей еще полностью, несмотря на распад СССР, своего влияния на постсоветском пространстве.

Иран и Россия имеют сегодня и общий водный бассейн – Каспийское море, богатое углеводородным сырьем. Конечно, как справедливо отмечают многие российские и зарубежные исследователи, у Ирана на Каспии свои собственные интересы, особенно в плане транспортировки каспийской нефти через свою территорию, а также для внутреннего ее потребления в северных районах страны. Реализация таких проектов помогла бы Ирану значительно обогатиться экономически и стать крупной региональной силой². Не случайно вплоть до самого последнего времени иранская сторона открыто не выражала своего отношения к проектам Транскаспийского газопровода. Здесь нужно заметить, что основные месторождения нефти и газа самого Ирана расположены на юго-западе страны и в зоне Персидского залива, в связи с чем встают проблемы транспортировки сырья в северные районы. Однако в то же время обсуждаемый сегодня проект раздела Каспия, скорее всего, не был бы выгоден ни Ирану, ни России, так как это привело бы фактически к потере обоими государствами почти

200 тысяч квадратных километров акватории, а также к усилению влияния (используя Казахстан и Азербайджан, склонных к разделу Каспия) западных держав в Прикаспийском регионе³. Исходя из этого, можно заключить, что принцип неразделимости водного бассейна Каспия в наибольшей степени соответствовал бы интересам обоих государств. Собственно, принципы «равноценности» и «равноправного сотрудничества» обе стороны провозглашают ключевыми в отношении решения проблем Каспия; именно это и показали переговоры глав государств России и Ирана, состоявшиеся 16–17 октября 2007 г. в Тегеране⁴. Президент ИРИ М.Ахмадинежад на этих переговорах подчеркнул, что «все вопросы, касающиеся Каспийского моря, должны решаться только в кругу прикаспийских государств»; эта фраза была истолкована некоторыми наблюдателями как поддержка Ираном российской позиции по Каспию⁵.

Необходимо отметить, что для России ее сосед, Иран, является важным партнером в деле поддержания стабильности на Северном Кавказе и в Средней Азии. Фактически это подтверждалось следующим. Тегеран, по мнению некоторых зарубежных обозревателей, еще в недавнем прошлом играл ведущую роль в «снижении негативного отношения мусульманского мира к Москве за ее военные кампании в Чечне»⁶. Тегеран, несмотря на высказывания официальных лиц Ирана относительно недопустимости военного решения чеченского конфликта, в целом признавал, что проблема Северного Кавказа и, в частности, Чечни – это внутреннее дело России. На территории Исламской Республики Иран никогда не существовало каких-либо «независимых чеченских представительства»⁷. Нельзя не вспомнить и о том, что позиции иранского и российского руководства были близки относительно конфликта начала 90-х годов XX в. в Таджикистане. И для России, и для Ирана, и для самих среднеазиатских государств важны совместные действия по решению афганской проблемы, в борьбе с трансграничным этническим и религиозным экстремизмом, незаконной транспортировкой наркотиков.

Сегодня Иран – это широкий рынок для российской промышленности, особенно в сфере вооружения. Еще в первые годы нынешнего, XXI столетия некоторые западные эксперты оценивали объем потенциальных новых сделок по продаже оружия Россией Ирану в объеме от 1 до 7 млрд. долларов; уже с конца 80-х годов Россия поставила в Иран вооружений

на сумму 2,5 млрд. долларов⁸. Имеются также и возможности для сотрудничества в сфере ядерной энергетики, разработок нефтяных и газовых месторождений, в транспортной сфере, что подчеркивалось на российско-иранских переговорах в октябре 2007 г. в Тегеране⁹. Иран также заинтересован в российском рынке для сбыта своих товаров, прежде всего изделий текстильной, пищевой промышленности, морепродуктов.

Экономическое и техническое сотрудничество двух стран имеет на сегодняшний день весьма солидную базу и опыт. В свое время СССР оказал Ирану большую помощь в проведении индустриализации, а также в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. (тогда торговые отношения Ирана и России развивались на бартерной основе). Однако объемы советско-иранского сотрудничества могли бы быть и большими, если бы не давление Великобритании, а в дальнейшем – фашистской Германии; под напором западных государств правящие круги Ирана и лично шах династии Пехлеви шли на сокращение объемов торгово-экономического и, особенно, военно-технического сотрудничества с СССР.

Но особенно значительно прозападный курс руководства Ирана обозначился после присоединения страны к Багдадскому пакту в 1955 г., куда вошли также Ирак, Великобритания, Турция и Пакистан; в дальнейшем пакт был дополнен военным соглашением Ирана и США от 1959 г. Оно предоставляло возможность использования американских вооруженных сил на территории Ирана. С 1947 по 1969 г. США «в рамках безвозмездной помощи» поставляли в Иран военную технику. В 70-е годы, когда благодаря нефти финансовые возможности Ирана резко возросли, поставка техники велась на коммерческой основе. За 10 лет США продали Ирану техники на сумму около 20 млрд. долларов¹⁰. Таким образом, в военно-политическом отношении Иран стал противником Советского Союза. Однако экономическое сотрудничество СССР и Ирана все же продолжало развиваться. Так, СССР на основе соглашения 13 января 1966 г. оказал Ирану существенную помощь в строительстве металлургического и машиностроительного заводов, прокладке газопровода.

После революции 1979 г. и провозглашения Ирана Исламской Республикой, несмотря на разрыв ее отношений с США, СССР продолжал считаться врагом Ирана, но только уже не в военном, а в идеологическом плане, поскольку представ-

лял собой, по трактовке духовных вождей Исламской революции, «антирелигиозное государство». Однако следует помнить, что официальные отношения республиканского Ирана и Советского Союза и в эти годы не прерывались. Широко распространено мнение, что улучшение российско-иранских отношений началось лишь после распада СССР. Однако ряд фактов свидетельствует, что это не вполне соответствует действительности. Надо заметить, что с самого начала руководство ИРИ и, в частности, руководитель республики аятолла Рухолла Мусави Хомейни, несмотря на широкую пропаганду идей «экспорта» исламской революции, все же проявляли некоторый прагматизм в отношениях именно с СССР. К примеру, даже в первые годы существования ИРИ призывы экспортировать исламскую революцию в советские центральноазиатские республики были довольно редки, а если и имели место, то в очень мягкой форме, в отличие от обращений к мусульманам арабских государств¹¹. Можно также вспомнить знаменитое письмо аятоллы Хомейни М.С. Горбачеву от 11 января 1986 г. Сам по себе факт обращения Р.М. Хомейни с письмом к руководителю СССР можно истолковать как стремление тогдашнего руководства ИРИ обозначить пути для возможного улучшения отношений, разумеется, в ключе, выгодном именно Исламской Республике. Так, Р.М. Хомейни высказал пожелание, чтобы СССР в связи с начинающимися реформами «не оказался бы пленником Запада»¹². К тому же в середине 80-х годов, когда остро обозначились потребности Ирана в современном вооружении (импорт из США был приостановлен), началось сотрудничество с СССР именно в этой области. В частности, поставлялись ракеты класса Scud и самолеты. В данном случае очевидны причины, по которым иранское руководство вынуждено было пойти на сотрудничество с СССР. А после распада СССР эти отношения начали свертываться, не без давления США. По сведениям некоторых российских экспертов, Россия за это ежегодно получала финансовую помощь от США в 800 млн. – 1 млрд. долларов¹³. Но так или иначе, 90-е годы можно без сомнения считать новым этапом в истории российско-иранского сотрудничества. Сфера контактов и партнерства вновь значительно расширилась. Именно тогда начали закладываться основные направления современного российско-иранского сотрудничества. Были заложены основы взаимодействия в сфере атомной энергетики (успешно продолжается

строительство Бушерской АЭС с помощью российской стороны); в 1999 г. достигнута договоренность относительно организации в Иране лицензированного производства самолетов. В настоящее время ведутся переговоры и по поставке в Иран и открытию в этой стране производства гражданских вертолетов «Камов». Выходят на новый уровень и, по сути, приобретают стратегическое значение характер и объемы российско-иранских связей в энергетической сфере, предполагается участие российских компаний в разработке иранских нефтяных и газовых месторождений; особое значение это направление приобретает в связи с проектами развития Международного транспортного коридора «Север-Юг». Успешно развиваются торговые отношения: к концу 90-х годов товарооборот достигал 500–600 млн. долл. в год, а к 2004 г. он составил уже свыше 1 млрд. 300 млн. долл.¹⁴ Возобновлены и поставки российского вооружения в Иран¹⁵. В частности, из России были продолжены поставки танков Т-72, самолетов Су-24, МиГ-29 и средств ПВО¹⁶. В 2005 г. Иран запустил на орбиту первый собственный космический спутник, однако сам аппарат был изготовлен российскими специалистами¹⁷. Особо спорным в данной связи является вопрос об иранской ядерной программе и отношения к ней России. Официальная позиция России в настоящий момент по этой проблеме такова: российское руководство опровергает информацию о «тайных» поставках в Иран наступательного вооружения стратегического характера, выступает за строгий и прозрачный международный контроль ядерных программ. Глава российского МИДа С.В.Лавров подчеркивает необходимость «политического, мирного урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы»¹⁸. Ряд экспертов высказывает опасения относительно возможного изменения региональной ситуации в связи с реализацией иранских военных программ¹⁹. Однако нет сомнения и в том, что России на настоящий момент необходимо что-либо противопоставить акциям США, направленным на дальнейшее географическое расширение блока НАТО в восточном направлении, вовлечение в него новых государств уже постсоветского пространства; иранская ядерная проблема может, таким образом, оказаться и важным козырем в руках российского руководства. Так или иначе, но по итогам российско-иранского сотрудничества уже в первые годы нынешнего века встал вопрос о необходимости подписания между правительствами обеих стран Меморандума

о развитии долгосрочного торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества²⁰. Таким образом, характер российско-иранского сотрудничества не случайно был признан «многоплановым» в ходе последнего официального визита президента Российской Федерации В.Путина в Иран, прошедшего в октябре 2007 г.

В 90-е годы в связи с образованием СНГ и формированием новой геополитической реальности появилась еще одна важная сфера сотрудничества Ирана и России – региональная. Нестабильность ситуации в Закавказье и Средней Азии на протяжении 90-х годов XX в. беспокоила и российскую и иранскую стороны. Объективно Иран являлся соперником активной политики Турции и Пакистана в Средней Азии, что, отчасти, отвечало интересам России. Позиция Ирана по проблеме Северного Кавказа также, как отмечалось выше, частично соответствовала российским интересам.

Каковы же могут быть в настоящий момент перспективы стратегического партнерства России и Ирана? Зонами (регионами) согласованной политики Ирана и России и сегодня при определенных условиях могли бы быть Закавказье, Средняя Азия, Афганистан и собственно Каспийское море. С проблемами Каспийского региона в настоящее время неразрывно связаны вопросы сооружения транскаспийских газопроводов, которые поставляли бы туркменский природный газ в западном направлении, в обход территории как Ирана, так и России. Нынешнее российское руководство подчеркивало очевидную политическую составляющую данных программ; министр иностранных дел РФ С.В. Лавров указывал на то, что при поиске путей диверсификации маршрутов транспортировки энергоносителей «страны должны руководствоваться прежде всего коммерческими, экономическими, а не политическими и, тем более, геополитическими соображениями»²¹. Очевидно, что хотя и Россия, и Иран преследуют свои, независимые друг от друга интересы и цели в отношении транспортировки энергоресурсов, сооружение транскаспийских трубопроводов в рамках проектов «Южный поток» и «Набукко» не соответствует интересам ни России, ни Ирана, так как они в итоге приведут к усилению позиций западных держав в Закавказье и на Каспии. В связи с этим возникает основание для стратегического партнерства Ирана и России с целью совместно отстаивать в Закавказье свои интересы; часто говорится об Армении как

о естественном союзнике России и Ирана в регионе²². Правда, следует сделать оговорку, что подобные перспективы пока до сих пор не воплотились ни в какие конкретные соглашения. Однако их можно признать и спорными, если учесть произошедший именно за последние годы заметный прорыв в турецко-армянских отношениях (на 2009 г., в частности, запланирован визит президента Армении в Турцию), а также вспомнить высокую оценку, данную новому качеству турецко-армянских отношений внешнеполитическим ведомством США и руководством ЕС²³. Но все же, говоря о Закавказье, нельзя не отметить имеющиеся на сегодня определенные достижения в регионе в связи с общими российско-иранскими интересами. Правда, уже на другом направлении – азербайджанском. Азербайджан в свое время дал согласие на строительство 355-километрового участка железной дороги между Астарой и Казвином, что обеспечит соединение железных дорог Ирана, России и Азербайджана в единую транспортную сеть. Российские машиностроительные предприятия, кроме того, участвуют в электрификации уже существующих железнодорожных веток на территории Ирана. Стороны уже практически договорились о возобновлении сухопутного сообщения между Российской Федерацией и Ираном через территорию Дагестана. Все это, несомненно, тоже закладывает реальную основу для долгосрочного партнерства Ирана и России в Закавказье в плане создания и развития общих транспортных коридоров²⁴.

Роль среднеазиатского региона в развитии российско-иранского сотрудничества также достаточно высока. Однако нельзя упускать из виду то, что здесь Иран стремится преследовать свои сугубо собственные интересы, особенно в отношении транспортировки среднеазиатских ресурсов через свою территорию к Персидскому заливу. В связи с этим напрашивается вывод, что Иран в данном регионе является скорее конкурентом России. Но, по справедливому замечанию иранского исследователя, «это относится не только к Ирану, но и ко всем государствам, которые стремятся оказать свое влияние в Средней Азии»²⁵. Очевидно, что государства Средней Азии, сталкиваясь сегодня с массой экономических, этнических, социальных проблем, могут и не справиться со своими трудностями самостоятельно, что создаст угрозу стабильности и безопасности в регионе. Именно в сфере обеспечения региональной безопасности у российско-иранского сотрудничества в Средней

Азии имеются перспективы. Рост националистических настроений в Средней Азии не может устроить ни Иран, ни Россию. В этой связи полезно вспомнить о том, что титульные нации новых государств Средней Азии (исключая Таджикистан) – тюркские. Любая дестабилизация обстановки и вспышка национализма может распространиться и на северный Иран, где значительную часть населения составляют туркмены и другие выходцы из Средней Азии. Немаловажно и то, что в пограничных районах Ирана со Средней Азии проживает значительная часть иранских суннитов. Для России подобное развитие событий также может представлять опасность, прежде всего с учетом того, что русское население среднеазиатских республик насчитывает сегодня несколько миллионов человек. Их безопасность также не может не волновать Россию. Укрепление же российских позиций в Средней Азии может гарантировать и обеспечение иранских интересов в регионе. Именно в связи с региональной безопасностью основой для российско-иранского сотрудничества в регионе вполне могла бы стать, как представляется, деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которой сегодня Россия является полноправным членом, а Иран имеет статус наблюдателя²⁶. На нынешнем этапе государства-учредители ШОС, в частности, две крупнейшие евразийские державы Россия и Китай, рассчитывают использовать потенциал организации для укрепления собственных позиций в стратегически значимом среднеазиатском регионе, одновременно ограничивая влияние в нем третьих стран. Потенциал Ирана как возможного союзника в регионе представляет интерес как для России, так и для Китая. По мнению некоторых аналитиков, деятельность ШОС можно таким образом характеризовать как ответные действия тех стран мира, которые стремятся что-либо противопоставить устремлению США по навязыванию выгодного им «однополярного» мирового порядка²⁷. На саммите государств-участников ШОС, состоявшемся в августе 2007 г. в г.Бишкек, делегация Исламской Республики Иран выразила свою заинтересованность в сотрудничестве в рамках организации, причем по самым различным направлениям. Президент ИРИ М. Ахмадинежад, в частности, подчеркнул, что «Иран готов к сотрудничеству, в силу своих политических, экономических, культурных возможностей и исходя из своих геополитических и геоэкономических ориентиров»²⁸. Таким образом, очевидно, что Иран,

в свою очередь, сам стремится к тому, чтобы предупредить военное и экономическое проникновение Запада, прежде всего США, в среднеазиатские республики и именно поэтому заинтересован в членстве в ШОС. И хотя на данном этапе США идут на ограничение своего военного присутствия в регионе (в частности, решение о закрытии американской военной базы «Манас» на территории Кыргызстана уже принято правительством Кыргызской Республики), данную акцию не следует расценивать как полный отказ американской администрации от своих «больших планов» в отношении Центральной Азии. Сегодня это выглядит, в общем, равноценно недавней уступке, сделанной Москвой новой американской администрации Б.Обамы: российский Генштаб заявил об отказе от планов развертывания ракетных комплексов «Искандер» на территории Калининградской области²⁹. Кроме того, ряд стран НАТО во главе с США сохраняет свое военное присутствие на территории Афганистана, от развития ситуации в котором, несомненно, зависит стабильность и безопасность на территории всей Центральной Азии.

Что касается самого афганского направления, то оно занимает также важное место в развитии российско-иранского сотрудничества. Официальный Тегеран, в частности, обеспокоен судьбой афганских шиитов, проблемами наркотрафика, притока беженцев на территорию Ирана, возможностью дестабилизации обстановки в Белуджистане (юго-восточной провинции Ирана). Российские и иранские высшие должностные лица неоднократно обсуждали меры по борьбе с незаконным оборотом наркотиков из Афганистана. Среди российских экспертов и политологов существует стремление рассматривать Россию и Иран как страны, которые совместными усилиями могли бы заставить участников афганского конфликта сесть за стол переговоров, подобно тому, как это имело место в начале 90-х годов прошлого века в Таджикистане³⁰. Саму Россию афганская проблема затрагивает прежде всего из-за возможной дестабилизации обстановки в Узбекистане и Таджикистане, в которых после распада СССР практически перманентно стоит вопрос надежной охраны южных пограничных рубежей СНГ; российские военные советники принимают здесь участие в пограничной охране.

Если рассматривать в целом феномен «постсоветского пространства» как одно из направлений, по которому может развиваться в дальнейшем российско-иранское партнерство,

то помимо Закавказья и Центральноазиатского региона следует вспомнить и о потенциале государства, являющегося сегодня фактически одним из ближайших союзников России – Республике Беларусь. В наши дни, как известно, фиксируется активное сближение Ирана и Беларуси, двух государств, рассматриваемых многими в настоящий момент как «страны-изгои». Встречи глав обоих государств в Тегеране и Минске в течение 2006–2007 гг. показали не только схожесть позиций по различным проблемам мировой политики, но и обозначили ряд перспективных направлений сотрудничества, в частности, в сфере промышленного производства, взаимных инвестиций, поставок сельскохозяйственной продукции. В нынешнем руководстве иранского МИДа экономики обеих стран расценивают как «взаимодополняемые»³¹. Подключение Беларуси к укрепляющемуся российско-иранскому сотрудничеству для России будет, несомненно, означать начало формирования выгодного стратегического «паритета интересов» (ввиду реальных на сегодняшний день перспектив продолжения процесса «расширения НАТО на Восток»); тогда как для Ирана это, очевидно, приведет к появлению у него еще одного надежного и нужного ему союзника в Восточной Европе, что будет подкрепляться не только декларациями, но и реальными объемами взаимовыгодного сотрудничества³².

В отношении Каспийского моря следует только добавить к вышесказанному, что раздел его никак не соответствует интересам России и Ирана и может привести к усилению позиций Запада и отстранению как России, так и Ирана от участия в реализации нефтяных и газовых проектов. Именно в таком ключе высказывались официальные представители ИРИ и российская делегация в ходе второго Каспийского саммита, состоявшегося в Тегеране в октябре 2007 года. Президент РФ В.В. Путин тогда заявил, что «проекты, которые могут нанести серьезный ущерб экологии региона, не могут реализовываться без предварительного обсуждения всеми пятью прикаспийскими государствами». Президент Ирана М.Ахмадинежад, в свою очередь, подчеркнул, что «Каспийское море – внутреннее, и ни одна страна, не имеющая к нему выхода, не вправе держать здесь корабли или другие военные мощностии»³³. Президенты России и Ирана, хотя и подошли к проблеме несколько с разных сторон, тем не менее сделали особый акцент на недопустимости вмешательства «третьих государств» (то есть не имею-

щих выхода к Каспийскому бассейну) в решение проблем Каспия. Несмотря на то, что Казахстан и Туркмения продолжают поиски альтернативных путей для транспортировки своих энергоносителей на запад, Москве и Тегерану удалось в ходе саммита взять важные «стратегические очки». Россия, Иран, а также участвовавшие в саммите Азербайджан, Туркменистан и Казахстан признали право каждой из сторон развивать и использовать в мирных целях национальную энергетику и подписали совместную Декларацию, в которой говорится о недопустимости использования территории прикаспийских государств для осуществления военной агрессии или военной экспансии³⁴. В дополнение к этому российская и иранская стороны высказались за недопустимость военного присутствия на Каспии тех государств, которые «не являются прикаспийскими»³⁵. Эти итоги второго Каспийского саммита, подписанные странами-участницами документы объективно создают дополнительные затруднения для проникновения на Каспий США; кроме того, они закладывают своего рода основы для формирования нового не только чисто экономического, но и стратегического оборонительного союза в районе Каспийского бассейна, в котором на ведущих ролях будут находиться Россия и Иран. В частности, российская и иранская стороны активно продвигают идею создания на Каспии военно-морской группы оперативного реагирования («Касфор») с участием всех прибрежных государств (по аналогии с уже реализованным проектом «Блексифор» на Черном море); одними из целей проекта в упомянутой совместной российско-иранской Декларации (п.15) признаны «укрепление стабильности и безопасности» региона, обеспечение «экономических интересов обеих стран»³⁶.

В заключение необходимо дать краткую характеристику проблемам, которые также вполне реально могут возникнуть в ходе развития российско-иранских отношений. Первой такой проблемой может стать политика, проводимая сегодня Ираном в Средней Азии. В условиях распада СССР и образовавшегося «вакуума силы» Иран стремится играть роль регионального лидера в среднеазиатском регионе. Хорошо известно стремление Ирана развивать связи и укреплять свое влияние в среднеазиатских республиках, пока ограничиваясь лишь сотрудничеством в области культуры и образования, пропаганды персидского языка и литературы и идей культурной общности. Известны также усилия Ирана, направленные на выявление

сведений о шиитских общинах Средней Азии, компактно проживающих среди массы среднеазиатского суннитского населения³⁷. Очевидно, что в политической и религиозной сфере нынешнее прагматичное иранское руководство сотрудничает со среднеазиатскими республиками лишь ограниченно. Однако в случае прихода к власти в Иране радикальных сил внешнеполитические приоритеты в отношении Средней Азии могут и измениться, что уже не будет способствовать российско-иранскому сотрудничеству в регионе. Кроме того, как уже говорилось, Иран имеет свои интересы в отношении транзита через свою территорию среднеазиатских углеводородных ресурсов и товаров. Еще в самые первые годы нынешнего века в иранском МИДе говорили о наличии «многочисленных возможностей для транспортировки источников энергии» и предлагали считать именно Иран «лучшим вариантом для их транспортировки на юг, запад и восток»³⁸. Принимая это во внимание, можно говорить и о возможном выходе среднеазиатского региона из сферы влияния России. Другая проблема заключается в том, что западные державы могут начать активно развивать и использовать отношения с Ираном в своих собственных интересах и, как следствие, в ущерб интересам России. Иран привлекателен для западноевропейских государств и инвесторов наличием богатых природных ресурсов, объемным рынком сбыта, дешевой рабочей силой, возможностью контроля над рынками среднеазиатских государств, а также важностью своего географического и геополитического положения. Сегодня сотрудничество с Россией необходимо Ирану, чтобы сдерживать давление и возможное применение силы со стороны США в связи с обострением ситуации вокруг иранской ядерной программы.

Однако характер ирано-американских отношений может и измениться; в частности, США, руководствуясь соображениями «регионального прагматизма», могут пойти на улучшение отношений с ИРИ, рассматривая это как средство влияния на обстановку в Персидском заливе, Ираке, Каспии и Средней Азии. Соответствующий сигнал был уже дан новой администрацией американского Белого Дома и лично новым президентом США Б.Обамой, который неоднократно подчеркивал свое «критическое отношение» к проекту размещения системы ПРО, направленной против «стран-изгоев», к которым относится, в том числе, и Иран³⁹. Американцев также, несомненно, будет интересовать и объемный иранский рынок для сбыта новых

видов вооружения. Если вышеперечисленные тенденции будут развиваться, это может в итоге означать вытеснение России с иранского рынка, потерю многих выгодных контрактов, а главное – уменьшение политической значимости России для Ирана, сокращение ее влияния на Каспии и в Средней Азии. В связи с этим встает и третья проблема – недостаточная активность сегодняшней политики России в отношении Ирана и Средней Азии. Ряд аналитиков и экспертов отмечает недостаточное использование возможностей Шанхайской организации сотрудничества именно в плане обеспечения региональной безопасности и решения вопросов, связанных с разоружением; в данном отношении ШОС, как утверждается, может оказаться успешной альтернативой ОБСЕ и даже ООН. В частности, именно ШОС как сугубо региональная организация характеризуется как наиболее подходящий инструмент и механизм контроля над ядерными программами Ирана. Однако стремление ведущих государств-членов этой международной организации придать ей характер «универсальности и всеобщности» приводят лишь к тому, что ШОС может утратить привлекательность для стран-наблюдателей, которыми на сегодня являются Иран, Пакистан, Индия и Монголия⁴⁰.

Однако, несмотря на ряд существующих проблем, Россия и Иран потенциально являются сегодня государствами-партнерами как в двусторонних экономических и торговых отношениях, так и по региональному сотрудничеству. Оба государства исторически имеют традиции политических, дипломатических, торговых, культурных связей. Масштабы сотрудничества определенно говорят о том, что отношения стран в настоящий период времени уже не сводятся к чистой прагматике, хотя им порой не хватает необходимой политической солидарности в значимых для обеих сторон сферах. Динамично развивающейся иранской экономике необходим и обширный рынок центральноазиатских государств. Очевидно, что для выстраивания взаимовыгодных отношений с данными государствами Ирану не обойтись без участия и поддержки России; однако многое здесь, как видно, будет зависеть от определенности позиций самой России.

¹ Современный Иран. Справочник. М., 1993, с. 4–7.

² Хуторская В.В. Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии//Иран: ислам и власть. – М., 2001, с. 233–234. Также см.: The Washington Institute for Near East Policy. Partners in Need. The Strategic Relationship of Russia and Iran, <http://www.radiobergen.org/pubs/exec/shafferexec.htm>

³ Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. Социально-политические и экономические аспекты. – М., 2002.

⁴ 16–17 октября 2007 г. президент Российской Федерации В.В.Путин во главе делегации высокого уровня посетил Исламскую Республику Иран с рабочим визитом; данный визит стал первым визитом главы российского государства в Иран за всю историю отношений между двумя странами. Визит состоялся по приглашению президента Исламской Республики Иран. В ходе пребывания в Тегеране президент Российской Федерации В.В. Путин принял участие во Втором каспийском саммите, встретился и провел переговоры с Верховным руководителем Исламской Республики Иран аятоллой С.А. Хаменеи, а также с президентом Исламской Республики Иран Мухаммадом Ахмадинежадом.

⁵ <http://www.rbcdaily.ru/2007/10/17/focus/298581>

⁶ Бренда Шаффер (Brenda Shaffer). Америке нужна Россия, чтобы сдерживать Иран // «Los Angeles Times», США, 22.02.2002. Перевод В.Федотова. <http://www.idsa-iran.org/full/143167.html>

⁷ Комиссия Организации Исламская конференция (ОИК), председателем которой до ноября 2000 г. являлся Иран, возглавляемая официальными лицами Ирана, в 1999–2000 гг. в ходе так называемой «Второй Чеченской войны» дважды посетила Москву и Северный Кавказ (республики Дагестан, Ингушетию, Северную Осетию). Высокие должностные лица ИРИ, выезжавшие с миссией на Северный Кавказ, заявляли, что они убедились в стремлении РФ к урегулированию ситуации в Чечне, однако сделали акцент на необходимости поиска мирного разрешения конфликта См.: Арунова М.Р. РФ-ИРИ. Политический диалог: 1999–2000гг.// Иран: ислам и власть... С.190–191.

⁸ 13 марта 2001 г. Военное сотрудничество с Ираном: Россия торгует смертью // <http://www.caucasus.dk/spravka/13mar2001/322.htm>; Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран выходит из изоляции // Иран: ислам и власть. Сб. статей. – М., 2001, с. 149–163. См. также: Долгосрочная программа сотрудничества между Россией и Ираном на период до 2012 г. // <http://www.mutalibov.org/archive/28770.html>

⁹ rian.ru // В мире/Совместное заявление президентов России и Ирана. Полный текст.

¹⁰ Современный Иран... С. 136.

¹¹ Хуторская В.В. Указ. соч., с. 222.

¹² Полный текст письма Р. М. Хомейни М. С. Горбачеву (на перс. яз) см. в журнале «Йадваре-йе Фаджр», издаваемом при поддержке Культурного представительства ИРИ в Москве. 1380 г., месяц бахман, с. 12–14. (Выпуск подготовлен к 23-й годовщине победы Исламской революции в Иране, апрель 2002 г.).

¹³ 13 марта 2001 г. Военное сотрудничество с Ираном... // <http://www.caucasus.dk/spravka/13mar2001/322.htm>

¹⁴ Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран выходит из изоляции// Иран: ислам и власть... С. 162; Тер-Оганов Н.К. Геополитические, экономические, военные и ядерные аспекты российско-иранского сотрудничества // <http://www.iimes.ru/>

¹⁵ В ходе предвыборной кампании в США в 2000 г., чтобы скомпрометировать одного из кандидатов на пост президента США Альберта Гора, его противники предали гласности обстоятельства российско-американской договоренности 1995 г. относительно финансовой помощи США России в обмен на прекращение поставок Россией в Иран обычного вооружения. Эту сделку обе стороны обязались хранить в тайне. Считается, что после того, как республиканцы предали огласке содержание этих конфиденциальных договоренностей, Россия получила моральное право их не соблюдать.

¹⁶ Военное сотрудничество с Ираном: Россия торгует смертью, <http://www.temadnya.ru/spravka/13mar2001/322.htm>

¹⁷ http://www.gazeta.ru/politics/themes/r_2003408.shtml

¹⁸ www.mid.ru // Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Турции А.Бабаджаном, Стамбул, 2 сентября 2008 г.

¹⁹ Тер-Оганов Н.К. Геополитические, экономические, военные и ядерные аспекты российско-иранского сотрудничества // <http://www.iimes.ru/>

²⁰ iran.ru // В мире/Совместное заявление президентов России и Ирана. Полный текст.

²¹ Стамбул, 2 сентября 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации – Департамент печати и информации // www.mid.ru

²² Подробнее см.: Iran-Russia relations in the 90s, part 2; Robert O. Freedman, professor of political science and president, Baltimore Hebrew University. –

http://www.temadnya.ru/russia/russia_iran_relations_2.htm; а также: The factors of Russia, Iran and Turkey in Caucasus, Jeihun Memmedbeyli, 2001 г. – <http://www.oilpress.ru/news/single/news20010503-1.shtml>

²³ Гурьев А. Ситуация в Турции: ноябрь 2008 г. //

www.iimes.ru

²⁴ <http://www.mutalibov.org/news/single/news20010503-1.shtml>;

http://iran.ru/rus/iran_news?act=news_by_id&n=1&news_id=55417; iran.ru // В мире / Совместное заявление президентов России и Ирана. Полный текст.

²⁵ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии. – Алматы, 1997, с. 61.

²⁶ Статус наблюдателя в ШОС Исламская Республика Иран получила в 2005 году.

²⁷ Тер-Оганов Н.К. Геополитические, экономические, военные и ядерные аспекты российско-иранского сотрудничества...

²⁸ Саммит Шанхайской организации сотрудничества. – Бишкек, 2007.

²⁹ Россия в свое время рассматривала данную акцию как один из возможных ответов на планы прежней американской администрации Дж. Буша относительно размещения комплексов ПРО в Польше и создания радарной системы в Чешской Республике // <http://globalist.org.ua/> Запуск иранского спутника может сорвать «оттепель» между Россией и США.

³⁰ Что может сделать ШОС? – Постоянный адрес статьи:

<http://www.rosbalt.ru/2008/06/07/492002.html>

³¹ [Iran.ru](http://iran.ru) – Новости. Отношения с Беларусью – приоритет для Ирана (посол Ирана в Беларуси).

³² Товарооборот между ИРИ и Республикой Беларусь в 2007 г. составил около 76 млн. долларов, однако, по оценке нынешнего посла ИРИ в Беларуси Сейида Абдоллы Хосейни, доведение взаимного товарооборота до нескольких миллиардов долларов – «вполне реальная цель» // [Iran.ru](http://iran.ru) – Новости. Отношения с Беларусью – приоритет для Ирана (посол Ирана в Беларуси).

³³ <http://www.rbcdaily.ru/2007/10/17/focus/298581>

³⁴ Там же.

³⁵ iran.ru // В мире/Совместное заявление президентов России и Ирана. Полный текст.

³⁶ Там же.

³⁷ Санаи М. Указ. соч., с. 34–35, 52.

³⁸ Iran-Russia relations in the 90s, part 2; Robert O. Freedman, professor of political science and president, Baltimore Hebrew University.

http://www.washingtoninstitute.org/russia/russia_iran_relations_2.htm

³⁹ <http://globalist.org.ua/> Запуск иранского спутника может сорвать «оттепель» между Россией и США.

⁴⁰ Что может сделать ШОС? – Постоянный адрес статьи:

<http://www.rosbalt.ru/2008/06/07/492002.html>

О.И.Трофимова

НЕФТЕГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЙЕМЕНА

Нефтегазовая промышленность Йемена является важной отраслью экономики страны. На ее долю приходится 33% ВВП, более 70% доходов госбюджета и более 90% экспортных доходов. (В 2007 г., по данным Министерства нефти и минеральных ресурсов, на нефть приходилось только 63% доходов от экспорта.)¹ Первые коммерческие запасы нефти были открыты в 1984 г. американской компанией «Хант Ойл» в районе Мариба (5 месторождений). Позднее эта компания участвовала в строительстве нефтепровода из Мариба до портов на Красном море. В 1987 г. российской нефтяной компанией «Техноэкспорт» было обнаружено второе крупное месторождение в провинции Шабва. Первоначально добыча нефти составила 7 тыс. 254 барреля в день (б/д), к началу 90-х годов она превысила 180 тыс. б/д, в 1995 г. – 344 тыс. б/д, в 2006–2007 гг. – 320 б/д. В 2004 г., по данным Министерства нефти и минеральных ресурсов, она достигла своего рекордного максимума в 475 тыс. б/д². Месторождения были разделены на концессионные блоки, и было создано Агентство по разведке и добыче нефти как технический наблюдательный орган при правительстве Йемена, стала развиваться сопутствующая инфраструктура.

По данным ЦБ Йемена, доходы от нефти в 2007 г. упали до 3,887 млрд. долл. (в 2006 г. они составляли 4,1 млрд. долл.) из-за падения годовой добычи нефти с 64 млн. баррелей в 2006 г. до 42 млн. в 2007 г. В первой половине 2008 г. доходы Йемена от нефти составили 2,66 млрд. долл. из-за роста цен на нефть с 62 до 112 долл., а добыча увеличилась за этот период до 23,75 млн. баррелей³. Основная часть нефти экспортируется в азиатские страны (Китай, Индия, Таиланд и др.)

Новое месторождение было открыто в 90-е годы канадской компанией «Нексен Петролеум» в районе Массила к востоку от провинции Хадрамаут. В геологоразведке и разработке этого месторождения участвовали также французские компании «То-

таль» и «Эльф», американская «Хант Ойл», а затем к ним присоединились английские «Бритиш Петролеум» и «Шелл». После открытия коммерческих запасов нефти на востоке и в центральных районах Йемена выросло число участвующих в концессионных проектах иностранных нефтяных компаний. На начало 2008 г. их число составило 28: 12 из них занимаются нефтедобычей на 12 блоках, 16 – нефтеразведкой на 26 нефтяных блоках. Доходы от нефти, основного богатства страны, используются для финансирования социально-экономических проектов и создания базовой инфраструктуры.

В настоящее время, по официальным данным, нефтяные запасы Йемена оцениваются в 9,718 млрд. баррелей, газа – от 15 до 17 млрд. куб. футов (восьмое место среди газодобывающих арабских стран). К 2007 г. было добыто 2,3 млрд. баррелей нефти⁴. Однако по данным американской компании «Оксидентал Петролеум», разведанные запасы нефти и газа в Йемене значительно меньше и составляют соответственно на начало 2008 г. 4 млрд. баррелей и 9 триллионов кубических футов. Министерство нефти и минеральных ресурсов приводит данные, что на 70% территории страны еще не была проведена разведка нефти и газа, поэтому у Йемена, возможно, есть еще потенциальные месторождения нефти и газа. Правительство страны предпринимает меры по наращиванию нефтедобычи с привлечением иностранных инвестиций на льготных условиях. Однако нестабильная ситуация в некоторых нефтедобывающих провинциях мешает активному осуществлению этих планов. Кроме того, нефтеразведка в стране идет медленными темпами, поэтому если не будут открыты новые месторождения, то разрабатываемых в настоящее время ресурсов хватит, по некоторым данным, до 2012 г. Высокие темпы роста населения более 3% в год ведут к увеличению внутреннего потребления нефти, которое составляет сейчас 120 тыс. баррелей в день или более 30% от общей добычи нефти. Государство дотирует большую часть нефтепродуктов на местном рынке, на это уходит примерно 800 млн. долл. в год⁵.

В настоящее время добыча нефти ведется только на 12 блоках, расположенных на территории двух крупных месторождений – Мариб-Шабва и Сейюн-Массила. Всего в Йемене имеется 13 крупных и средних коммерческих месторождений с разведанными запасами нефти, которые поделены на 87 блоков. А всего в стране пробурено 1824 нефтяные скважины⁶. С конца

2008 г. планировалось открыть добычу еще на 14 блоках. Интерес для инвесторов также представляют месторождения в Арабском море, Аденском заливе и Красном море. Разведку нефти на морских оффшорных месторождениях собираются восстановить в начале 2009 г. после 13-летнего перерыва. Но только 3 иностранные компании заинтересовались разведкой на 11 оффшорных блоках в Аденском заливе и Красном море – французская «Тоталь», американская «Эксон Мобил» и норвежская «Статойл Гидро».

Нефтегазовая промышленность Йемена представляет интерес для иностранных инвесторов, так как страна удобно расположена между Красным морем и Индийским океаном для транспортировки нефти танкерами, а издержки по добыче нефти достаточно низкие – 1,7 долл. за один баррель. Для сравнения в Саудовской Аравии добыча одного барреля обходится в 3 долл., в Северном море – 10 долл. В начале 2000-х годов была введена скользящая шкала ройялти от 3 до 10%, а также была повышена доля получаемых доходов для компаний, участвующих в разведке и добыче до 50–70%, ранее она колебалась от 25 до 45%. Однако иностранных инвесторов отпугивает отсутствие безопасности в Йемене, где отдельные районы контролируются не государством, а местными племенами. Поэтому несмотря на льготный инвестиционный закон № 22 от 2002 г., который предусматривает ряд преимуществ для иностранных инвесторов (равные права для иностранных и местных инвесторов, отсутствие лицензирования, свободный перевод иностранной валюты, гарантии от национализации, возможность иметь проект в 100%-ной собственности, использование иностранной рабочей силы и др.), они недостаточно активны в нефтегазовой отрасли Йемена.

Наибольшие объемы добычи нефти приходятся на канадскую нефтяную компанию «Нексен». Но основным инвестором в эту отрасль является французская «Тоталь». Она участвует в добыче нефти на 10-м блоке в провинции Шабва и 5-м блоке в Джанихе, на которые приходится более 20% добычи йеменской нефти. «Тоталь» также инвестирует в проект по строительству завода по сжижению газа в Балхафе. Общий объем инвестиций в этот проект составляет 3,7 млрд. долл. Доля «Тоталь» в инвестициях составляет более 1 млрд. долл. После завершения этого проекта экспорт сжиженного газа составит 6,7 млн. тонн в год в течение 25 лет⁷. Французская «Тоталь»

также участвует в строительстве газопровода от Марибского месторождения до Балхафа длиной 320 км и в строительстве электростанции, работающей на газе, мощностью 50 мегаватт. Американская «Оксидентал Петролеум» участвует в разработке 4 блоков и имеет в этих проектах долю от 38 до 75%. Добыча нефти из этих месторождений составляет 30 тыс. баррелей в день. До 2006 г. крупнейшим производителем нефти была американская «Хант Ойл» (110 тыс. б/д), но в ноябре 2005 г. йеменское правительство заменило «Хант Ойл», основного оператора блока 18, на йеменскую компанию «Сафер Эксплорейшн энд Продакшн Оперейшн компании» (SEPCO). Английская независимая компания «Дав Энерджи» работает в Йемене более 10 лет, занимается сейсмической разведкой, бурением и добычей нефти, которая составляет на блоке в районе Шарьюф 25 тыс. б/д. Инвестиции на разведку и добычу нефти в этом районе на блоке 53 составили 300 млн. долл. На нефтегазовую разведку блока 73 в провинции Хадрамаут компания потратила 8 млн. долл. Норвежская независимая нефтяная компания «ДНО Интернешнл», основной оператор блока 32 в районе Тассур и Хуарим, обнаружила в 1999 г. коммерческие запасы нефти, к экспорту которой приступила в 2001 г. через нефтепровод Аль-Массила. Первоначально добыча составила 12,5 тыс. б/д. Она также обнаружила в 2001 г. нефть на блоке 43, где имеет долю в 75%, и планирует пробурить в Йемене еще 22 скважины в районе месторождений в Шарьюфе, Набражаха, а также на других небольших месторождениях.

Йемен имеет относительно развитую сеть нефтепроводов для транспортировки сырой нефти, общей протяженностью 560 миль. Самый длинный из них транспортирует нефть из Марибского месторождения в порт Рас Иса на берегу Красного моря, его длина 260 миль, а пропускная способность 225 тыс. б/д. Нефтепровод Массила-Шахир длиной в 90 миль способен транспортировать 300 тыс. б/д. До терминала Рудхум у Аденского залива нефть идет из месторождения в районе Шабва, пропускная способность этого нефтепровода 135 тыс. б/д. В 1996 г. был построен нефтепровод Джанах-Сафир, по которому нефть идет до Марибского нефтеперерабатывающего завода, его мощность составляет 10 тыс. б/д. Построенный в Адене еще в 1952 г. английской компанией «Бритиш Петролеум» нефтеперерабатывающий завод имеет мощность от 90 тыс. до 120 тыс. б/д. Он был частично разрушен во время гражданской

войны в 1994, затем был частично реконструирован. На его реконструкцию было выделено в 2000–2005 гг. 34 млн. долл. Йемен также собирается построить нефтехимический и нефтеперерабатывающий завод в районе Баб-Эль Мандебского пролива совместно с инвесторами из стран Персидского залива, общая стоимость этого проекта 2,5 млрд. долл., производственная мощность 200 тыс. б/день⁸. В 2010 г. планируется построить совместно с индийскими нефтяными компаниями новый нефтехимический комплекс в порту Рас-Иса на берегу Красного моря, а также нефтеперерабатывающий завод в районе порта Мукалла с привлечением инвесторов из Саудовской Аравии и ОАЭ.

Газовый сектор йеменской экономики практически не развивался из-за отсутствия инвестиций и перспектив экспорта газа, а также сопутствующей инфраструктуры. Основные газовые месторождения, не связанные с добычей нефти, находятся в районе Мариба-Джофа. В 2005 г. было принято решение о строительстве завода по сжижению газа, но его строительство, как и строительство газопровода от Марибского месторождения до Балхафа, было затянато из-за финансовых трудностей и неурегулированности вопроса о поставках сжиженного газа в другие страны. Из-за задержки строительства этого завода был также заморожен проект по сооружению крупного химического комбината в г. Рас-Иса и планы йеменского правительства перевести на газ электростанции, работающие на мазуте. В феврале 2008 г. были подписаны 3 контракта на экспорт сжиженного газа (6–7 тыс. тонн в течение 20 лет). Йеменские власти рассчитывают на то, что этот проект внесет свой вклад в экономическое развитие страны. Для обеспечения безопасности этого проекта будут предприняты меры, включая привлечение местных племен, которые получают выгоды от реализации этого проекта. Кроме того, будут созданы новые рабочие места в Йемене, что очень важно для этой страны с высоким уровнем безработицы.

В строительстве завода и сопутствующей инфраструктуры занято более 10 тыс. человек, большая часть из них йеменцы. Основными инвесторами этого проекта стоимостью почти 4 млрд. долл. являются французская «Тоталь» (39,62%), американская «Хант Ойл» (17,22%), остальная сумма приходится на йеменские и южнокорейские компании. Йеменская газовая компания (YGC) имеет 23% в этом проекте. Кроме того, 9 меж-

дународных финансовых организаций и 4 кредитных агентства участвуют в финансировании строительства этого завода, они должны предоставить 2 млрд. долл. Поставки газа пойдут из Мариба, блок 18, по газопроводу в Балхаф. Планируется, что 1 триллион футов из 9,15 триллионов доказанных запасов газа пойдут на внутренний рынок для выработки электроэнергии. Строительство завода по сжижению газа на 75% закончено, первые поставки в Южную Корею планировались на первую половину 2009 г., ориентировочно в мае.

Йемен не является членом ОПЕК и может регулировать сам свою нефтепереработку и экспорт нефти. С 2000 года Министерство нефти и минеральных ресурсов 2 раза в год устраивает тендеры. Обычно контракты подразумевают 2–3-летний период разведки и получение концессии на добычу нефти на 20 лет. Все лицензии на добычу нефти выдаются министерством и ратифицируются парламентом. Йеменскую сторону при заключении контракта представляет правительство. Иностранная компания, заключившая контракт на добычу и разведку нефти, имеет право на проведение всех необходимых действий и финансовых операций, кроме взимания налогов и таможенных пошлин. Иностранному партнеру должен платить налог на доход, фиксированный сбор с доходов иностранных рабочих в течение всего периода нефтеразведки и добычи. Себестоимость и расходы на разведку корректируются с помощью определенного механизма, обговоренного в контракте, исходя из взаимных интересов сторон. Государство получает роялти, гранты и свою долю на условиях соглашения о разделе продукции, в данном случае от нефтедобычи. На период геолого-разведки создается специальный комитет, в котором участвуют по одному представителю с той и другой стороны.

К основным йеменским компаниям, работающим в нефтегазовой промышленности, относятся Генеральная корпорация по нефти и минеральным ресурсам (GCOMR), «Йеменинвест», «Йемен рефайнеринг компани» (YRC), «Дженерал газ корпорейшн», «Йемен эксплорейшн энд продакшн компани» (EPC), Национальная нефтегазовая компания Йемена. GCOMR сотрудничает с иностранными нефтяными компаниями, предоставляет им различные льготы, но в то же время стремится к созданию ряда национальных фирм, использующих дешевую местную рабочую силу для работ, не требующих высокой квалификации. Основной задачей «Йеменинвест» является соз-

дание необходимых условий для реализации проектов по расширению добычи и переработки нефти и газа с максимальным привлечением национальных кадров. При участии УРС в 1998 г. был сдан в эксплуатацию Марибский НПЗ, в дальнейшем компания участвовала в работах по увеличению производственных мощностей завода с 10 тыс. б/д до 25 тыс. «Дженерал газ корпорейшн» осуществляет ряд проектов по реконструкции предприятий газодобычи на сумму 610 тыс. долл., проводит геологоразведочные работы (300 тыс. долл.), занимается сооружением новых хранилищ для нефтепродуктов в стратегически важных районах (6 млн. долл.), осуществляет подготовку национальных кадров, на что было выделено 500 тыс. долл.

Нефтяная политика Йеменской Республики заключается в росте доказанных резервов и увеличении добычи на новых месторождениях, введении и взимании налогов и пошлин и свободном переводе средств и доходов, стимулировании участия частного сектора на всех стадиях (разведка, добыча, переработка), привлечении иностранных инвесторов к передаче технологий, а также контроле над всеми стадиями разведки и добычи нефти. К основным целям планов развития нефтегазовой отрасли относятся увеличение темпов добычи сырой нефти и ее экспорта, поиски новых запасов нефти и газа и максимальное использование уже имеющихся, увеличение мощности Аденского и Марибского нефтеперерабатывающих заводов, расширение производства сжиженного газа и дальнейшее развитие газовой промышленности, строительство газотрубопровода Мариб-Сана и привлечение иностранных инвестиций для разведки и разработки новых месторождений. Планируется также довести к 2009 г. до 90% использование йеменской рабочей силы в штатах нефтяных компаний. Для этого потребуются их подготовка для участия в управлении, эксплуатации и техническом обслуживании используемого оборудования. Подготовка национальных кадров будет в основном осуществляться за рубежом.

Несмотря на относительную политическую стабильность после перевыборов президента Йемена в 2006 г., проблемы обеспечения безопасности внутри страны остались. Кроме того, сомалийские пираты мешают нормальному судоходству в Аденском заливе и Баб-Эль Мандебском проливе, связывающем Красное море с Индийским океаном и через который ежедневно провозится около 3 млн. баррелей нефти, этот факт

отрицательно влияет на развитие нефтегазовой промышленности и разработку морских нефтяных месторождений в Аденском заливе и у берегов о. Сокотра, а также на приток иностранных инвестиций. Еще не начавшийся экспорт сжиженного газа из порта Балхаф, находящегося в 75 км от эпицентра действий сомалийских пиратов, также находится под угрозой из-за участившихся захватов морских судов. Продолжаются нападения на персонал нефтяных компаний в районе месторождения Мариб-Шабва.

Серьезным препятствием для развития нефтегазовой промышленности страны остаются финансовые трудности, которые помешали сооружению в планируемые сроки ряда важных объектов – завода по сжижению газа в Балхафе, нефтехимического комплекса в Рас-Иса, а также нескольких ТЭЦ, работающих на газе в районе Мариба и Балхафа. Нецелевое использование финансовых средств в газоперерабатывающих и добывающих отраслях, инвестирование в ряд неизученных и малоэффективных с экономической точки зрения проектов, падение цен на нефть и финансовый кризис 2008–2009 гг. сводит на нет усилия йеменского правительства для развития этой стратегически важной для экономики страны отрасли.

¹ Yemen Economic Update. The World Bank Group Sanaa office spring, 2008.

² Yemen Today, November 2007, с. 13; Republic of Yemen: 10 years of achievements & development 1990–2000 Ministry of Planning and Development, 2001. <http://www.gulf-daily-news.com/Story.asp>

³ Oil and Gas News Magazine – Online Edition 2008, <http://www.gasandoil.com/doc/news/htm83492.htm>

⁴ Yemen Today, November 2007, с. 38; Summary of Second Five-Year Plan for Economic & Social Development 2001–2005, с. 34.

⁵ <http://www.yemenpost.net>

⁶ Yemen Today, November 2007.

⁷ Ibid., с. 8.

⁸ <http://www.oilandgasnewsworld-wide.com>

Яков Файтельсон

ПОЧЕМУ ПАЛЕСТИНЦЫ ПРОТИВЯТСЯ СОЗДАНИЮ ПАЛЕСТИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. "Хотят ли палестинцы создания двух государств?"

"Хотят ли палестинцы создания двух государств?" Так называлась статья Иосифа Иоффе (Josef Joffe) в европейском издании "Уолл Стрит Джорнал" (The Wall Street Journal) от 27 января 2009 года. В подзаголовке статьи был дан и ответ на этот вопрос: "Судя по их словам и действиям – нет".

Палестинцы действительно не согласны на создание своего государства и не только по религиозным и/или националистическим мотивам. Хотя, конечно, эти мотивы, несомненно, чрезвычайно важны, поскольку служат идеологической базой для их упорного нежелания признать существование еврейского государства на Ближнем Востоке.

Даже в заявлениях, предназначенных для европейско-американо-еврейского уха, в которых представители арабского националистического крыла как будто признают Государство Израиль, они подчеркнута отказываются признать его еврейским государством.

Это не случайно, поскольку, начиная с Ясира Арафата и вплоть до Махмуда Аббаса, они продолжают требовать права на возвращение арабских беженцев и их потомков во всех поколениях на территорию Израиля. Ясно, что в таком случае Государство Израиль, даже если бы и сохранило свое название, перестало бы быть еврейским.

Палестинцы отдают себе отчет, что абсолютное большинство еврейского населения Израиля никогда не согласится от-

казаться от статуса Еврейского Национального Очага, признанного мировым сообществом, начиная с официального решения Лиги Наций от 24 июля 1922 года. Поэтому они прекрасно понимают, что, выставляя явно неприемлемое для евреев требование, они тем самым закрывают дорогу для создания своего государства.

Речь идет не только о том, что палестинцы рассчитывают на осуществление поэтапного плана Арафата уничтожения еврейского государства. В соответствии с этим планом наряду с мирными переговорами, которые должны привести к постепенным территориальным уступкам израильтян, как об этом недвусмысленно сказал недавно Махмуд Аббас, палестинцы не отказываются и от применения силы, когда такая возможность представится.

Однако основная и истинная причина отказа палестинцев пойти на раздел страны заключается в объективной и реалистичной оценке ее географических, территориальных и экономических возможностей и ее крайне ограниченных природных ресурсов. В частности, это касается и ее водных ресурсов, находящихся уже сейчас на буквально критическом уровне. Они могут просто обрушиться, если лоскутное и чуть больше карликового* Палестинское государство примет 4,5 млн. потомков арабских беженцев на свою ограниченную территорию.

На самом деле и по тем же причинам такое увеличение населения приведет к гуманитарной катастрофе, даже если потомкам арабских беженцев будет разрешено вернуться на всю территорию Израиля. Ведь вся площадь Страны Израиль – Эрец Исраэль**, от Иордана и до Средиземного моря, равна около 26 тысяч кв. км. Лишь не более 17 тысяч кв. км представляют собой территорию, пригодную для заселения, поскольку большая часть территории Негева – это непригодные для жилья пустыни и горные массивы.

Самой густонаселенной некарликовой страной в мире является Бангладеш, плотность населения в которой достигает 1001 человек на квадратный километр. Поэтому если плот-

* Карликовой страной считается государственное образование, территория которого меньше территории Люксембурга, т.е. менее 2586,4 км².

** Территория Британского мандата называлась Палестина-Эрец Исраэль (Страна Израиль на иврите).

* Иосиф Иоффе является издателем журнала "Ди Цайт", а также сотрудником Института международных исследований и Института Гувера при Стэндфордском университете.

ность населения в Эрец Исраэль сравнялась бы с Бангладеш, то на ее территории могло бы жить около 17 миллионов человек, на 70% больше, чем в 2009 году. Однако Бангладеш в отличие от Израиля обладает большими водными ресурсами, хотя при существующей численности населения их тоже уже недостаточно. Уровень и качество жизни в Бангладеш, как известно, не делает эту страну излишне привлекательной.

Недостаток воды – лишь одна из проблем, из-за которых попытка создания искусственного государства на двух фактически оторванных друг от друга лоскутках территорий площадью в 5600 кв. км (Иудея и Самария) и 360 кв. км (сектор Газы), обречена на полный провал.

По словам профессора Джастина Маккарти* (Justin McCarthy): "Трудно себе представить, каким образом Палестинское сельское хозяйство и промышленность смогут справиться с ростом численности палестинского населения, происходящим из-за высокого уровня рождаемости... Не обладая ни сельскохозяйственным потенциалом, ни экономической базой, ... Палестина стоит перед демографическим кризисом"¹.

Таково мнение и самих палестинцев, в частности, высказанное не раз нынешним президентом Иерусалимского университета Аль-Кудс, профессором Сари Нусейба. По его мнению, Палестинское государство, созданное на незначительной, лоскутной территории, и даже только с существующей численностью населения не в состоянии содержать себя экономически, будет неустойчивым политически, и будет представлять опасность не только для Израиля, Иордании и других стран Ближнего Востока, но и для самого себя.

Создание на ограниченной территории Иудеи, Самарии и сектора Газы Палестинского государства (около 5960 кв. км) будет сопровождаться массовым изгнанием в это государство миллионов палестинцев из Ливана, Сирии и других арабских стран. Такая попытка легко может перерасти в гуманитарную катастрофу, на что и намекает профессор Нусейба.

Поскольку путь вооруженной борьбы привел лишь к многократным и повторяющимся поражениям арабов, профессор Ну-

* Профессор Луиссвилльского университета (Кентукки, США) Джастин Маккарти известен своими работами по истории Оттоманской империи и по демографии Палестины.

сейба рассматривал разные возможные варианты решения палестинской проблемы в пользу арабов мирным путем. Так, например, в статье, опубликованной в "Га-Арец" в начале 90-х годов прошлого столетия, он писал, что возможны три варианта решения проблемы палестинских беженцев, находящихся в секторе Газы.

В первом варианте 500 тысяч беженцев из Газы возвращаются в Ашкелон, Беер-Шеву, Лод, Рамле и т.д. Если Израиль на это не пойдет, то надо будет потребовать от него увеличить площадь сектора Газы в 9 раз, отдав палестинцам часть Негева для снижения плотности населения в Газе до приемлемого уровня. Третий вариант – поселить палестинских беженцев в другом месте.

Исходя из своего анализа существующей ситуации, профессор Нусейба сделал прагматический вывод, что решение палестинской проблемы – в аннексии территорий Израилем с предоставлением арабскому населению израильского гражданства². Таким образом, подчеркивает профессор Нусейба, произойдет естественная деюдаизация Израиля, и арабы, наконец, достигнут своих целей мирным путем.

Похожие мысли привели доктора Вахида Абд Аль-Магида* предложить запланированную и скоординированную инфильтрацию жителей арабских стран в среду израильских арабов. Др. Аль-Магид утверждал, что уже к 2035 году «арабы 1948 года», т.е. граждане Израиля, станут большинством и что такая тактика ускорит процесс бескровного превращения Израиля в арабское государство. Правда, для этого, писал др. Аль-Магид, надо также заставить Израиль прекратить репатриацию и убедить евреев, в частности из бывшего Советского Союза, не ехать в Израиль³.

Поэтому палестинцы предпочитают не заключать окончательного соглашения о создании Палестинского государства в надежде, что евреи по тем или другим причинам сломаются и уступят им всю страну. В лучшем случае они готовы терпеть евреев в качестве нацменьшинства, которое, как логично предположить, будет стремительно уменьшаться за счет нарастающей эмиграции.

* Др. Вахид Абд Аль-Магид – редактор ежегодника «Арабское стратегическое обозрение» при известной египетской газете «Аль-Ахрам».

Эта мысль получила свое развитие в другом плане, так называемого мирного урегулирования еврейско-арабского конфликта, разработанном палестинскими специалистами во главе с др. Салманом Абу-Ситта в июне 1997 года. По этому плану предусматривается существование одного совместного еврейско-арабского государства, возвращение в него арабских беженцев и передислокация еврейского населения внутри страны⁴.

Рассмотрим состоятельность этого плана, проверив приводимые в нем аргументы с фактами существующей действительности.

2. План др. Салмана Абу-Ситта

В административном порядке, принятом в Израиле, страна делится на 6 округов: Иерусалимский, Северный, Хайфский, Центральный, Тель-авивский и Южный. В свою очередь эти округа включают в себя 15 областей, поделенных на 50 естественных районов. Еврейские поселения в Иудее и Самарии выделены в отдельную область.

Др. Абу-Ситта рассматривает распределение населения по естественным районам и предлагает поделить страну на три части: А, В, и С.

Зона А площадью в 1,683 кв. км (8% территории Израиля)^{**} представляет собой территорию основной концентрации еврейского населения и состоит из восьми естественных районов, составляющих три анклава: Центральный, Северный и Восточный.

Центральный анклав включает в себя 6 естественных районов: Тель-Авив, Петах-Тиква, Шарон и Южный Шарон, Ришон-Ле-Цион и Реховот, в которых, по данным Израильского центрального статистического бюро (ИЦСБ), на конец 2007 года^{5 6} на площади в 1027 кв. км⁷ проживало 2 530 700 евреев^{***} и 48 600 арабов.

* Др. Салман Абу-Ситта – основатель и президент Палестинского земельного общества и Генеральный координатор организации "Аль-Ауда" – коалиции за право палестинских беженцев на возвращение в Израиль.

** Общая площадь этой территории, по данным ИЦСБ, составляет 1737 кв. км, а не 1683 кв. км по утверждению др. Абу-Ситта.

*** Включая 119 100 членов семей репатриантов из бывшего Советского Союза, чья национальность не была определена МВД Израиля.

Северный анклав включает в себя естественный район Хайфа, в котором на площади в 294 кв. км⁸ проживало 472 тысячи евреев^{*} и 55 500 арабов.

И наконец, Восточный анклав включает в себя естественный район Иудейские Горы площадью в 316 кв. км, в котором проживало 531 500 евреев^{**}, 269 500 арабов (в том числе 6800 христиан), из которых 260 500 проживало в Восточном Иерусалиме. (См. прилагаемую ниже карту).

Таким образом, в конце 2007 года на территории А, по определению плана Абу-Ситта, по данным ИЦСБ, проживало 3 534 200 евреев, или 58% от всего еврейского населения страны⁹. Около 373 600 арабов (25,8% от всего арабского населения Государства Израиль) проживало на этой территории, причем 66% из них – в Иерусалимском естественном районе Иудейские Горы. Плотность населения на этой территории площадью 682 кв. км была 2323 человек на кв. км.

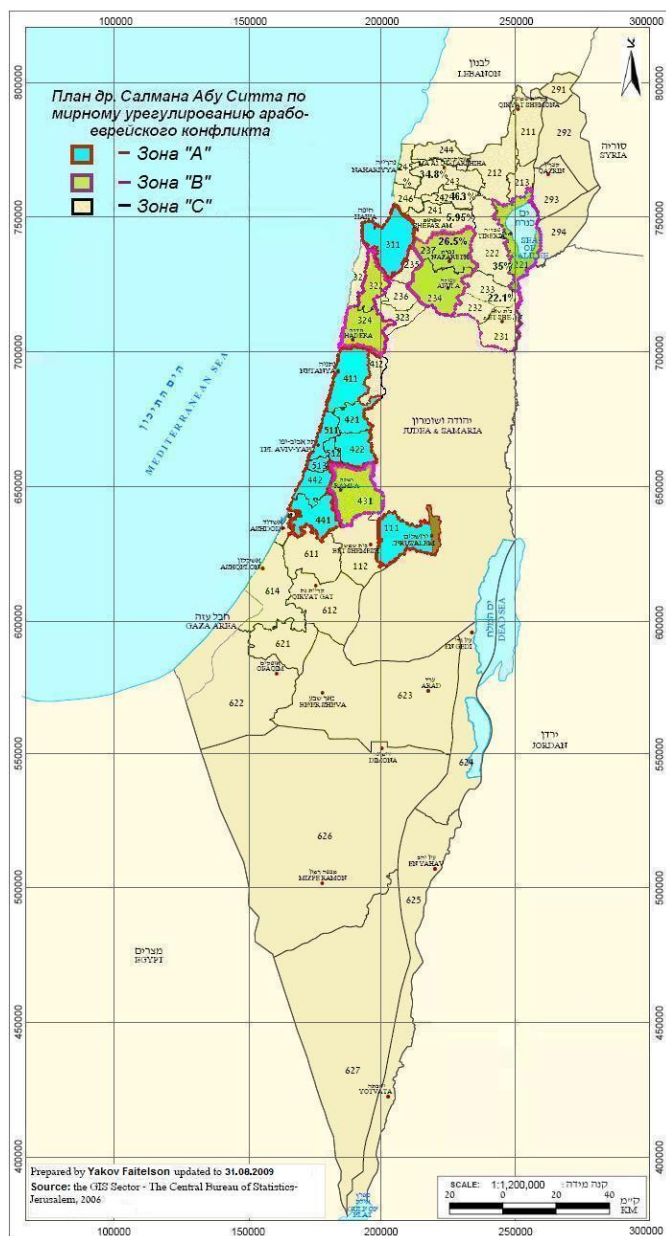
По плану др. Абу-Ситта, 76% от всего еврейского населения должно было быть перемещено и сконцентрировано на этой территории. Однако др. Абу-Ситта учитывает «особый статус Иерусалима, переселение жителей из которого не применимо».

В случае осуществления плана Абу-Ситта в зоне А проживало бы около 4 403 136 евреев и 373 600 арабов, по данным на 2007 год. Плотность населения в этом анклаве достигла бы 2840 человек на кв. км, в 2,8 раза больше, чем в самой густонаселенной стране мира Бангладеш (1001 чел./кв. км), и в 7 раз больше, чем в самой густонаселенной стране Европы – Нидерландах (403 чел./кв. км).

Остальным 24% от всего еврейского населения было бы разрешено, по плану др. Абу-Ситта, проживать как нацменьшинству, в зоне смешанного проживания В общей площадью в 1465 кв. км и частично в зоне С площадью в 17 178 кв. км, предназначенной для массового заселения 4,5 миллионами палестинских беженцев.

* Включая 40 500 членов семей репатриантов из бывшего Советского Союза, чья национальность не была определена МВД Израиля.

** Включая 14 300 членов семей репатриантов из бывшего Советского Союза, чья национальность не была определена МВД Израиля.

Часть арабов, жителей анклава А, могла быть переселена в зону В, а из 134 тысяч евреев, проживающих в сельских поселениях Северного округа, т.е. в зоне В, «только 76 тысяч евреев могут быть переселены» в зону А. Целью такого переселения жителей кибуцев и мошавов является стремление освободить значительную площадь, используемую ими, для заселения арабскими земледельцами.

В зону смешанного проживания В, по плану Абу-Ситта, входят естественные районы Рамле-Лод, Хедера, Изреэль, Назрет и Кинерот, составляющие четыре анклава.

По данным ИЦСБ на 2007 год, в естественном районе Рамле-Лод проживало 245 000 евреев и 31 200 арабов. В районе Хедеры проживало 150 100 евреев и 45 000 арабов. На территории естественных районов Изреэль, Назрет и Кинерот в конце 2007 года проживало 185 500 евреев и 227 600 арабов.

Зона С включает в себя весь Южный округ, часть Иерусалимского Округа, естественный район «Иудейские холмы» (район Бейт-Шемеш – Модииин), а также районы Северного округа (Цфат, Бейт Шеан, Харод, Иокнеам, Рамат Менаше, Акко, Хоф Ха-Кармель, Зихрон Яков, Хаар Александр) и район Восточного Шарона (Центральный округ). Население Южного округа на конец 2007 года составляло 873 300 евреев* и 164 200 арабов. Население района Иудейских холмов насчитывала соответственно 87 900 евреев** и 400 арабов. В остальных районах этой территории проживало 407 700 евреев и 559 000 арабов. В общей сложности, на территории зоны С проживало 1 368 900 евреев и 723 000 арабов.

Др. Абу-Ситта считает, что его план совершенно реален и не представляет собой опасность катастрофы. Он утверждает,

* Включая 8600 членов семей репатриантов из бывшего Советского Союза, чья национальность не была определена МВД Израиля.

** Включая 9000 членов семей репатриантов из бывшего Советского Союза, чья национальность не была определена МВД Израиля.

*** Включая 14 500 членов семей репатриантов из бывшего Советского Союза, чья национальность не была определена МВД Израиля.

**** Включая 74 700 членов семей репатриантов из бывшего Советского Союза, чья национальность не была определена МВД Израиля.

***** Включая 1400 членов семей репатриантов из бывшего Советского Союза, чья национальность не была определена МВД Израиля.

что евреи просто сохраняют свое естественное положение городских жителей, привыкших жить в компактных и плотно заселенных районах. «Их занятия: транспорт, промышленность, торговля и образование – приносят пользу региону. Они должны продолжить эти занятия ... Таким образом, возвращение палестинцев на их землю и их стремление к традиционному занятию в сельском хозяйстве не приведет к серьезным потрясениям для евреев или для их профессии... Возвращение арабских беженцев не потребует массового выселения евреев, за исключением небольшого добровольного переселения».

Др. Салман Абу-Ситта утверждает также, что: «даже в самом тяжелом случае лишь 154 тысячи евреев (*жителей кибуцев и мошавов – прим. Я.Ф.*) переедут на другое место в Израиле, чтобы позволить 4 476 000 беженцев вернуться в свои дома и тем самым завершить столетия своих страданий. Это очень дешевая цена, которую должен заплатить Израиль за тот ущерб, который он нанес палестинцам, и она еще дешевле, если учесть цену безопасного будущего для обоих народов»¹⁰.

Для того, чтобы оправдать свою идею о выселении еврейских земледельцев и замену их миллионами арабских беженцев, др. Абу-Ситта утверждает, что все равно сионистская идея вернуть евреев к обработке земли провалилась.

По его мнению, современное израильское сельское хозяйство обанкротилось, поскольку в нем занята лишь незначительная доля еврейского населения. И действительно, если в 1960 году в сельском хозяйстве Израиля было занято 121 100 человек, из них 97 800 евреев и 23 300 арабов, то в 1995 году только 46 700 евреев и 26 700 арабов и представителей других национальностей продолжало работать в сельском хозяйстве¹¹. Около 30 тысяч местных и 28 тысяч иностранных работников было занято в сельском хозяйстве Израиля в 2007 году¹².

Если в 1995 году в сельском хозяйстве было занято 2,7% евреев и 4,3% арабов и других, от всех занятых в каждой из этих категорий населения¹³, то в 2007 году было занято соответственно лишь 1,5% евреев и 3% арабов¹⁴.

Др. Абу-Ситта не обратил внимания на тот общеизвестный факт, что в современном сельском хозяйстве доля занятых в нем находится на уровне 1,5% от всех занятых и не свидетельствует о «банкротстве» сельского хозяйства той или иной страны, а наоборот, – о степени ее развития.

На самом деле сельское хозяйство Израиля, как известно, не только считается одним из самых продвинутых в мире, не только экспортирует свою продукцию, но и фактически кормит все население, проживающее между Иорданом и Средиземным морем, т.е. около 10 миллионов человек.

Абу-Ситта пишет, что «вклад сельскохозяйственной продукции в ВВП снизился с 7,9% в 1983 году до 2,4% в 1993 году. Ее доля в экспорте составила лишь 4%». И действительно, доли сельского хозяйства в израильском ВВП и в экспорте уменьшаются. Так, например, доля экспорта сельскохозяйственной продукции в 1985 году составила 10,5% от всего экспорта по сравнению со всего лишь 2,3% в 2008 году.

Однако в абсолютном исчислении объемы сельскохозяйственной продукции Израиля и ее экспорта все время растут. Если в 1948 году продовольствия, произведенного одним сельскохозяйственным работником в Израиле, хватало на четырех человек, то в 2000 году ее хватало уже на 77 человек, а в 2004 году – на 100 человек¹⁵.

Общая стоимость сельскохозяйственной продукции в Израиле выросла с 10,5 млрд. шекелей в 1995 году¹⁶ до 21,2 млрд. шекелей в 2007 году¹⁷.

Если в 1985 году сельскохозяйственный экспорт составил 660,1 млн. долларов¹⁸, то в 2005 году он достиг 1,1 млрд. долларов, а в 2007 году он уже был равен 1,3 млрд. долларов¹⁹.

Утверждение др. Абу-Ситта, что миллионы арабских крестьян будут способны безбедно существовать на крайне ограниченной по площади и водным ресурсам земле, не выдерживает никакой критики.

Абу-Ситта приводит пример арабских фермеров в Полосе Газы в качестве доказательства того, что они превосходят еврейских кибуцников и мошавников: «...Свидетельством тому является отличная продукция фермеров в Газе, выращиваемая на крошечном участке земли, все чаще орошаемой соленой водой, несмотря на условия израильской оккупации. Их производство представляет собой угрозу для израильского сельского хозяйства настолько, что их продукцию было запрещено ввозить в Израиль или ее умышленно оставляли на пропускных пунктах, чтобы она погибла»²⁰.

В Секторе Газы до недавнего времени действительно существовало передовое сельское хозяйство, экспорт продукции которого через израильский порт Ашдод достигал 160 мил-

лионов долларов. Однако оно было создано... еврейскими фермерами, проживавшими в еврейских поселениях Гуш Катиф. Эти фермы давали работу и 14 тысячам арабов, жителей Полосы Газы.

С ликвидацией еврейских поселений в Гуш Катиф в 2005 году большая часть теплиц была разграблена арабами, а отдельные попытки их восстановить и возобновить производство и экспорт в страны Европы практически провалились, несмотря на щедрую финансовую помощь европейских спонсоров.

Причиной тому послужил тот факт, что необходимые знания о правильном ведении современного сельского хозяйства в условиях пустыни, нехватки воды и использовании для орошения соленой воды, ушли из Газы вместе с изгнанием оттуда евреев, разработавших это Ноу-хау. Так, что уже только на этом реальном примере можно убедиться в несостоятельности идей Абу-Ситта.

Попытка найти мирное решение арабо-еврейского конфликта по плану др. Салмана Абу-Ситта могла бы, в лучшем случае, привести к созданию своего рода современной еврейской Черты оседлости, или – к нескольким большим Терезиенштадтам.

Сомнительно, что даже самое уступчивое правительство Государства Израиль согласится на такой вариант решения арабо-еврейского конфликта. Тем более, что, как показал исторический опыт, демографическая политика, направленная на заселение евреями всей территории Страны Израиль – Эрец Исраэль, доказала свою успешность, приведя еврейское население страны с 5% от всего ее населения в 1882 году и 33% в 1946 году до 64% в 1981 году.

В течение последних 40 лет еврейское большинство (около 60%) сохранялось благодаря еврейской алии, а в последнее время также благодаря повышению еврейской рождаемости. Демографические данные последних лет указывают на усиливающуюся тенденцию на уменьшение еврейской эмиграции и на увеличение числа израильтян, эмигрировавших из страны, возвращающихся и вновь поселившихся в Израиле²¹.

Одновременно с этим и в полном соответствии с демографическими законами происходит процесс резкого уменьшения арабской рождаемости, продолжается идущая в течение последних 60 лет и нарастающая сейчас арабская эмиграция.

Тенденция демографических процессов, происходящих в наше время среди евреев и арабов в Стране Израиль, указы-

вает на сохранение и даже увеличение²² доли евреев среди населения страны к 2030 году²³.

3. Реальная демографическая проблема в Стране Израиль

Тем не менее в Израиле действительно существует серьезная демографическая проблема, не относящаяся к национальной или религиозной принадлежности его населения. Эта проблема связана с естественными законами экологии. Ее можно определить одним вопросом: *сколько людей может проживать на территории Страны Израиль, сохраняя высокий уровень качества своей жизни, не нарушая и не разрушая ее естественных ресурсов?*

Ведь Природа ставит очень жесткие экологические рамки для существования любой популяции на земле, и человечество не является исключением из этого правила.

Однако до сих пор этот вопрос не поднимался, не рассматривался и не обсуждался в Израиле. Прогнозы населения на 20, 30 и 50 лет вперед рассчитываются чисто математически, не принимая во внимание возможные последствия влияния роста населения на условия жизни людей и на сложную связь, существующую между экологическими и демографическими процессами.

Ведь по законам природы с ухудшением экологических условий окружающей среды уменьшается любая популяция, существующая в этой среде. С улучшением этих условий популяция может начать расти, но она будет расти лишь до тех пор, пока окружающая среда в состоянии выдержать ее увеличение, не ухудшая экологических условий в ней.

Отсутствие четко разработанной государственной демографической политики, основанной на анализе демографических тенденций различных слоев населения в Израиле и еврейских общин в диаспоре, часто приводит к неожиданным, но закономерным сюрпризам. Таким сюрпризом, например, была неожиданная для израильского истеблишмента массовая репатриация евреев из бывшего Советского Союза. Другими примерами такого рода сюрпризов, также связанных с ростом населения страны, являются хроническая нехватка больничных коек и мед. персонала в больницах, нехватка классных комнат в школах и т.д.

Одним из примеров правильного подхода к демографической и социально-экономической политике является план десятилетней программы развития страны, инициированный в 1961 году и осуществленный президентом Хабибом Бургибой и правительством Туниса²⁴. Целью этой программы было привести к высоким темпам роста ВВП на уровне 6% в год. Однако темпы роста населения и производства товаров были в период 1962–69 гг. одинаковыми и исчислялись в 2,2% в год. В результате уровень жизни тунисцев оставался прежним.

Для того, чтобы привести к росту ВВП на душу населения, тем самым поднимая уровень жизни в стране, было решено проанализировать демографические тенденции и вычислить оптимальную численность населения Туниса в соответствии с естественными природно-экономическими ресурсами страны.

Анализ показал, что при сохранении существовавшей тенденции население Туниса достигнет 15 миллионов человек к 2000 году. Такие темпы роста привели бы к острой нехватке учебных заведений и к массовой безработице. Анализ также показал, что наиболее оптимальной численностью населения для Туниса было бы 10 миллионов человек.

Тунис стал одним из первых государств Африки, разработавшим и применившим национальную демографическую политику, направленную на регулирование динамики народонаселения с помощью внедрения программы планирования семьи.

В результате осуществления этой политики естественный прирост населения Туниса сократился с 2,86% в период 1956–1966 гг. до 1,1% в 2007 году. Средний показатель роста ВВП в период 1997–2001 гг. был равен 5,3%. Доход на душу населения неуклонно увеличивался и вырос с 300 долларов в 1956 году до 7100 долларов (по ППС) в 2008 году²⁵.

Население Туниса составило 9,99 миллионов человек, проживавших на территории площадью в 164,2 тыс. кв. км. По существующим новым прогнозам оно может увеличиться до своего пика в 12,7 миллионов человек к 2034 году. Затем ожидается его уменьшение до 10,3 миллионов человек к 2104 году, т.е. до нынешнего уровня численности населения.

Территория Израиля величиной около 27 тысяч кв. км, включая Голанские высоты, Иудею, Самарию и Газу, составляет всего лишь 16% от площади территории Туниса. Однако на этой территории проживает около 10 миллионов людей, столько же, сколько в Тунисе.

Этот факт не означает, что выводы демографического анализа об оптимальной численности по Тунису правильны и для Израиля. Слишком большая разница существует между уровнем технологического и экономического развития обеих стран и соотношением пустынной и используемой территории.

Вернее было бы сравнить Израиль с Голландией, в которой плотность населения достигает 403 человека на кв.км. Отсюда можно предположить, что оптимальная численность населения для Израиля была бы равна 11 миллионам человек, т.е. всего на миллион больше нынешнего.

Такая первоначальная и очень приблизительная оценка указывает на всю сложность проблемы национального конфликта в Израиле. Страна находится на грани перенаселения, и не учитывать этого при составлении тех или иных планов на мирное урегулирование арабо-еврейского конфликта – это большая ошибка. Решение этого конфликта не может отличаться от подобных решений других национальных конфликтов, существовавших во многих странах в течение всей истории человечества.

У евреев есть лишь одна страна, с землей которой их связывают исторические, национальные, религиозные и культурные корни: это Страна Израиля – Эрец-Исраэль. В течение последних ста лет они заново осваивали ее запущенные веками пустынные и болотистые земли и, защищаясь от нападений арабских соседей, восстановили свое государство. Им некуда идти из своей страны, и они не собираются этого делать.

У палестинских арабов, многие из которых не так давно пришли в эти края из близких и дальних стран, начиная от Ливана, Сирии и Ирака и до Египта, Судана и Йемена, есть родственные связи и корни в странах своего исхода. Сотни тысяч из них эмигрировали из Страны Израиля и нашли уже свой дом как в арабских, так и в других странах мира, от Иордании до Чили, от Швеции до США, от Канады и до Австралии.

Недаром о том, что естественным решением для палестинцев является эмиграция, писала и профессор Джанет Л. Абу-Луход (Janet Abu-Lughod) еще в 1986 году: «Арабское население внутри Палестины не может расти бесконечно. Определенная эмиграция, даже без применения силы для их изгнания, неминуема...»²⁶.

Как писал профессор Фред Готтхил (Fred M. Gottheil)** , «сотни тысяч оставили Ближний Восток навсегда. Почему кто-то должен сомневаться в том, что палестинские арабы не поведут себя иначе, чем египтяне, мексиканцы, или ганцы, или марокканцы, или индонезийцы, или любое другое население, сталкивающееся с региональным неравенством в области технологии, производительности, доходности и трудоустройства?»²⁷.

И действительно, как заявил д-р Шабане (DR. Leay Shabaneh), директор Палестинского статистического бюро, во время пресс-конференции 12 августа 2007 года по случаю Всемирного дня молодежи, примерно треть молодых людей в Палестине (45% мужчин и 18% женщин) хотят эмигрировать из-за экономической ситуации, проблем безопасности и по политическим и социальным причинам²⁸.

Понятно, что если их желание осуществится, то это будет иметь мощное влияние на демографический баланс между евреями и арабами в Израиле.

Из всего вышесказанного становится понятным, почему прагматичные и реалистично настроенные палестинцы не заинтересованы в создании своего государства в границах территории Иудеи, Самарии и Полосы Газы. Ведь они живут и существуют за счет Израиля и мирового сообщества, пока продолжается арабо-еврейский конфликт.

По-видимому, это трудно понять идеалистически настроенному руководству и общественному мнению в Израиле, жаждущему мира почти любой ценой.

* Заслуженный профессор в отставке Джанет Абу-Луход, известный американский социолог, вдова палестинского общественного деятеля Ибрагима Абу-Лухода.

** Профессор Фред Готтхил, директор Центра Экономического образования при Иллинойском университете, член редколлегии Мидл Ист Ревью (Middle East Review).

¹ Justin McCarthy. Palestine's Population During The Ottoman And The British Mandate Periods, Total Population: Palestinians in the World. Posted on 08.09.2001. <http://www.palestineremembered.com/Acre/Palestine-Remembered/Story559.html>

² Интервью, опубликованное в израильском журнале "Котерет Рашит" от 13 ноября 1985 года.

³ La Presse Palestinienne, An Egyptian Intellectual: Arabs must use the Demographic factor against Israel: quoted from Al-Hayat (London-Beirut). 29.07.2001. <http://www.crif-grenoble.org/revue%20de%20presse/presse%20palestinienne/pp0014.htm>

⁴ The Feasibility of the Right of Return, by Dr Salman Abu Sitta, ICJ and CIMEL paper, June 1997. Palestine Land Society [http://www.plands.org/articles/6.htm#\[19\]_](http://www.plands.org/articles/6.htm#[19]_)

⁵ Israeli Statistical Yearbook #59, 2008, Sources of Population Growth, by Type of Locality (1), Population Group and Religion, с. 2–5.

⁶ Israeli Statistical Yearbook #59, 2008, Sources of Population Growth, by Type of Locality and Population, Population Group, District, Sub-District and Natural Region, с. 2–8.

⁷ ICBS 2008, Area of Districts, Sub-Districts, Natural Regions and Lakes, с. 01-01.

⁸ ICBS 2008, Area of Districts, Sub-Districts, Natural Regions and Lakes, с. 01-01.

⁹ Israeli Statistical Yearbook #59, 2008, GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION OF THE Population. Population, by DISTRICT, SUB-DISTRICT and RELIGION, st. 2.06.

¹⁰ The Feasibility of the Right of Return, by Dr Salman Abu Sitta, The Return Plan, ICJ and CIMEL paper, June 1997. Palestine Land Society.

¹¹ Israeli Statistical Yearbook #47, 1996, Employed Persons, Employed Persons in Agriculture(1), by Population GROUP AND Employment Status, Table 13.08.

¹² Хаклаут Израэль ве Таярут хаклаит. Кенес Таярут Хаклаит // Сельское хозяйство Израиля и туризм. Конференция по сельскохозяйственному туризму. Презентация, подготовленная Игаэлем Хеном, начальником Северного округа Мин. сельского хозяйства. 24 января 2008 г.

¹³ Israeli Statistical Yearbook #47, 1996, Employed Persons and Employees, by Economic Branch, Population Group and Ssex, Table 12.09.

¹⁴ Israeli Statistical Yearbook #59, 2008, Employed Persons and Employees, by Industry, Population Group and Sex, Table 12.12.

¹⁵ Хаклаут Израэль ве Таярут хаклаит. Кенес Таярут Хаклаит // Сельское хозяйство Израиля и туризм. Конференция по сельскохозяйственному туризму. Презентация, подготовленная Игаэлем Хеном, начальником Северного округа Мин. сельского хозяйства. 24 января 2008 г.

¹⁶ Israeli Statistical Yearbook #49, 1998, Agricultural Production, by Branch, с. 13–12.

¹⁷ Israeli Statistical Yearbook #59, 2008, Agricultural Output Value, by Purpose, с. 19–18.

¹⁸ Israeli Statistical Yearbook #38, 1987, Table VIII/4 – Imports and Exports, by S.I.T.C. Rev. II, Section and Division, с. 219.

¹⁹ ICBS Last produced for Monthly Bulletin of Statistics No. 5/2009, H. Foreign Trade, Table H/3.- Foreign Trade Balance – Exports, by Commodity Group (Net), \$ Million,

http://www.cbs.gov.il/www/yarhon/h3_h.htm

²⁰ The Feasibility of the Right of Return, by Dr Salman Abu Sitta, Agriculture, ICJ and CIMEL paper, June 1997. Palestine Land Society.

²¹ Demographic Trends in Israel, by Uzi Rebhun and Gilad Malach. Implications for Public Policy, с. 45. Center METSILA, Jerusalem, December 2008.

²² Demographic Trends in Israel, by Uzi Rebhun and Gilad Malach. Population Projection 2005–2030, с. 39. Center METSILA, Jerusalem, December 2008.

²³ Demographic Trends in the Land of Israel (1800–2007), by Yakov Faitelson. 4. Demographic Forecast Scenarios Until 2050. с. 65–67. Institute for Zionist Strategies, Jerusalem, April 2008.

²⁴ Кашина А.А. Демографические процессы в Тунисе: просчитанный результат // Ближний Восток и современность. Вып. 37. М.: Институт Востоковедения РАН и Институт Ближнего Востока, 2008, с. 121–131.

²⁵ Страны Африки, Тунисская Республика

<http://stranas.ru/africa/Tunis.html>

²⁶ Janet Abu-Lughod. The Demographic War For Palestine // The Link. Vol. 19, № 5, December 1986.

²⁷ “The Smoking Gun: Arab Immigration into Palestine, 1922–1931 / by Fred M. Gottheil // Middle East Quarterly, Winter 2003, on the Middle East Forum website, <http://www.meforum.org/article/522>

²⁸ “Аль-Хаят Аль-Джадида”, Эль-Бире, 13 августа 2007 г.

С. Кожеуров, Алек Д. Эпштейн

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ
ВТОРОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Б. НЕТАНИЯХУ
НА ПАЛЕСТИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Принявшее присягу 31 марта 2009 года, после долгих дебатов в Кнессете, правительство Израиля во главе с Бениамином Нетанияху вынуждено будет решать проблему выработки новой политики на палестинском направлении. Тот факт, что ни одна из ранее предлагавшихся схем, среди которых «мир в обмен на территории», «два государства для двух народов» и другие, не работает, прямо признал новый министр иностранных дел Авигдор Либерман, заявивший 7 апреля на конференции в Иерусалиме, что «мирные переговоры с ПНА зашли в тупик» и необходимо «разрабатывать новые идеи»¹.

При разработке новых идей и новых подходов к палестинской проблеме правительство Нетанияху вынуждено будет считаться с теми изменениями, которые произошли в регионе. Последовавший вслед за событиями в секторе Газа в июне 2007 года фактический раскол Палестинской национальной администрации на две части – сектор Газа, управляемый движением ХАМАС, и Западный берег, управляемый Махмудом Аббасом, – равно как и вполне реальная возможность захвата власти ХАМАСом на Западном берегу, где по результатам выборов в законодательное собрание исламисты также получили большинство голосов (74 места из 132, т.е. 56% депутатского корпуса), ставят перед Израилем проблему выбора адекватной внешней политики².

Таким образом, с одной стороны, движение ХАМАС полностью контролирует сектор Газа и пользуется среди жителей сектора достаточно высокой, хотя и не абсолютной поддержкой. Кроме того, сохраняется опасность военного переворота, аналогичного произошедшему в июне 2007 года в Газе, но уже на Западном берегу. Наконец, перед гла-

зами нового премьер-министра Израиля – противоречивые результаты войсковой операции в секторе Газа, которая не привела ни к свержению режима ХАМАС, ни к ослаблению его поддержки среди местного населения. С другой стороны, новое правительство устами министра иностранных дел А. Либермана дистанцировалось от решений конференции в Аннаполисе, состоявшейся в ноябре 2007 года.

Между тем, несмотря на неоднозначность последствий, которые повлек и повлечет за собой раскол ПНА на две части, необходимо подчеркнуть также те потенциальные выгоды, которые он может из этой ситуации извлечь. Во-первых, агрессивная политика, проводимая движением ХАМАС, может быть выгодной Израилю с точки зрения информационного противостояния на поле западного общественного мнения: становится совершенно очевидно, кто агрессор, кто подрывает мирные инициативы и кто виновен в срыве тех или иных решений. Этот тезис нашел свое подтверждение во время военной операции в Газе, во время которой лидеры ЕС и президент США выразили Израилю поддержку. Так, Дж. Буш возложил ответственность за происходящее в Газе именно на ХАМАС, а канцлер Германии А. Меркель подчеркнула, что «защита граждан и территории государства является законным правом Израиля»³. Во-вторых, военный переворот в секторе Газа и де-факто раскол ПНА на две части дает возможность отказаться от идеи палестинского государства – идеи, и без того, мягко говоря, не близкой сердцу Б. Нетанияху. Наконец, раскол ПНА дает возможность разрушить укоренившееся в умах представление о некоем политическом единстве «палестинских» территорий. К тому же важно подчеркнуть, что собственно палестинскими ни Западный берег, ни сектор Газа никогда не были: если между 1948 и 1967 годом они принадлежали Иордании и Египту соответственно, то после Шестидневной войны перешли под контроль Израиля.

Необходимо также отметить, что отказываясь от выполнения решений конференции в Аннаполисе, А. Либерман имел на то определенные основания. Участники конференции в американском городе Аннаполис подтвердили свою приверженность идее создания палестинского государства рядом с Израилем. Эта парадигма решения палестино-израильского конфликта игнорирует ряд важных ас-

пектов: во-первых, после де-факто раскола ПНА необходимым условием для создания палестинского государства является объединение Западного берега и сектора Газа под одной властью, что на данный момент представляется весьма трудной задачей; во-вторых, очевидна экономическая несостоятельность потенциального палестинского государства; в-третьих, исторический опыт разделенных государств показывает, насколько велика вероятность раскола (Объединенная арабская республика распалась в 1961 году; Бангладеш выделилась из Пакистана в 1971 году). Наконец, нельзя не отметить тот факт, что сам Аннаполисский процесс начался ровно тогда, когда и бывшему премьер-министру Э. Ольмерту, и бывшему президенту США Дж. Бушу-мл. был крайне необходим видимый дипломатический успех: Э. Ольмерту – после Ливанской войны, где его кабинет не сумел достичь поставленных целей; Дж. Бушу – из-за все возрастающих трудностей в поддержке в глазах американской общественности идеи об успешной демократизации Ближнего Востока. Растущее недовольство широких слоев американских граждан тем, насколько глубоко «завязла» американская армия в Ираке, требовало какого-то противовеса, коим и был призван стать саммит в Аннаполисе.

Принимая во внимание как фактический раскол ПНА на две части, так и отказ от продолжения аннаполисского процесса, правительство Нетанияху при выработке своей политики на палестинском направлении потенциально может выбирать из шести опций:

– «модель Барака – Шарона»: с палестинской стороны у Израиля на сегодняшний день нет партнера для ведения переговоров, ведение переговоров с Махмудом Аббасом бессмысленно, т.к. его легитимность как главы ПНА крайне сомнительна, а из двух территориальных анклавов, входящих в ПНА, он контролирует только один (Западный берег);

– «модель Аннаполиса»: продолжать вести переговоры с Махмудом Аббасом, как будто никаких изменений в ПНА не произошло и как если бы Аббас полностью контролировал ситуацию, и достичь с ним некоего соглашения;

– продолжать вести переговоры с Махмудом Аббасом, отдавая, однако, себе отчет в том, что любой пришедший ему на смену палестинский лидер может и в целом имеет

право отказаться от всех подписанных Аббасом договоров, апеллируя к тому, что признанный срок полномочий М. Аббаса закончился в январе 2009 года;

– «модель статуса-кво»: сложившаяся ситуация слишком неопределенная, чтобы предпринимать какие-либо решительные шаги на палестинском направлении, а потому единственное, что Израиль может – это поддерживать статус-кво, имеющийся на сегодняшний день;

– «иорданская опция»: сделать ставку не на Махмуда Аббаса, а на короля Иордании Абдаллу II, с которым вести переговоры о возвращении Западного берега под иорданский суверенитет;

– переговоры с ХАМАСом – не только об освобождении Гилада Шалита, с одной стороны, и тысячи боевиков исламистов, с другой (переговоры об этом и так ведутся), но и по другим вопросам, обсуждение которых критически важно как для израильтян, так и для палестинских арабов.

Среди вышеперечисленных путей, которые может избрать кабинет Б. Нетаньяху, наибольший интерес представляют два последних: сохранение существующего статуса-кво или же начало переговоров с Иорданией. Если переговоры с Иорданией заслуживают особого внимания как наиболее перспективная, хотя и смелая, опция, то сохранение статуса-кво заслуживает такого внимания как опция, имеющая наибольшие шансы быть реализованной на практике. Между тем остальные опции также заслуживают рассмотрения и не могут быть сброшены со счетов.

«Модель Барака – Шарона» исходит из того предположения, что у Израиля с палестинской стороны нет партнера по переговорам – партнера, который хотел бы достичь какого-либо соглашения с Израилем и мог бы реализовывать его на практике. В течение очень долгого времени одной из основных парадигм израильской политики на палестинском направлении была парадигма «мир в обмен на территории», впервые предложенная в 1970 году в плане Роджерса. Согласно этой концепции, постепенные территориальные уступки и компромиссы, на которые Израиль готов пойти, должны в итоге привести к заключению мирных соглашений. Предпосылка применения этой модели на палестинском направлении состояла в том, что у Израиля есть партнер по переговорам, то есть тот лидер, с которым возможно

вести переговоры и который в этих переговорах заинтересован. Процесс Осло (1993–2000 гг.), «Декларация принципов» А. Аялона и С. Нуссейбы, план У. Саги и Г. Шера – все эти попытки мирного урегулирования хотя и не предлагали, по сути, решения ключевых проблем палестино-израильского конфликта, были предприняты, именно исходя из предпосылки о существовании с палестинской стороны лидера, готового к обсуждению и решению проблем⁴. На саммите же в Кэмп-Дэвиде в США стратегия «мир в обмен на территории» была поставлена под сомнение. Идея о том, что у Израиля нет партнера по переговорам, восходит именно к саммитам в Кэмп-Дэвиде в 2000 г. и в Табе в 2001 г., где палестинскому лидеру Я. Арафату были предложены максимальные уступки, на которые какое-либо израильское правительство соглашалось когда-либо пойти, включая раздел Иерусалима. В ответ же Израиль получил отказ – из чего и родилось представление об отсутствии с палестинской стороны партнера по переговорам и логично вытекающий из него вывод решать проблемы в одностороннем порядке без согласований с палестинской стороной. Первым израильским политиком, начавшим реализовывать, хотя и не на палестинском направлении, эту модель на практике, стал Эхуд Барак, осуществивший в мае 2000 года односторонний вывод войск из Южного Ливана без достижения соглашения с правительством Ливана. Впоследствии в иной форме ее продолжал реализовывать Ариэль Шарон, занявший пост премьера в 2001 году (т.н. «программа размежевания» из Газы и Северной Самарии). Фактически данная модель предусматривает прекращение любых переговоров с палестинскими лидерами до тех пор, пока не появится руководитель, готовый на серьезное урегулирование и способный его обеспечить. Министр иностранных дел Израиля А. Либерман, по-видимому, занимает наиболее последовательную позицию в отношении палестинского направления внешней политики. Он не только заявил, как уже упоминалось выше, что «переговоры с ПНА зашли в тупик», но и считает, что в случае возобновления переговоров никаких уступок палестинцам делать не следует, так как «все уступки только увеличивают давление, но не могут разрешить конфликт», а уступки «палестинцам приводят только к войне»⁵. Позиция же премьер-министра по этому вопросу, как

видно из его публичных выступлений, достаточно противоречива. В начале 2009 года Б. Нетанияху твердо придерживался позиции, что «у Израиля сегодня нет партнера по переговорам», который бы «не просто признал наше право на существование, но и смог бы заставить свое население признать это», в марте же 2009 года он призвал палестинскую сторону к переговорам, обещая продолжить диалог с ПНА⁶. А в интервью американской газете «The Washington Post», которое он дал 28 февраля 2009 года, Нетанияху заявил, что «в Израиле и в мире существует консенсус, что палестинцы сами должны управлять своим государством», допуская тем самым возможность создания палестинского государства⁷. Учитывая опыт первой каденции Б. Нетанияху на посту премьер-министра, можно сделать вывод, что его предвыборные заявления и реальная политика зачастую противоречат друг другу. Хотя в рамках предвыборной кампании 1996 года он заявлял о необходимости продолжения мирных переговоров с ПНА для достижения постоянного мирного соглашения, впервые встретился с Я. Арафатом только 4 сентября 1996 года, через три месяца после своего избрания.

Рассматривая следующие две вероятные модели, на основе которых может строиться внешняя политика кабинета Нетанияху, необходимо уделить особое внимание главному партнеру по потенциальным переговорам – Махмуду Аббасу. После смерти председателя ООП Ясира Арафата в ПНА в январе 2005 года были проведены выборы, на которых Махмуд Аббас победил при бойкоте выборов со стороны ХАМАСа. Согласно палестинскому законодательству, каденция М. Аббаса составляет четыре года и, следовательно, закончилась в январе 2009 года, однако еще в ноябре 2008 года Исполком ООП своим постановлением продлил срок полномочий М. Аббаса еще на год. Такой шаг не предусмотрен палестинским законодательством, а потому какой бы лидер ни пришел на смену Абу Мазену, он сможет объявить все соглашения, подписанные палестинским председателем, начиная с января 2009 года, не имеющими законной силы. Если следующим главой ПНА станет представитель исламистов, то развитие событий по такому сценарию представляется более чем вероятным. И это израильские руководители должны осознавать и принимать

во внимание в том случае, если они решат продолжать переговоры с М. Аббасом.

Наиболее жесткую позицию по отношению к решениям конференции в Аннаполисе занимает А. Либерман, не считающий Израиль связанным какими-либо обязательствами по итогам этой конференции: «Есть только один документ, который накладывает на нас обязательства, и это не соглашение, подписанное в Аннаполисе. Оно не имеет юридической силы. Израильское правительство никогда не ратифицировало аннаполиское соглашение. Ни кабинет, ни Кнессет не ратифицировали его»⁸.

Относительно же возможной политики по отношению к Абу Мазену и администрации ФАТХ на Западном берегу в правительстве Израиля, видимо, единого мнения нет. Об этом свидетельствуют противоречивые заявления израильских политиков, сделанные с разницей лишь в несколько дней. Так, Б. Нетанияху 25 марта 2009 года на встрече с израильскими и западными бизнесменами заверил, что новое израильское правительство «станет палестинцам добрым партнером в мирном процессе», а также пообещал «продолжить переговоры с ПНА в обмен на мир»⁹. Практически вслед за этим свою позицию озвучил бывший начальник Генерального штаба, сейчас занимающий пост министра по стратегическим угрозам. Моше Яалон полностью исключил возможность возрождения мирного процесса, аргументировав это тем, что «джихадисты трактуют компромисс как слабость». Он привел в качестве примера реакцию на вывод еврейских поселений из Газы четыре года назад. «Ошибка при выходе из Газы заключалась в том, что мы как западные люди думали, что компромисс устраняет проблему, – но он лишь усиливает ее. Какой сигнал вы подаете им сейчас, когда вы готовы разделить Иерусалим или отойти к границам 1967 года? В такого рода конфликтах способность настоять на своей позиции и быть определенным более важна, чем огневая мощь»¹⁰.

Переговоры о возвращении Западного берега под контроль Иордании представляются перспективными сразу по нескольким причинам. Во-первых, после раскола ПНА власть Махмуда Аббаса на Западном берегу, равно как и его правомочность подписывать какие-либо договоры с Израилем, может быть поставлена под сомнение. Во-вторых,

сама власть Махмуда Аббаса на Западном берегу находится под постоянной угрозой со стороны движения ХАМАС, способного совершить военный переворот по образцу произошедшего в Газе в июне 2007 года. Подобное развитие событий напрямую затронет интересы не только Израиля, но и соседней Иордании, так как установление ХАМАСом власти на Западном берегу станет смертельной угрозой королю Абдалле II. В-третьих, принимая во внимание исторический опыт, необходимо отметить, что Иордания владела Западным берегом на протяжении почти двадцати лет (с 1948 по июнь 1967 года), успешно контролировала его, интегрировав в свою экономическую и политическую структуру, и официально отказалась от притязаний на эти территории лишь в июле 1988 года. Однако и после этого разнообразные связи Иордании с Западным берегом сохранились.

Таким образом, продвижение переговоров с Иорданией о возвращении под ее контроль Западного берега отвечает как израильским, так и иорданским интересам, а также основывается, что немаловажно, на историческом опыте. Между тем передача территорий сопряжена с определенными трудностями как с израильской, так и с иорданской стороны. Прежде всего необходимо «заинтересовать» короля Абдаллу принять в состав своего королевства эти территории с достаточно многочисленным палестинским населением, со всеми их проблемами и конфликтами. Своего рода бонусом, который будет критически важным в переговорах с иорданцами, может, по-видимому, стать Восточный Иерусалим. Можно с большой долей вероятности предположить, что для успеха реализации соглашения Израиль должен быть готов к разделу Иерусалима и передаче части города Иордании.

Вторая трудность состоит в том, что израильское общество, на памяти которого произошли вывод войск из Южного Ливана и эвакуация еврейских поселений из сектора Газа, а также те последствия, к которым обе акции привели, может отрицательно воспринять идею о передаче Западного берега кому бы то ни было, в том числе Иордании. Простекает данное опасение из того факта, что после вывода израильских войск из Южного Ливана, осуществленного Эхудом Бараком в одностороннем порядке в мае 2000 года,

а также после вывода еврейских поселений из сектора Газа в августе 2005 года Ариэлем Шароном обе территории начали представлять для Израиля угрозу, став плацдармами антиизраильских акций «Хизбаллы» и ХАМАСа. Третья трудность состоит в том, что мировая дипломатия, уже много лет вовлеченная в палестино-израильский конфликт, последовательно придерживается идеи создания палестинского государства. Решения конференции в Аннаполисе тому яркое подтверждение. Ввиду этого израильское правительство должно будет вести активную деятельность в Москве, Вашингтоне и европейских столицах, дабы убедить дипломатов разных стран в бесперспективности этой парадигмы и в рациональности начала переговоров с королем Абдаллой. Деятельность израильских дипломатов в ЕС, России и США в попытке заручиться их поддержкой приобретает тем большее значение, что Иордания, наверняка потребует некоего международного признания присоединения ею Западного берега. В период с 1948 по 1967 гг., когда Иордания владела Западным берегом и аннексировала его, лишь две страны в мире признали факт аннексии – Великобритания и Пакистан. Абдалла II не захочет возвращаться к ситуации «непризнанной аннексии», поэтому от международного сообщества потребуются признать легитимность иорданского правления на этих территориях.

Вероятно, именно передача контроля над Западным берегом Иордании, сколь бы трудным это ни казалось, могла бы стать в сложившейся ситуации наиболее разумным с точки зрения долгосрочных последствий решением. Все израильские руководители уделяли особое внимание отношениям с Иорданией, чему могут служить подтверждением частые неофициальные визиты премьер-министров Израиля в Амман. Первая публичная встреча короля Хусейна с израильским лидером И. Рабиным состоялась 25 июля 1994 года. Однако еще до начала публичных переговоров израильско-иорданские отношения были весьма насыщенными: фактически каждый израильский лидер, а также высшие военные и гражданские чины встречались, зачастую по несколько раз, с королем Хусейном, главой его канцелярии ар-Рифаи. Так, в период с 1963 по 1994 год имело место более пятидесяти секретных встреч, первая из которых состоялась в сентябре 1963 года в Лондоне между королем

Хусейном и д-ром Я. Герцогом. С тех пор и Г. Меир, и М. Даян, и Ш. Перес, и И. Рабин, и Э. Барак встречались с королем Иордании как на территории собственно Иордании, в Аммане, Акабе или Вади-Араба, так и в Израиле или Европе¹¹. После заключения мирного соглашения израильско-иорданская дипломатия стала публичной, но частота встреч между первыми лицами государств остается весьма высокой. Нынешний премьер-министр Б. Нетанияху, уже занимавший этот пост в 1996–1999 годах, также встречался с королем Иордании в мае 1997 года в Акабе; Э. Барак нанес визит в Амман в июле 1999 года; А. Шарон встречался с уже новым королем Абдаллой II в марте 2004 года, а Э. Ольмерт – в июне 2007 года в Шарм-эш-Шейхе¹². Между тем переговоры с королем Абдаллой II, несмотря на разумность и перспективность этого шага, имеют немного шансов быть начатыми кабинетом Нетанияху. Хотя необходимо отметить, что сам нынешний премьер-министр публично высказывался за «решение палестинской проблемы на региональном уровне», а также за «помощь Иордании на Западном берегу». Более того, Б. Нетанияху, еще возглавляя оппозицию в Кнессете, высказывался предельно откровенно, что, по его мнению, «необходимо ввести на территорию Западного берега части иорданской армии» для наведения там порядка¹³.

Наконец, последняя рассматриваемая модель действий – это начало политического диалога с ХАМАСом. С одной стороны, необходимо помнить о том, что это движение руководствуется Хартией, прямо указывающей на то, что «единственным способом решить палестинскую проблему является джихад, а участие в переговорах с израильтянами есть предательство ислама». С другой стороны, именно движение ХАМАС реально контролирует сектор Газа и является той силой, игнорировать которую невозможно. Основываясь на историческом опыте, можно говорить о том, что и ООП, Хартия которой от 1968 года призывала к уничтожению Израиля, впоследствии стала партнером по переговорам, а Египет, принимавший участие в Хартумской конференции 1967 года, на которой были приняты «три нет» Израилю, стал первой страной подписавшей с еврейским государством мирный договор. Между тем, даже если предположить, что политическая эволюция ХАМАСа воз-

можно, на данном этапе он сам отказывается от диалога с Израилем.

Вместе с тем события как последних лет – попытки, успешные и неуспешные, точечных ликвидаций высших руководителей движения, – так и самого недавнего времени – военная операция в Газе – показали, что ни одно из доступных силовых средств воздействия не было эффективным. Более того, нельзя сбрасывать со счетов сценарий, согласно которому ХАМАС, движимый желанием сохранить свою власть в Газе, станет более уступчивым и согласится в итоге на переговоры с Израилем. В сущности переговоры с ХАМАСом, пусть не прямые, при посредничестве Египта уже идут, и с израильской стороны задействованы высокопоставленные должностные лица.

При этом рассматривая возможность и перспективность диалога с ХАМАСом, было бы интересно обратиться к опыту урегулирования положения на ливанской границе и к опыту переговоров с «Хизбаллой». Обе эти группировки во многом схожи: обе террористические по методам борьбы, обе исламистские по своей идеологии, плацдармы обеих находятся в непосредственной географической близости от Израиля. Вторая ливанская война, начавшаяся 12 июля 2006 года, завершилась в августе того же года резолюцией Совета Безопасности ООН № 1701. С этого времени на северной границе Израиля поддерживается относительное спокойствие, без каких-либо крупных инцидентов. Более того, правительство Э. Ольмерта совершило с «Хизбаллой» сделку по обмену двух израильских солдат Э. Гольдвассера и Э. Регева на девятирех арабских террористов, содержащихся в израильских тюрьмах¹⁴. И 16 июля этот обмен состоялся, хотя вплоть до последнего момента было неясно, вернутся ли солдаты живыми или же они мертвы. Помимо этого, в октябре 2007 года Израиль и «Хизбалла» совершили еще одну сделку, осуществленную при посредничестве Германии. Обрато в Израиль был передан похищенный 15 октября 2000 года полковник Эльханан Тененбаум, в ответ на что были освобождены 425 палестинских террористов¹⁵. Таким образом, с одной стороны, на ливано-израильской границе уже практически три года поддерживается относительное, пусть и напряженное, спокойствие; с другой стороны, как показывает опыт сдел-

ки с «Хизбаллой», ведение переговоров и осуществление сделок возможно даже с исламистскими и террористическими организациями.

Хотя резолюция Совета Безопасности ООН № 1860, принятая 9 января 2009 года и требовавшая немедленного прекращения огня в секторе Газа, и не возымела того действия, как резолюция № 1701, это не означает, что переговоры с ХАМАСом в принципе невозможны. Более того, переговоры об освобождении похищенного израильского солдата Г. Шалита уже идут при активном посредничестве главы египетских спецслужб Омара Сулеймана. Так, один из последних раундов, на котором Израиль представлял Офер Декель, состоялся в середине марта 2009 года в Каире¹⁶. Вообще же в непрямым переговорах с ХАМАСом принимали участие глава Шабака Ю. Дискин, а также глава политического отдела Министерства обороны Израиля Амос Гилад. Как заявил заместитель главы политического отдела ХАМАСа Муса Абу Марзук в интервью телеканалу «Аль-Джазира», «этот вопрос находится в руках Каира, но Шалит не будет отпущен до тех пор, пока не будут освобождены 450 заключенных в дополнение к 550 другим, включая боевиков, женщин, министров и членов парламента»¹⁷. Это требование было отвергнуто правительством Оммерта, которое дало гипотетическое согласие освободить 320 заключенных, но отказалось выпустить тех, кто напрямую причастен к гибели израильских граждан в терактах последних лет. Кроме того, Израиль настаивал, чтобы некоторые из тех, кого предполагалось освободить, были высланы за границу, а не возвращались бы на территорию Западного берега¹⁸. Таким образом, хотя на сегодняшний день достичь соглашения и не удалось, и Израиль, и ХАМАС продолжают вести не прямой диалог друг с другом.

Кроме того, в отношениях ХАМАСа и Израиля был период, когда обе стороны приняли на себя обязательство перемирия сроком на полгода. Соглашение о перемирии было достигнуто при египетском посредничестве 19 июня 2008 года и соблюдалось вплоть до ноября, когда израильские войска разрушили подземный туннель в секторе Газа, на что ХАМАС ответил пусками ракет. Даже принимая во внимание тот факт, что с точки зрения исламистов данное перемирие представляло собой «тахдия» (арабский термин,

обозначающий временное прекращение огня), а не «худна» (перемирие, предполагающее признание за противником права на существование), в целом перемирие успешно соблюдалось. Кроме того, при заключении перемирия ХАМАС дал четко понять, что выступит против любой палестинской группировки, которая попытается достигнутое соглашение нарушить.

Еще одной темой, по которой в Каире ведутся переговоры между Израилем и ХАМАСом, является вопрос открытия контрольно-пропускных пунктов и доставки в сектор Газа товаров и грузов. Как заявлял Салах Бардуиль, представитель движения на переговорах в Каире, у ХАМАСа в целом «нет возражений против перемирия в обмен на прекращение блокады сектора Газа и открытие КПП. Мы не возражаем также против обсуждения вопроса Гилада Шалита в тандеме с переговорами о перемирии». Стремление обеспечить население сектора Газа минимальным набором товаров, предотвратив тем самым возможное недовольство или волнения, с некой долей вероятности, может стать фактором, смягчающим позицию ХАМАСа. Параллельно исламисты вели переговоры также и с Египтом об открытии пункта в Рафахе для доставки в Газу необходимых грузов. Причем в своих не прямых контактах с Израилем ХАМАС уделяет огромное внимание роли Египта. Так, по словам М. Абу Марзука, именно Египет должен играть ключевую роль в посредничестве между Израилем и ХАМАСом и должен предоставить гарантии выполнения соглашений, если таковые будут подписаны¹⁹.

Между тем нынешний глава правительства Бениамин Нетанияху заявил в феврале 2009 года, что «ХАМАС и мирное урегулирование несовместимы». Таким образом, шанс на начало политического диалога невелик.

Скорее всего, новое израильское правительство избрет иной путь – путь поддержания статус-кво на Западном берегу. Сторонники этой точки зрения считают, что в сложившейся политической ситуации проведение любой активной политики крайне трудно, а потому Израиль, по их мнению, должен придерживаться оборонительной и охранительной тактики – тактики минимизации возможного вреда. Поддерживать Махмуда Аббаса, отдавая при этом себе отчет в том, что как общепризнанный лидер пале-

стинцев он не состоялся, минимизировать вред и ущерб, который способен причинить ХАМАС в секторе Газа, а также стремиться не допустить развитие событий по самому худшему из возможных сценариев (захват власти ХАМАСом на Западном берегу) – такова суть политики статус-кво, которую, по всей видимости, и станет проводить новый израильский кабинет.

¹ Переговоры с ПА в тупике // на сайте «7 kanal.com», 07.04.2009.

² Косач Г. Победа, предполагающая перемены // Сайт Института Ближнего Востока, 21.02.2006.

³ Benjamin Weinthal. Israel has a right to defend itself against Kassams // *The Jerusalem Post*, 12.06.2008.

⁴ Алек Эпштейн. Три года после Кемп-Дэвида и Табы: новые поиски путей урегулирования палестино-израильского конфликта // *Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе* / Под ред. А.Д. Эпштейна. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004, с. 20–38.

⁵ Liberman: no concessions // на сайте «Associated Press», 01.04.2009.

⁶ Netanyahu will be peace partner // на сайте «BBC.co.uk», 25.03.2009.

⁷ Netanyahu's Middle East Outlook // *The Washington Post*, 28.02.2009.

⁸ Сурков Н. Либерман отверг Аннаполис // *Независимая газета*, 03.04.2009.

⁹ Netanyahu will be peace partner // на сайте «BBC.co.uk», 25.03.2009.

¹⁰ Jeffrey Goldberg. Stop Iran – Or I Will // *The Atlantic* (США), 31.03.2009.

¹¹ Shlaim A. *Lion of Jordan. The life of King Hussein in War and Peace*, Alfred A. Knopf. New York, 2008.

¹² Сегодня Ольмерт, Аббас, Мубарак и Абдалла II встречаются в Шарм аш-Шейхе // на сайте «Newsru.co.il», 25.06.2007.

¹³ Roni Sofer. PM considers allowing Jordanian forces to enter West Bank // *Yediot Ahronot*, 12.12.2007.

¹⁴ Ханин В. Израиль, ФАТХ, «Хизбалла» и ХАМАС: Сезон «асимметричных сделок» // Сайт Института Ближнего Востока, 17.09.2008.

¹⁵ Израиль получил тело своего рыбака за одного живого и двух мертвых ливанских заключенных // на сайте «Newsru.com», 15.10.2007.

¹⁶ Roni Sofer. Ofer Dekel leaving Cairo // *Yediot Ahronot*, 13.03.2009.

¹⁷ Abu Marzouk denies receiving Shalit videotape // на сайте «Al-Jazeera», 10.03.2009.

¹⁸ ХАМАС готов обменять солдата Гилада Шалита на 450 пленных боевиков // на сайте «Корреспондент.net», 22.03.2009.

¹⁹ Abu Marzouk denies receiving Shalit videotape // на сайте «Al-Jazeera», 10.03.2009.